

Российский
центр научной
информации

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

2025/1 (120)

Российский
центр научной
информации

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 1 (120) январь – март 2025 года

Основан в 1995 году

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский центр научной информации»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Centre
for Science
information

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 1 (120) January – March 2025

Founded in 1995

The Founder

**Federal State Budgetary Institution
Russian Centre for Science information**

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119991, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Петров Ю.А. Навеки в памяти народной	9
---	---

В ШТАБАХ ПОБЕДЫ

Мякота В.Н., Кудряшов С.В. Советские планы ответа на военные приготовления Германии	13
Панков О.Д. Спецпропаганда в годы Великой Отечественной войны	26
Попов А.Ю. О централизации руководства партизанским движением в годы Великой Отечественной войны	39

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Аристов С.В. Судьба советских военнопленных в годы войны.....	52
Кудряшов С.В. Война на уничтожение. Нацистский террор на советских территориях.....	64
Соловьёв С.М. Отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции в ходе подготовки и проведения Нюрнбергского процесса.....	79

АРХИВНЫЕ ТАЙНЫ

Беклемишева М.М. Трофейные документы Великой Отечественной войны в фокусе внимания разведывательных, политических и архивных органов СССР.....	97
Домнин А.И. Операция «Багратион»: картографический след.....	108

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИЕ СПОРТА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Зубкова Е.Ю.

Война и судьба памятников культуры: на пути к возрождению. «Новгородский феномен»..... 125

Куприянов А.И.

Спорт в годы Великой Отечественной войны 140

**Научные проекты РФФИ (РГНФ) по изучению истории
и различных аспектов Великой Отечественной войны..... 153**

CONTENTS

DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

<i>Petrov Yu.A. Forever in the people's memory</i>	9
--	---

AT VICTORY'S HEADQUARTERS

Myakota V.N., Kudryashov S.V. Soviet Plans to Respond to German Military Preparations	13
Pankov O.D. Psychological Warfare during the Great Patriotic War	26
Popov A. Yu. On the Centralisation of the Leadership of the Partisan Movement during the Great Patriotic War	39

NO STATUTE OF LIMITATION

Aristov S.V. Fate of Soviet Prisoners of War during the War Years.....	52
Kudryashov S.V. War of Extermination. Nazi Terror in Soviet Territories.....	64
Solovyov S.M. Relations between the Allies in the Anti-Hitler Coalition Before and During the Nuremberg Trials.....	79

ARCHIVAL SECRETS

Beklemisheva M.M. Captured Documents of the Great Patriotic War in the Center of Attention of the Soviet Intelligence, Political Bodies and Archives.....	97
Domnin A.I. Bagration Operation: the Cartographic Mark.....	108

PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE AND SPORTS DEVELOPMENT DURING THE WAR

Zubkova E. Yu.

War and Cultural Heritage: on the Way to Restoration. "The Novgorod Phenomenon" 125

Kupriyanov A. I.

Sport during the Great Patriotic War 140

**Scientific projects of the Russian Foundation for Basic Research
(Russian Humanitarian Scientific Foundation) on studying the history
and different aspects of the Great Patriotic War. 153**

Ю.А. Петров,
доктор исторических наук,
директор Института российской истории РАН

НАВЕКИ В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

80 лет отделяют нас от победоносного окончания Великой Отечественной войны – главного события XX века не только в отечественной, но и мировой истории. Не подлежит сомнению, что именно на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. разворачивались основные события Второй мировой войны, без преувеличения, решалась судьба человечества.

Неудивительно, что в России празднованию Дня Победы придавалось и придаётся исключительное значение. Наше общество воспринимает 9 мая как особое событие – торжественное и трагическое, как символ национального единения перед лицом смертельной опасности.

Война на уничтожение, которую в 1941 г. развязала против Советского Союза нацистская Германия вместе с её союзниками, была нацелена на ликвидацию государственности, геноцид советского народа и колонизацию территории СССР. Сопротивление агрессору с первых дней приняло общенародный характер, а война стала поистине Отечественной. Массовые расстрелы военнопленных, мирных жителей, жестокое обращение с населением

на занятых немцами территориях вызвали волну естественной ненависти к оккупантам и широкого партизанского движения.

Война оказалась тяжелейшим испытанием для советского общества. С её началом граждане СССР объединились вокруг национального лидера – И.В. Сталина. Руководство партии и страны, в свою очередь, смогло организовать поистине всенародную борьбу с врагом. Управленческая вертикаль была дополнена чрезвычайными органами во главе с Государственным Комитетом Обороны, к которому перешли реальные полномочия по руководству страной в военное время. Максимальная централизация управления наилучшим образом соответствовала экстремальным условиям военного времени.

Благодаря этому Советский Союз в течение трёх лет в одиночку смог противостоять фашистской Германии, на которую работала вся покорённая нацистами Европа. Отсутствие второго фронта лишь отчасти компенсировалось увеличением поставок по ленд-лизу. Победа над жестоким и сильным врагом – это подвиг всего советского народа, выстоявшего в этой

смертельной схватке на фронте и в тылу. Проведённая в чрезвычайных условиях эвакуация промышленности из западных и центральных районов страны по своим масштабам не знала прецедентов в мировой истории.

Война стала проверкой прочности советского государства и его структур, важнейшими из которых являлись армия и оборонно-промышленный комплекс. Советская система выдержала испытание войной благодаря экономическому и культурно-образовательному потенциалу, заложенному в годы первых пятилеток, а власть продемонстрировала способность адаптироваться к экстремальной ситуации.

Ключевыми факторами Победы стали массовый героизм и многонациональное братство советских людей. В сменившем «Интернационал» новом Гимне СССР подчёркивалось, что «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Врага одолело поколение, воспитанное на идеалах советского патриотизма, готовое к защите социалистического Отечества.

Победа была достигнута благодаря стойкости, патриотизму и самопожертвованию народа. За время Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены 11 657 человек – представители всех народов нашей страны. Символами негибаемого мужества стали Брестская крепость, блокадный Ленинград, непобеждённый Севастополь, героический Сталинград, уничтоженная карателями вместе с мирными жителями белорусская деревня Хатынь.

Отстояв свою независимость, СССР сыграл ключевую роль в разгроме Третьего рейха и его сателлитов, а также в освобождении народов Европы от нацизма. Попытки замалчивания или ревизии этих поло-

жений, а тем более «исключения» нашей страны из числа победителей являются грубой фальсификацией исторической истины. Другой непреложный факт заключается в том, что вместе с нацистской Германией в агрессии против СССР участвовали едва ли не все страны Европы. Регулярные войска сателлитов Германии, а также нацисты-«добровольцы» из разных государств воевали вместе с вермахтом или в составе частей СС, совершая, как и немцы, военные преступления, творя акты геноцида на оккупированной советской территории. По политическим причинам многие преступления «нацистского интернационала» после войны не были преданы огласке и остались безнаказанными. Воевавшие вместе с Гитлером и оккупировавшие территорию СССР Румыния и Финляндия в 1944 г., когда исход войны был уже предрешён, объявили войну Германии, дабы избежать разгрома и наказания за военные преступления на советской земле.

Победа досталась нам крайне дорогой ценой, несопоставимой с потерями дружеских стран ни по размерам экономического ущерба, ни по масштабам человеческих жертв и страданий. К весне 1945 г. урон от войны в 20 раз превысил национальный доход страны в 1940 г., СССР потерял около 30% своего национального богатства¹. Согласно современным оценкам, жертвами нацистской агрессии стали 26,7 млн граждан СССР – военнослужащих и гражданских лиц. Погибли, по минимальным оценкам, около 13,5% населения Советского Союза (причём более половины – мирные жители), тогда как в США – 0,32%, Великобритании – 0,94%, Франции – 1,35%. Из противников наибольшие потери понесла Германия – около 8% от общей численности населения².

Каждый день войны в Советском Союзе в среднем погибали более 20 тыс. человек.

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 52–53.

² Великая Отечественная война. Кн. 4. М., 1999. С. 282–284, 294; Поляков Ю.А., Жиromская В.Б., Араловец Н.А. «Демографическое эхо» войны // Война и общество. Кн. 2. М., 2004. С. 375–385; Erickson J. Soviet War Losses. Calculations and Controversies // Dilks D., Erickson J. (eds.). Barbarossa. The Axis and the Allies. Edinburgh, 1994. P. 255–277.

Если к этому прибавить десятки миллионов раненых и искалеченных, прошедших оккупацию, трудовое рабство и концлагеря, перенёсших ужас голода в блокадном Ленинграде, детей, оставшихся сиротами, страдания миллионов людей, лишившихся крова, своих родных и близких, то становится очевидно, что война затронула каждую советскую семью и не могла не «врезаться» в народную память. В демографическом плане отдалённые её последствия до сих пор напоминают о себе в современной России.

Несмотря на то, что война принесла нашей стране гигантские людские потери, десятки тысяч разорённых городов и сёл, Советский Союз вышел из этого испытания на моральном подъёме, с огромным международным авторитетом, мощной армией и народом-победителем. Великая Отечественная война стала не просто важнейшей вехой в мировой истории XX века. Связанные с ней события оставили глубокий след в памяти послевоенных поколений и продолжают оказывать решающее воздействие на патриотическое воспитание современных россиян. История Великой Отечественной войны стала важной частью исторического самосознания и историко-культурного кода российского общества.

В событиях 1939–1945 гг. кроются истоки многих проблем современного мира. Героизация Бандеры и Шухевича, марши прибалтийских легионеров вермахта, аплодисменты нацистскому преступнику в канадском парламенте, попытки возложить равную ответственность за Вторую мировую войну на нацистскую Германию и СССР – всё это результаты поднявшей ныне голову идеологии нацизма, с которым сражались наши отцы и деды. История Великой Отечественной войны становится сегодня объектом мифологизации и намеренных фальсификаций, в которых отчётливо видна реинкарнация антисоветских идеологем периода «холодной войны», густо сдобренных современной русофобией.

Войне посвящено громадное число томов отечественной и зарубежной литературы. В последние десятилетия введены в научный оборот значительные массивы новых документов. На основе источников личного происхождения особенно много сделано для изучения человека на войне, его эмоций и переживаний. Однако многие аспекты истории фронта и тыла всё ещё требуют дальнейшего изучения.

Дело в том, что в экстремальных условиях войны не все события документировались, что делает актуальным их реконструкцию по другим источникам. Хуже других обеспечен источниками наиболее трудный начальный этап войны 1941–1942 гг., когда множество документов было утрачено в ходе тяжёлых оборонительных боев. Тем не менее в целом состояние современной источниковой базы и уровень историографической проработки проблематики дают возможность достаточно полно и репрезентативно воссоздать истинную картину и масштаб подвига, совершённого советским народом.

События военных лет находят живой отклик у современных россиян; об этом можно судить, к примеру, по массовости движения «Бессмертный полк», проекта «Без срока давности» и другим общественным инициативам последних лет. Многочисленные поисковые отряды продолжают работу по обнаружению останков солдат в местах ожесточённых боев, по выявлению захоронений в результате массовых расстрелов нацистами мирных граждан.

* * *

В предлагаемом вашему вниманию номере журнала публикуются подготовленные российскими историками статьи, многие из которых основаны на впервые вводимых в научный оборот архивных документах, что позволяет раскрыть новые страницы военных лет и глубже осознать величие подвига советского народа.

Все статьи номера систематизированы по четырём рубрикам: «В штабах Победы», «Без срока давности», «Архивные тайны»

и «Сохранение памятников культуры и развитие спорта в годы войны».

Первую рубрику открывает статья видных специалистов по истории Великой Отечественной войны В.Н. Мякоты, С.В. Кудряшова «Советские планы ответа на военные приготовления Германии». Статья посвящена анализу советского военного планирования накануне Великой Отечественной войны. Основное внимание авторы обращают на планы Генерального штаба РККА весны 1941 г. Малоизученной теме — специальной пропаганде, которая осуществлялась различными подразделениями Красной армии в годы Великой Отечественной войны с целью влияния на войска противника, посвящена статья О.Д. Панкова. Вопросам создания и деятельности Центрального штаба партизанского движения, его взаимодействия с Красной армией и органами государственной безопасности в вопросах повышения уровня руководства и эффективности разведывательно-диверсионной и боевой деятельности партизанских формирований на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны посвятил своё исследование А.Ю. Попов.

Под рубрикой «Без срока давности» публикуются статьи С.В. Аристовой о судьбе советских военнопленных в годы войны, С.В. Кудряшова — о нацистском терро-

ре на советских территориях и С.М. Соловьёва — об отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции в ходе подготовки и проведения Нюрнбергского процесса.

Большой массив не известных ранее документов вводится в научный оборот в статьях М.М. Беклемишевой «Трофейные документы Великой Отечественной войны в фокусе внимания разведывательных, политических и архивных органов СССР» и А.И. Домнина «Картографический след крупнейшего успеха Красной армии в Великой Отечественной войне», опубликованных под рубрикой «Архивные тайны».

Деятельности советского руководства по сохранению памятников культуры и развитию спорта в ходе войны и в послевоенные годы посвящены статьи Е.Ю. Зубковой и А.И. Куприянова.

Завершает номер перечень научных проектов по изучению истории и различных аспектов Великой Отечественной войны, выполненных при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований (ныне — Российский центр научной информации).

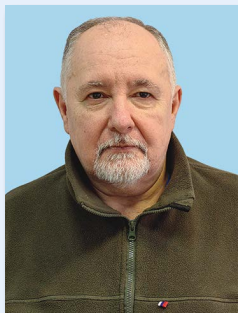
Надеемся, что публикуемые в этом номере журнала статьи российских учёных внесут вклад в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне.

В ШТАБАХ ПОБЕДЫ

Индекс УДК 93/94

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-13-25

**В.Н. МЯКОТА,
С.В. КУДРЯШОВ***

Советские планы ответа на военные приготовления Германии

Статья посвящена анализу советского военного планирования накануне Великой Отечественной войны. Основное внимание обращается на планы Генерального штаба РККА весны 1941 г. Показан их черновой, рабочий характер, который не был воплощён в директивные решения Советского правительства. Делается вывод об отсутствии у военного руководства каких-либо планов «нападения» на Германию.

Ключевые слова: Генеральный штаб, планирование войны, РККА накануне войны, Великая Отечественная война

После польской кампании осенью 1939 г. Генеральный штаб РККА твёрдо определился с будущим противником на Западе. Им станет Германия с её возможными союзниками. Вплоть до июня 1941 г. все военные планы пронизывала главная мысль: как наиболее эффективно противодействовать возможной агрессии.

В армии, особенно после войны с Финляндией, происходили крупные преобразования. Мобилизационное управление совместно с другими подразделениями

Наркомата обороны и Генштаба пришли к выводу, что в будущей войне необходимо держать под ружьём около 9–10 млн человек. Считалось, что это вполне подъёмная цифра, которую в состоянии обеспечить экономика и народонаселение страны. В 1940 г. был принят новый план мобилизации МП-40. Согласно этому плану осуществлялась полная инвентаризация военного хозяйства, взаимоотношений с местными властями в случае войны, составлялись списки военнообязанных, проверялась работа военкоматов и т.д. Работа была до такой

* **Мякота Вадим Николаевич** — начальник 15-го отдела Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

E-mail: centervoviriran@mail.ru

Кудряшов Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН.

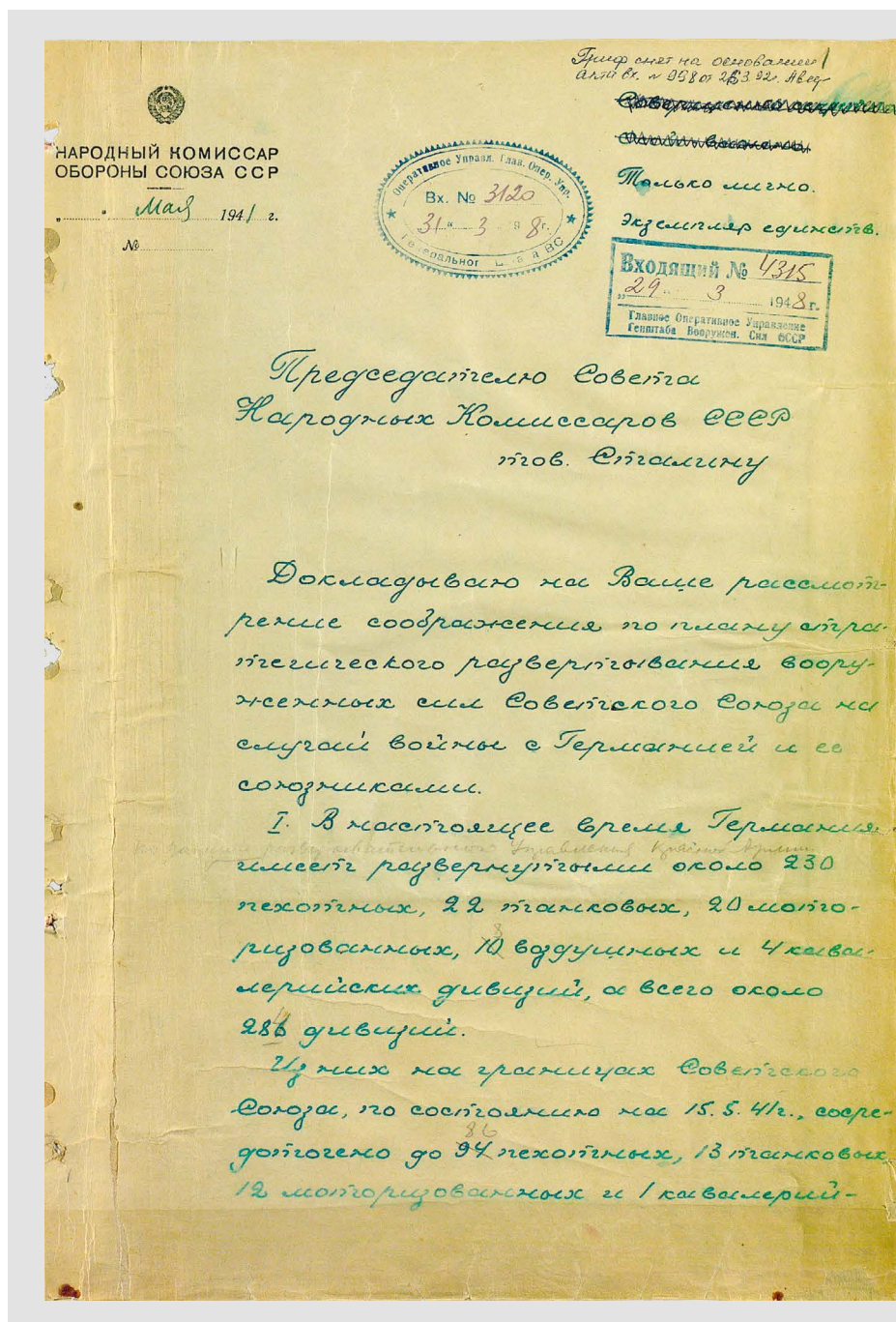
E-mail: kudryashov.iri.ran@yandex.ru

степени масштабной, что военные округа отчитались о ней только в январе 1941 г.

Однако после этого, одновременно со сменой руководства в Генштабе, принимается новый план мобилизации — МП-41. Его подготовка и осуществление требовали ещё больших затрат. Полное обеспечение Красной армии вооружением и техникой по плану МП-41 могло быть удовлетворено только через пять лет. Почти все округа просили об отсрочке, но им отказывали. Поэтому МП-41 так до конца и не был реализован. К 22 июня 1941 г. из 198 стрелковых дивизий половина имела по 10,3 тыс. человек (при штатной численности 12 тыс.), 78 (около 40%) насчитывали по 5,9 тыс. человек. Формирование остальных 23 дивизий только начиналось. В 92 танковых и моторизованных дивизиях из положенных по штатам 31,2 тыс. танков исправными были 18,7 тыс., т.е. 60%. Из 44 укрепленных районов только 17 имели кадры для последующего развертывания. В стадии формирования находились 106 авиационных полков из 348, или более 30% [1, Т. 2, с. 610–622; 5, кн. 3; 7].

Объективная проблема состояла в том, что многие реформы проводились одновременно, стремительно, без достаточной проработки деталей, что неизбежно вело к большим диспропорциям, отставаниям по срокам и разбалансированности механизма управления.

В мае 1940 г. Народным комиссаром обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Специально созданная в связи с этим комиссия

Ил. 1-1-1-2. Соображения об основах стратегического развертывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке от 15 мая 1941 г. (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 239. Л. 211–220)

во главе с секретарём ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым осуществила проверку Наркомата обороны и подготовила акт его приёма-передачи. В этом документе отмечалось, что на момент приёма и сдачи Наркомат обороны не имел оперативного плана войны, не знал истинного состояния армии

и сбитковать германскую армию
в этот момент, когда она будет
находиться в стадии развертывания
и не успеет еще организовать фронт
и взаимодействие родов войск.

II. ^{Перво} ~~Ближайшей~~ стратегической
целью действий войск Красной Армии
поставить – разгром главных сил не-
мецкой армии, развертываемых юж-
нее Демблин и выход к 30 дню опера-
ции на фронт Остпроменск, р. Нарва,
Ловия, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц,
дальше:

а) главный удар силами Юго-Запад-
ного фронта нанести в направле-
нии Краков, Катовице, отрезав Гер-
манию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар силами кри-
пной Западного фронта нанести в на-
правлении Седлец, Демблин, с целью
освоения Варшавской группировки
и содействия Юго-Западному фронту
в разгроме Люблинской группировки
противника;

в) вести активную оборону против
Финляндии, Восточной Пруссии, Вен-
рии и Румынии и быть готовыми к

риюде рассматривалось в опре-
делённой последовательности.
Полагалось, что сразу после на-
падения врага на СССР развер-
нутся ожесточённые воздуш-
ные сражения за завоевание
господства в воздухе с одновре-
менными ударами бомбарди-
ровочной авиации по аэродро-
мам, районам сосредоточения
войск, военно-промышленным
центрам и другим важным
объектам в его тылу. В то же
время начнутся приграничные
сражения так называемых ар-
мий прикрытия, которые отраз-
ят агрессию, выиграют время
и тем самым обеспечат отмо-
билизацию, сосредоточение
и развёртывание главных сил
Красной армии для их перехода
в наступление и переноса воен-
ных действий на территорию
противника [3, 4].

Советские военные экспер-
ты считали, что при таком
временном интервале Крас-
ная армия быстро отмоби-
лизует все свои силы и перейдёт
в решительное наступление.
Отход войск в глубину соб-
ственной территории и за-
тяжные оборонительные бои
не предполагались. В соответ-
ствии с оценкой группировок
немецких войск и общим за-
мыслом отражения их нападе-
ния намечались два варианта

и прикрытия границ¹. Эти недостатки при-
шлось срочно устранять в условиях всё
более нараставшей военной опасности.

На рубеже 30-х – 40-х гг. XX в. в советской
военной теории начальный период войны
понимался как отрезок времени от нача-
ла военных действий до вступления в них
главных сил противоборствующих сторон.
При этом развитие событий в начальном пе-

стратегического развёртывания главных
сил Красной армии на западе. В первом
варианте, который получил наименование
«южный», Генеральный штаб планировал
развернуть главную группировку вой-
ск к югу от Брест-Литовска, чтобы мощ-
ным ударом на люблинско-бреславском
направлении на первом же этапе войны
отрезать Германию от Балканских стран,

¹ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11309. Д. 15. Л. 1–31.

вывести их из войны, лишив тем самым нацистский рейх важнейших экономических баз¹ (ил. 1.1–1.2).

Во втором варианте — «северном», с развёртыванием главных сил к северу от Брест-Литовска — замысел сводился к тому, чтобы, используя укреплённые районы, активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления и не допустить глубокого вклинения противника на советскую территорию. В последующем войсками Западного и Северо-Западного фронтов перейти в наступление, нанести поражение главным силам вермахта и овладеть Восточной Пруссией² (ил. 2).

Разработанные в оперативных планах варианты действий проверялись на двух оперативно-стратегических играх, организованных Генеральным штабом Красной армии в январе 1941 г. По итогам игр к марту 1941 г. был разработан «Уточнённый план стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и на Востоке». В нём, во-первых, уже почти без сомнений считалось, что «Германия вероятнее всего развернёт свои главные силы на юго-востоке... с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину»³. Во-вторых, отмечалось, что «наиболее выгодным является развёртывание наших главных сил к югу от реки Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран»⁴. Исходя из этого, самая сильная группировка Красной армии создавалась в составе Киевского Особого военного округа (ил. 3, 4).

Анализ этого важного документа показывает, что текст от руки чернилами написан заместителем начальника Оперативно-

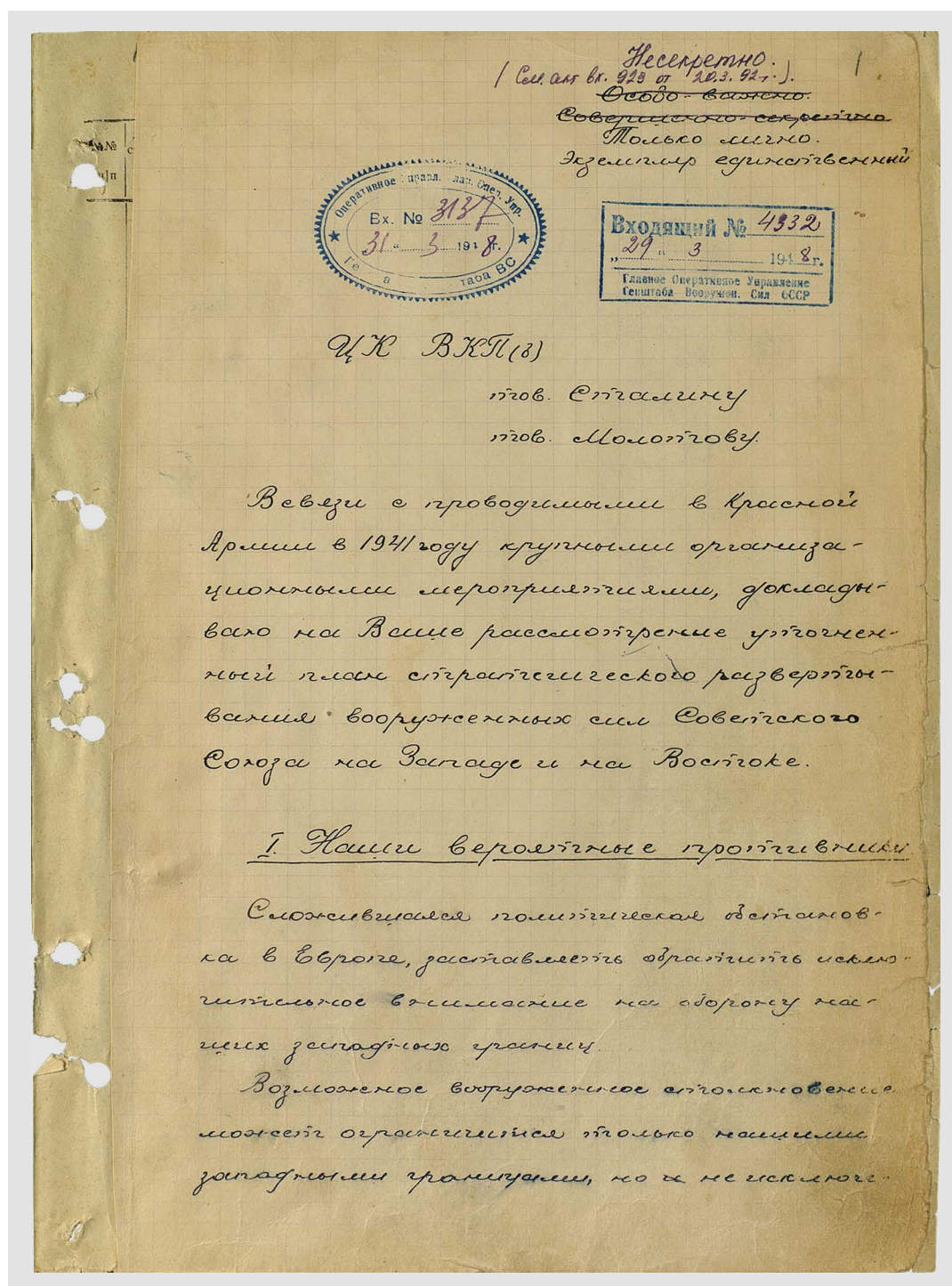
го управления Генштаба А.М. Василевским. Им же проставлена дата — 11 марта 1941 г. На последней странице написаны фамилии наркома обороны С.К. Тимошенко и нового начальника генштаба Г.К. Жукова, но подписей их нет. В документе имеются многочисленные добавления, исправления и поправки рукой самого Василевского и 1-го заместителя Начальника Генштаба Н.Ф. Ватутина. Почти все правки сделаны простым, а несколько — красным карандашом. Всего на 55 листах содержится минимум 113 исправлений и правок. К сожалению, из-за небрежного хранения какая-то часть карандашных помет стёрта, чернила в ряде мест смазаны. Это обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку на обороте листа 27 содержатся пометы карандашом, которые ряд авторов приводят в обоснование якобы «агрессивных намерений Кремля». Это фраза «наступление начать», затем цифры 12 и 6 и внизу, по-видимому, незаконченное слово «на». Цифры 12 и 6 отдельные историки интерпретируют как 12 июня и делают вывод о решении Кремля «напасть на Германию» уже в июне 1941 г. [9, кн. 2, ч. 1, с. 152–153]. При внимательном рассмотрении документа видно, что точки между 12 и 6 нет. Точка после цифры 6 на самом деле является текстурой бумаги, она не проставлена карандашом. «1941» г. тоже нет (ил. 5). При многократном увеличении этих карандашных помет видно, что цифры и слово «наступление» написаны разными карандашами. Но даже если допустить, что у Ватутина сломался карандаш, и он проставил цифры другим, то интерпретация «12 июня 1941» совершенно не связана со смыслом текста и со всеми остальными пометами. Не ясно также, в какое время вносились исправления.

¹ Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг. 18 сентября 1940 г. // ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 239. Л. 211–220.

² Там же. Л. 221–228.

³ Уточнённый план стратегического развёртывания вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке // ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 241. Л. 6.

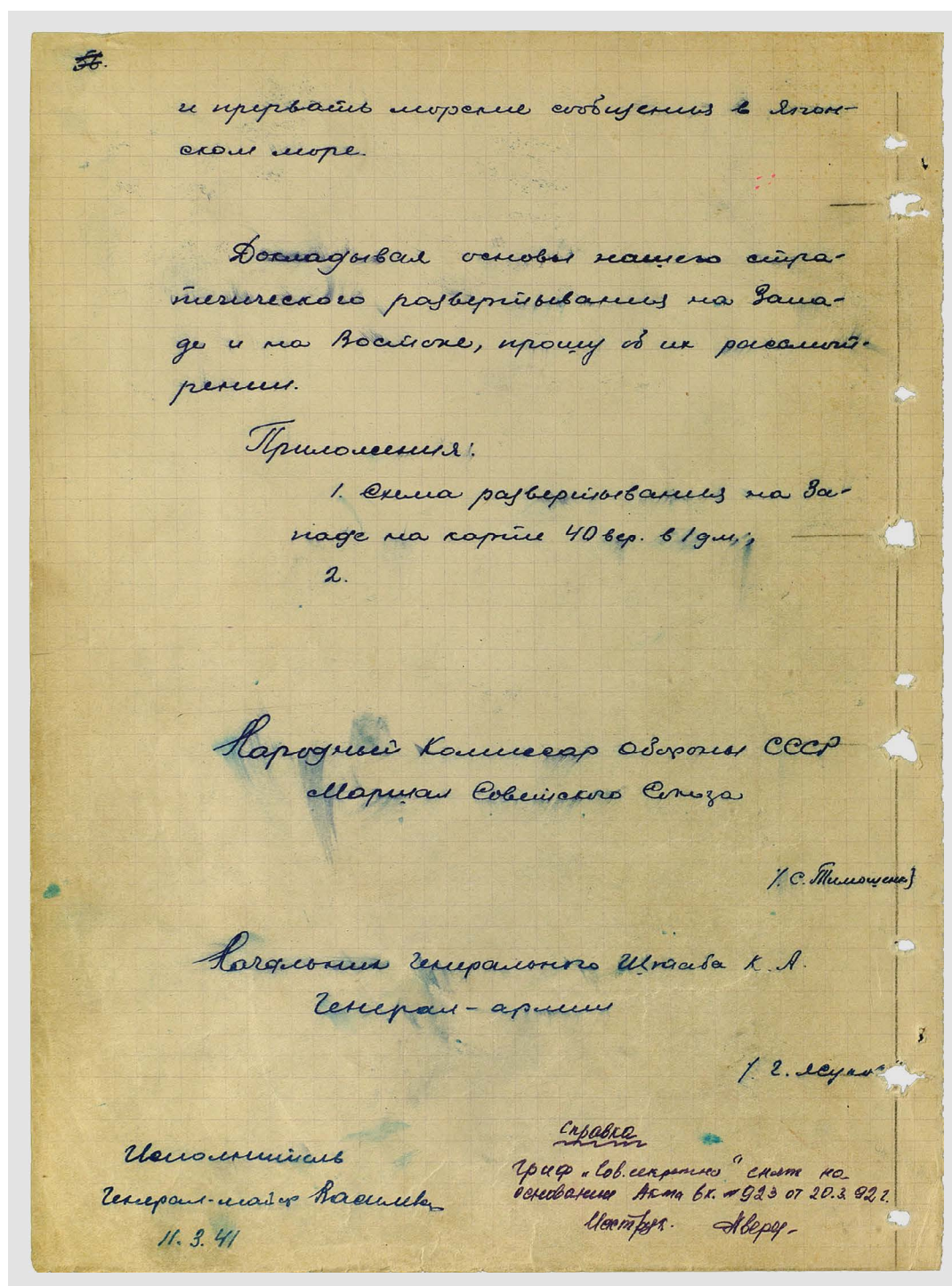
⁴ Там же. Л. 16.

Ил. 2. Первая страница плана об основах стратегического развертывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке 11 марта 1941 г. (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 239. Л. 221-228)

Лексика документа («прочная оборона», «упорная оборона», «не допустить прорыва противника» и т.д.) свидетельствует, что Василевский и Ватутин рассматривали вариант наступления Юго-Западного фронта исключительно в условиях уже начав-

шейся войны. Но с датами, сроками мобилизации и количеством войск ясности не было. Не удивительно, что «уточнённый план» так и не был принят. Перед нами черновой вариант, хорошо иллюстрирующий квалифицированную работу высших

Ил. 3. Последняя страница уточнённого плана стратегического развёртывания
Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке от 11 марта 1941 г.
(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2951сс. Д. 241. Л. 6).

Подписей Наркома обороны и Начальника Генерального штаба нет

офицеров Генерального штаба РККА. Обсуждался ли этот план со Сталиным? Пока в архивах никаких подтверждающих све-дений не обнаружено. Нет также никаких свидетельств, что с текстом работали Ти-

мошенко и Жуков. Тем не менее можно предположить, что они с ним знакомились, и при необходимости обсуждения вопро-са в Кремле туда бы обязательно вызва-ли Ватутину. Однако первый заместитель

Жукова в марте и апреле 1941 г. не был у Сталина ни разу.

Идеи «уточнённого плана» от 11 марта почти дословно использовались в директивах, направляемых в военные округа. К примеру, в апрельском приказе Наркома обороны и Начальника Генштаба командующему войсками ЗапОВО генерал-полковнику Д.Г. Павлову о разработке плана оперативного развёртывания округа [8, с. 133–139]. И всё же основное внимание в литературе и в интернет-публикациях привлечено к другому документу — «Соображениям по плану стратегического развёртывания вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками». Именно он вызывает наибольшие споры [11–13], на него чаще всего ссылаются, но мало кто видел оригинал, к качеству сохранности которого тоже немало претензий.

В итоге перед нами, как и с планом от 11 марта, текст от руки, написанный Василевским с поправками и редактурой от Ватутина. Точной даты нет. Указан только месяц — май. «Соображения» датируют «не ранее 15 мая» по внутреннему содержанию, так как в тексте упоминается расположение немецких войск «по состоянию на 15.5.41 г.». По сути, документ дополняет записку от 11 марта. Это тоже рабочий, черновой вариант с многочисленными исправлениями. Их в тексте минимум 68 на 15 листах.

К середине мая 1941 г. концентрация германских войск у советских границ приняла угрожающий характер. В Москву шёл буквально вал донесений о скором начале войны. В этих условиях в Генштабе пришли к убеждению, что Германия «может предупредить нас о развёртывании и нанести внезапный удар». Так родился замысел «упреждающего удара» со стороны РККА, который Сталину и предлагали рассмотреть. Принципиальная идея не менялась: главный удар по-прежнему наносят силы Юго-Западного фронта, а вспомогательный — левое крыло Западного фрон-

та. На остальных участках войска ведут активную оборону¹.

«Соображения» оставляют поле для двусмысленности, избавить от которой мог только Сталин. Упреждение или «нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле», в какие сроки и в какой конкретно момент? По сложившимся тогда представлениям (они доминировали в штабах всех армий мира) сначала проводится мобилизация, затем сосредоточение и развёртывание войск. Если судить по предшествующим советским планам и директивам, развёртывание осуществляется уже в условиях войны. Пока армии мобилизуются и развёртываются в боевые порядки, войска прикрытия воюют с врагом на границе, не допуская прорывов. В советском Генштабе считали, что немцам для развёртывания нужно от 10 до 15 дней. Вполне возможно, штабные работники предполагали, что со стороны Германии последует объявление войны. Такую версию усиленно распространяли сами немцы. В этом случае заблаговременное и скрытое сосредоточение сил РККА позволило бы выиграть время и нанести мощный упреждающий удар по ещё неразвёрнутым армиям врага уже в первые дни войны. Такой подход выглядит вполне разумным.

Обратим внимание на важную вставку Ватутина в том же документе: «форсировать строительство и вооружение укреплённых районов, начать строительство укрепрайонов в 1942 г. на границе с Венгрией». Если готовить войска к переходу в наступление, то сначала требуется построить укрепрайоны. А их невозможно построить за два-три месяца, в таком случае вопрос «упреждающего удара» превращается в тему отдалённого будущего. Так может быть, речь в «соображениях» вообще шла не о 1941, а о 1942 г.? Этого нельзя отрицать, поскольку в тексте содержится просьба обязать Наркомат путей сообщения (НКПС) полностью выполнить план 1941 г. по строительству железных дорог.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 17. Д. 18. Л. 1–55.

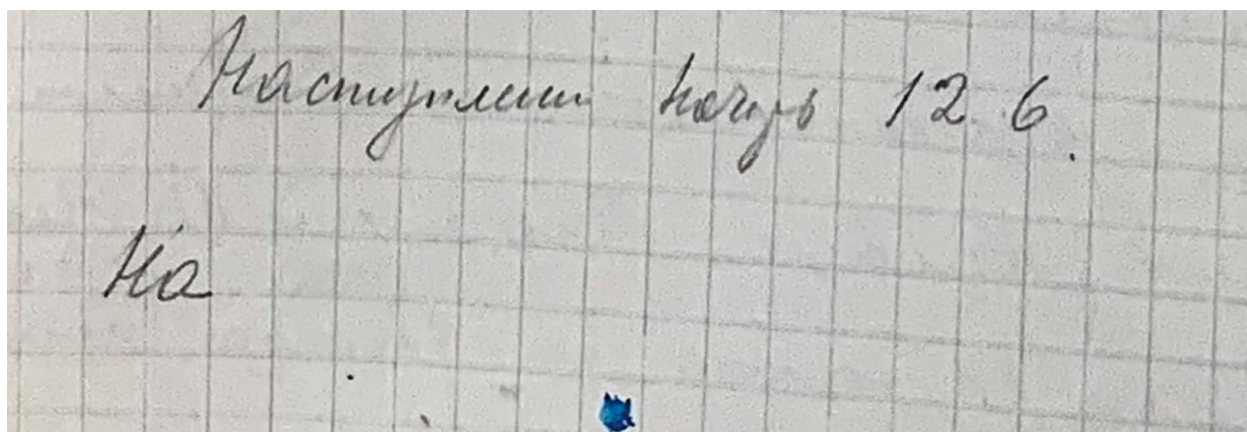

Ил. 4. Схема соотношения сил. Май 1941 г. (Приложение к докладной записке Наркома обороны СССР и Начальника Генштаба Красной армии И.В. Сталину с соображениями по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил СССР на случай войны с Германией и её союзниками от 15 мая 1941 г.)

Понятно, что сначала выполнение плана, а потом — боевые действия.

В какой степени майский «план намечаемых боевых действий на случай вой-

ны с Германией» соответствовал реалиям времени и был ли он вообще выполним? Все предложения «не давать инициативы действий германскому командованию»,

Ил. 5. Карандашные пометы Н.Ф. Ватутина на плане от 11 марта 1941 г.

«упредить противника в развёртывании», атаковать немецкую армию в наиболее удобный момент, пока она не организовала фронт и не наладила взаимодействие родов войск, соответствовали требованиям военной теории. Как раз именно этой цели добились нацисты. Большинство историков полагают, что Гитлер выбрал для нападения самый удобный момент, сильно дезориентировав советское руководство. Авторы «соображений» определённо переоценивали возможности РККА и недооценивали силу вермахта. Упреждающий удар по отобюрокраченным и изготовившимся к удару войскам противника вряд ли принёс бы ожидаемые результаты. «Разгромить немецкую армию» в столь короткие сроки было совершенно нереально. Вместе с тем своевременное приведение войск в боевую готовность помогло бы предотвратить большие людские и материальные потери.

Нет никаких архивных данных, что майские «соображения» обсуждались со Сталиным. Неподписанный черновик с таким количеством исправлений и зачёркиваний не мог быть послан и утверждён высшим руководством. Однако можно предположить, что идеи плана докладывались Сталину и Молотову 19 мая, когда он принял в Кремле Ватутина, Жукова и Тимошенко. Скорее всего, докладывал Ватутин. Он пробыл в кабинете почти час: с 20.10 до 21.05. Это были материалы высшего уровня секретности, и они могли обсуждаться только в присутствии упомянутых

лиц. В следующий раз Ватутин появится в Кремле вместе со своим руководством 24 мая. В этот день состоялось большое совещание, на котором присутствовали 22 человека. В Интернете распространяется сфальсифицированная «речь» Сталина на этом заседании. В действительности никаких записей не существует. Повестка дня нам неизвестна. Но определённо тема «упреждающего» удара вряд ли могла затрагиваться вождём и его подчинёнными в таком широком составе. Правда, в течение 40 минут «пятёрка» посвящённых (Сталин, Молотов, Ватутин, Жуков и Тимошенко) заседали одни. В следующий раз в узком составе (без Молотова) они встретятся 3 июня (1 час 30 минут), 6 июня (2 часа 5 минут) и 9 июня (1 час). Последний раз перед войной Ватутин посетит Сталина 17 июня и пробудет у него всего 30 минут (с 22.00 до 22.30), но уже без Жукова и Тимошенко [10].

Некоторые авторы полагают, что советскому руководству было вовсе и не обязательно утверждать конкретные планы, поскольку военные будто бы всё равно «руководствовались» этими «идеями» и претворяли их в жизнь. При этом бездумно смешиваются понятия «агрессия», «нападение», «наступление» и применяют их к политике Кремля в отношении фашистской Германии накануне войны. Истоки подобных интерпретаций надо искать в пропаганде самих нацистов и в последующей конфронтации с Запа-

дом в годы «холодной войны». Нацисты приложили колоссальные усилия, дабы представить свою агрессию как «защитную акцию упреждения» против коварных планов «большевиков», сосредоточивших большие силы на границах рейха. На деле берлинским стратегам именно это и требовалось. Важно было вовлечь в приграничные сражения основные силы русских и разбить их. Оправдательная идея «упреждения» предназначалась для внешнего и внутреннего потребления. Примечательно, что вся подготовка к операции «Барбаросса», включая планы уничтожения людей, осуществлялась независимо от каких-либо действий советского правительства.

В литературе распространено убеждение, что план «Барбаросса» очень быстро стал известен советскому руководству благодаря деятельности разведки. К сожалению, убедительных данных, что дело обстоит именно так, у нас нет. Если замысел германского плана нападения был заблаговременно раскрыт, то Москва заранее укрепила бы Западный фронт. Материалы из архива Политбюро свидетельствуют, что после подписания капитуляции немцы сами передали по требованию советского командования основные документы по подготовке войны против СССР, а затем Жуков переслал их Сталину.

Большие дискуссии среди историков вызывает отношение Сталина к данным разведки. Сейчас уже ясно, что это была очень противоречивая информация, и она не могла не вызывать сомнений, так как в называемые разведкой даты нападение не состоялось. Доступные ныне докладные записки с анализом разведданных, которые посылали на имя Сталина, начальника разведуправления Генштаба генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова и Л.П. Берии, показывают, что они подстраивались под мнение Сталина и расценивали многие данные как дезинформацию.

В соответствии с требованиями директив НКО и Генштаба основу обороны

по прикрытию государственной границы должны были составить укрепленные районы и полевые укрепления, построенные по линии государственной границы с использованием всех имеющихся сил и возможностей. Анализ задач и общего замысла прикрытия показывает, что расчеты военного руководства построить устойчивую оборону на базе укрепрайонов не соответствовали реальным возможностям. Огромное по своему объему строительство укрепрайонов находилось в начальной стадии, велось крайне медленно и в 1941 г. не могло быть завершено. К 1937 г. были построены 13 укрепленных районов. В 1938–1939 гг. на старой границе начали строительство еще восьми укрепрайонов, а в 1940–1941 гг. — еще двадцати на новой госгранице. Протяженность укрепрайонов достигала 100 км. Весной 1941 г. ежедневно на их строительстве работали более 130 тыс. человек. Накануне войны укрепрайоны содержались по сокращенным штатам. В мае 1941 г. правительство наметило резкое увеличение общей численности личного состава укрепрайонов. Однако укомплектовать их так и не удалось. К 22 июня 1941 г. они имели до 34% командного и 47% рядового состава от штата [6].

Главную озабоченность у высшего руководства вызывало массированное сосредоточение немецких войск вдоль границ СССР. Скрыть это немцам было невозможно. В Генеральном штабе понимали, что нужно принимать адекватные ответные меры, но при этом важно не провоцировать немцев. Естественной реакцией было скрытное от мобилизации военнообязанных запаса, что и было осуществлено под прикрытием «больших учебных сборов». Всего на эти «сборы» до объявления войны призвали свыше 802 тыс. человек. Это составляло 24% приписного личного состава по мобилизационному плану МП-41. Для столь масштабного перемещения войск требовалось 939 железнодорожных эшелонов. Однако железные дороги работали по режиму мирного времени, и поэтому к началу войны в назначенные пункты при-

были только 83 воинских эшелона. 455 эшелонов находились в пути, а 401 эшелон ещё даже и не грузился. Как потом выяснилось, одним из очевидных недостатков такого передислоцирования было то, что войска перевозились на театр будущих военных действий неукomплектованными. Предполагалось, что запасы горючего, продовольствия, боеприпасов и транспорт придут позднее или будут «мобилизованы» из ресурсов места новой дислокации. В Генеральном штабе полагали, что для этого будет достаточно времени [14, 15].

Высшее советское командование и лично И.В. Сталин особое внимание уделяли развитию ВВС. 40% всего военного бюджета в 1940 г. приходилось именно на развитие авиации. К началу войны в военных округах имелись 15 599 боевых самолётов, из них 8472 (54%) находились в западных приграничных округах. Новые самолёты в приграничных округах составляли лишь около 20%. Большой проблемой была подготовка экипажей. В приграничных военных округах авиаполки имели 5937 боеготовых экипажей, что на 1196 меньше числа боевых самолетов. Иными словами, по тревоге нельзя было поднять в воздух все машины. На новые самолёты (1448 единиц) переучились всего 208 экипажей. Командные кадры ВВС в массе своей были молодые и неопытные. Перед войной 43% командиров всех степеней находились на занимаемых должностях менее полугода. В Прибалтийском особом военном округе баз лётного состава не хватало для 188 самолётов, в Западном — 430, в Киевском — 342. Передовые части армейской авиации базировались близко от границы (до 30 км), а фронтовой и дальней авиации были слишком удалены от границы (300–900 км). Подготовку лётного и технического состава ВВС значительно усложняло наличие в армии более 20 типов самолётов [1, т. 2, с. 610–622; 2].

Рассекречивание документов советского Генштаба показывает, что как такового одного оперативного плана в виде документа не существовало. Речь шла о совокупности

различных материалов, обеспечивающих при их выполнении организованное развёртывание и вступление армии и флота в боевые действия. В эту совокупность документов включались директива правительства об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил; записка Генерального штаба, утверждённая наркомом обороны СССР о порядке стратегического развёртывания с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений; план стратегических перевозок для сосредоточения; планы прикрытия развёртывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, противовоздушной обороне и т.д.

Советское военное командование оказалось в довольно сложной ситуации. С одной стороны, необходимо было реагировать на немецкие угрозы, а с другой — боязнь спровоцировать противника мешала принятию соответствующих мер. Как показали дальнейшие события, разрешить эти противоречия так и не удалось. Несмотря на то, что Красная армия располагала всеми необходимыми средствами для отпора врагу, она оказалась неподготовленной к отражению столь мощного удара. Войска не были отобилизованы, имели некомплект транспорта и войсковых запасов. Полная готовность достигнута не была. Из 108 дивизий войск прикрытия в первые часы войны вооружённый отпор агрессору могли оказать около 40 не полностью отобилизованных дивизий.

Сталин пытался мыслить рационально и прагматично. Но безрассудство Гитлера, его авантюризм и маниакальное желание уничтожить СССР, а вместе с ним и большевизм, не вписывались в прагматические рассуждения советского лидера. Он всеми силами пытался избежать скорой войны, боясь её спровоцировать неосторожными действиями. Поэтому маловероятно, что он санкционировал бы упреждающий удар по вооружённым силам Германии. В то время, когда нужно было в кратчайшие сроки принимать неотложные меры, Сталин,

как и Молотов, полагал, что «идёт большая игра». На самом деле, они оказались в искусственно созданной гитлеровцами атмосфере неопределённости, неведения. Про-

медление и запоздалые решения верховной власти обернулись для страны катастрофой, за которую пришлось расплачиваться миллионами человеческих жизней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1–12. М., 2012–2015.
2. Начальный период Великой Отечественной войны: выводы и уроки. М., 1989.
3. Решение проблемы отражения агрессии противника в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1989.
4. Иванов С.П. Начальный период Великой Отечественной войны Советского Союза // Военная мысль. 1971. № 6. С. 20–34.
5. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. М., 2002.
6. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.
7. Михалёв С.Н. Военная стратегия: подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003.
8. 1941 год. Кн. 2. М., 1997.
9. Сорокин А.К. История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. Кн. 2. Война и мир Сталина. Ч. 1. М., 2024.
10. На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник / Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008.
11. Бобылёв П.Н. Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 гг. // Отечественная история. 2000. № 1. С. 46–64.
12. Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. Конец глобальной лжи // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 6. С. 2–7.
13. Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 108–121.
14. Алфёров С. Стратегическое развёртывание советских войск на Западном театре военных действий в 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1981. № 6. С. 26–33.
15. Захаров М.В. Начальный период Великой Отечественной войны и его уроки // Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 3–14.

Soviet Plans to Respond to German Military Preparations

Vadim Nikolayevich Myakota — Head of the 15th Department of the Central Archive of the Russian Ministry of Defense.

E-mail: centervoviran@mail.ru

Sergey Valeryevich Kudryashov — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kudryashov.iri.ran@yandex.ru

The present paper analyses the Soviet war planning prior to the onset of the Great Patriotic War. The focus is placed on the plans of the General Staff of the Workers' and Peasants' Red Army in the spring of 1941. The authors of the study analyse drafts of plans that were never implemen-

ted by the Soviet government. The study's conclusion asserts that military leadership possessed no intention of engaging in “an offensive” against Germany.

Keywords: General Staff, war planning, The Workers' and Peasants' Red Army before the war, The Great Patriotic War

REFERENCES

1. Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. T. 1–12. M., 2012–2015 (in Russian).
2. Nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny: vyvody i uroki. M., 1989 (in Russian).
3. Reshenie problemy otrazheniya agressii protivnika v nachal'nom periode Velikoi Otechestvennoi voiny. M., 1989 (in Russian).
4. Ivanov S.P. Nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza // Voennaya mysl'. 1971. № 6. S. 20–34 (in Russian).
5. Mirovye voiny XX veka: V 4 kn. Kn. 3. M., 2002 (in Russian).
6. Zakharov M.V. General'nyi shtab v predvoennye gody. M., 1989 (in Russian).
7. Mikhalyov S.N. Voennaya strategiya: podgotovka i vedenie voyn Novogo i Noveishego vremeni. M., 2003 (in Russian).
8. 1941 god. Kn. 2. M., 1997 (in Russian).
9. Sorokin A.K. Istoriya odnogo pravleniya. Stalin v 1917–1953 gg. Kn. 2. Voina i mir Stalina. Ch. 1. M., 2024 (in Russian).
10. Na priyome u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisei lits, prinyatykh I.V. Staliny (1924–1953 gg.): Spravochnik / Nauch. red. A.A. Chernobaev. M., 2008 (in Russian).
11. Boblyov P.N. Tochku v diskussii stavit' rano. K voprosu o planirovanii v General'nom shtabe RKKA vozmozhnoi voiny s Germaniei v 1940–1941 gg. // Otechestvennaya istoriya. 2000. № 1. S. 46–64 (in Russian).
12. Gor'kov Yu.A., Syomin Yu.N. Konets global'noi lzhi // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1996. № 2. S. 2–15; № 3. S. 4–17; № 4. S. 2–17; № 6. S. 2–7 (in Russian).
13. Gor'kov Yu.A., Syomin Yu.N. O kharaktere voenno-operativnykh planov SSSR nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny. Novye arkhivnye dokumenty // Novaya i noveishaya istoriya. 1997. № 6. S. 108–121 (in Russian).
14. Alfeyorov S. Strategicheskoe razvyortyvanie sovetskikh voisk na Zapadnom teatre voennykh deistvii v 1941 g. // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1981. № 6. S. 26–33 (in Russian).
15. Zakharov M.V. Nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny i ego uroki // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1961. № 7. S. 3–14 (in Russian).

Индекс УДК 93/94

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-26-38

О.Д. ПАНКОВ*

Спецпропаганда в годы Великой Отечественной войны

Статья посвящена малоизученной теме — специальной пропаганде, которая осуществлялась различными подразделениями Красной армии в годы Великой Отечественной войны с целью влияния на войска противника. Это была мощная радио-пропаганда, а также визуальная пропаганда через миллионы напечатанных листовок. Её основной задачей было подорвать моральное состояние войск противника, заставить их прекратить борьбу за несправедливые цели.

Ключевые слова: пропаганда, листовка, фронт, агитация, граната, мина, звуковещание, приспособление, противник, плен, доклад, противоборство, средство, окоп, установка, солдат, дивизия

В настоящее время, когда борьба за сферы влияния в мире значительно переместилась с полей битв в поле информационное, особенно актуальными становятся вопросы пропаганды, изучения и совершенствования её элементов.

В военном деле пропаганда издавна применялась как оружие воздействия на морально-психологическое состояние как своих войск и населения, так войск и населения противника. Исключительно важное значение пропагандистскому обеспечению военных действий придала Вторая мировая война, носившая характер столкновения антагонистических идеологий (национал-фашистской, интернационально-коммунистической,

либерально-демократической). Сформированный в те годы образ врага, вызывавший всенародную справедливую ненависть, стал мощнейшим идеологическим стимулом для бойцов Красной армии, частью мировоззрения всего фронтового поколения.

Специалисты по спецпропаганде проводили большую работу перед началом масштабных боевых операций, стремясь ослабить боевой дух противника. Значение летней кампании 1943 г. для исхода войны переоценить невозможно. 1 мая Верховный Главнокомандующий подписывает приказ № 195, в котором, наряду с первомайскими поздравлениями и подведением итогов зимней кампании 1942–1943 гг., говорится об успешной ликви-

* **Панков Олег Дмитриевич** — кандидат исторических наук, Начальник Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: pod70@mail.ru

дации противника под Сталинградом, изменении хода мировой войны и создании необходимой предпосылки для победы над гитлеровской Германией¹.

К слову сказать, первомайский приказ издавался в Красной армии по ежегодной традиции. Но, пожалуй, не один из них не нёс пропагандистский порыв такой силы, как приказ 1943 г. Одни только красноречивые термины «кризис» и «катастрофа» в описании состояния немецко-фашистских войск используются в документе 12 раз! И это понятно, поскольку воинам-красноармейцам перед решающими событиями очень важно было знать и чувствовать своё превосходство над противником (ил. 1).

Приказ явился основополагающим документом для организации агитационно-пропагандистской работы, был доведён до каждой части и каждого военнослужащего Красной армии. Его положения легли в основу Директивы Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (ГлавПУ РККА) от 13 мая 1943 г. № 21, в которой были определены «основы фронтовой (оперативной) и общеполитической пропаганды среди войск противника на ближайшее время». Ставились задачи: «...на примере Сталинградской победы и зимней кампании усильте пропаганду роста наступательной силы Красной армии...»; «...катастрофа немецкого народа уже на лицо... с листовками на эту тему должны выступать немецкие военнопленные антифашисты...»².

Политическое управление Центрального фронта (ПУ ЦФ), в полосе обороны которого осуществлялся один из главных ударов вермахта в Курской битве, определило методы и способы спецпропаганды Директивой от 8.05.1943 г. № 0024. Устанавливались следующие виды агитации и пропаганды среди войск противника: «...поставить на первое место устную пропаганду. Максимально использовать все

средства звуковещания: МГУ, ЗВС, ОГУ, кинопередвижки, радики и рупоры...»; «...Широко практиковать использование военнопленных на работе в качестве дикторов звуковещательных станций, при написании и стилистической правке листовок...»; «...Максимально увеличить количество плакатов, щитов и лозунгов, выставляемых перед передним краем противника»; «...Обратить самое серьёзное внимание на внедрение заброски листовок через ампуломёты, миномёты, катапульты, змеи, ружья, луки и т.п.»; «...Установить для всего фронта единый пароль при переходе в плен: Русс я плен. Гитлер капут!»³.

В целях выработки общих направлений пропаганды ПУ ЦФ 22 марта 1943 г. направляет в политотделы подчинённых армий основные установки по задачам пропаганды среди войск противника. Опираясь на опыт проведённой работы в грандиозном сражении на Волге, в войска были направлены агитационные установки: «Общее направление пропаганды — это подорвать у немецко-фашистских войск веру в победу...»; «...Гитлер в затеянной им войне, убив и искалечив 9 миллионов немцев, уже привёл Германию к катастрофе...»; «Различать пропаганду, ведущуюся от имени Красной армии и немецких антифашистов...»; «Показывать Красную армию как армию защиты мира, дружбы и спокойствия народов».

В подготовке к осуществлению мероприятий спецпропаганды использовался весь накопленный опыт данной работы и глубокий анализ психологии противника. Так, были изучены «12 заповедей поведения на Востоке и обхождения с русскими», представленных среди трофейных документов в донесении от 3 января 1943 г. № 010 начальника 7-го отдела ПУ Донского фронта об опыте боевых действий под Сталинградом. Заповеди начинались словами: «Для Вас, посланных на Восток, принципиальное значение имеет то, что только

¹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 6. Л. 449–450 об.

² ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 6. Л. 88–90.

³ ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 110–112.

449

П Р И К А З
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
№ 195
1 мая 1943 г. г. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, люди интеллигентного труда! Братья и сестры, временно подпавшие под иго немецких угнетателей!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской Партии приветствую и поздравляю вас с днем 1 Мая!

В суровые дни Отечественной войны встречают народы нашей страны день 1 Мая. Они вверили свою судьбу Красной Армии и не ошиблись в своих надеждах. Советские воины прудью встали на защиту Родины и вот уже почти два года отстаивают честь и независимость народов Советского Союза.

За период зимней кампании 1942/43 гг. Красная Армия нанесла серьезные поражения гитлеровским войскам, уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, окружила и ликвидировала две армии врага под Сталинградом, забрала в плен свыше 100 тысяч вражеских солдат и офицеров и освободила от немецкого ига сотни советских городов и тысячи сел.

Зимняя кампания показала, что наступательная сила Красной Армии возросла. Наши войска не только вышибли немцев с территории, захваченной ими летом 1942 года, но и заняли ряд городов и районов, находившихся в руках врага около полутора лет. Немцам оказалось не под силу предотвратить наступление Красной Армии.

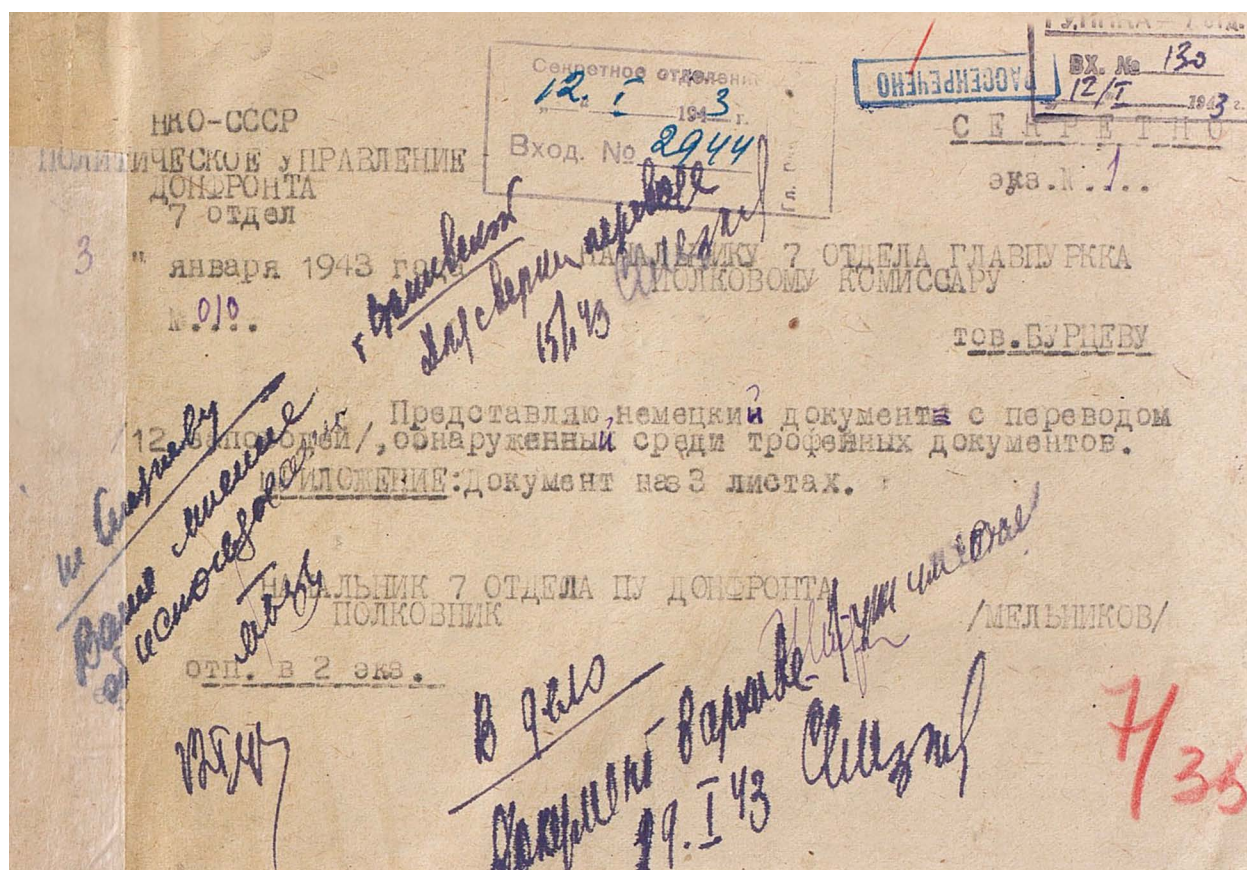
Даже для контрнаступления на узком участке фронта в районе Харькова гитлеровское командование оказалось вынужденным перебросить более трех десятков новых дивизий из Западной Европы. Немцы рассчитывали окружить советские войска в районе Харькова и устроить нашим войскам «немецкий Сталинград». Однако попытка гитлеровского командования взять реванш за Сталинград провалилась.

Одновременно с этим победоносные войска наших союзников разбили итало-германские войска в районе Ливии и Триполитании, очистили эти районы от врагов и теперь продолжают их промывать в районе Туниса, а доблестная англо-американская авиация наносит сокрушительные удары военно-промышленным центрам Германии, Италии, предвещая образование второго фронта в Европе против итало-немецких фашистов.

Таким образом, удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии впервые за время войны слился с ударом с запада, со стороны войск наших союзников — в единый общий удар.

Все эти обстоятельства, взятые вместе, потрясли до основания гитлеровскую военную машину, изменили ход мировой войны и

Ил. 1. Приказ Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1943 г. № 195
(ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 6. Л. 449)

Ил. 2. Донесение начальника 7-го отдела ПУ Донского фронта от 3 января 1943 г. № 010 с приложением «12 заповедей поведения на Востоке и обхождения с русскими», обнаруженных среди трофейных документов (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 282. Л. 1)

деятельность является решающей. Поэтому я должен требовать от Вас наивысшего напряжения сил»¹ (ил. 2).

В ходе подготовки агитационного материала Директивой начальника 7-го отдела ГлавПУ РККА от 6 января 1943 г. № 301932 предписывалось всем политуправлениям фронтов осуществлять сбор и анализ необходимых материалов о групповой сдаче в плен солдат и офицеров противника².

С целью обмена опытом между фронтами ГлавПУ РККА направляет в войска «Программу подготовки группы военнопленных немцев», составленную ПУ Юго-Западного фронта. Задача подготовки таких групп состояла в том, чтобы «...все-сторонне подготовить военнопленных для работы по разложению войск про-

тивника». Программа определяла тематику лекций, семинаров и индивидуальных работ; краткие методические указания; мероприятия производственной деятельности и распорядок дня.

Проведённый органами спецпропаганды ПУ фронтов в мае 1943 г. анализ показал, что немцы активно интересуются нашими устными передачами и печатными изданиями. Из материалов допросов военнопленных:

- Ганса Штрака — «Когда слышишь выступление немецкого солдата через рупор из русского плена, то убеждаешься, что русские пленных не расстреливают...»;
- Курта Кунцеля — «Ночью с самолёта русские вели передачу. Это произвело на нас сильное впечатление. Всё было отчётливо слышно»;

¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 282. Л. 1–7.

² ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 45, 107–108 об.

- Бернгарда Заваде — «...Солдаты верят русским листовкам...»¹.

На вооружении органов спецпропаганды Красной армии к началу лета 1943 г. имелось немало эффективных средств и методов воздействия на противника. Расскажем об основных из них (ил. 3).

В 1943 г. промышленность Советского Союза начала поставлять в войска винтовочные агитационные гранаты ВАГ-42, которые предназначались для забрасывания специальных агитационных листовок в расположение противника и могли использоваться как средства связи между подразделениями. Граната снаряжалась 35 листовками. Дальность полёта гранаты 250–300 метров. При этом площадь разлёта листовок около 200 кв. метров.

В сентябре 1942 г. была разработана и прошла боевое крещение под Сталинградом 82мм агитационная мина. Предназначалась она для забрасывания агитационной литературы в расположение противника на дистанцию от 500 до 800 метров путём выстреливания из 82мм боевого миномёта. Мина снаряжалась 230–250 листовками².

Для звуковещательных передач на сторону противника с передней линии фронта применялись специальные аппараты. К таким аппаратам относились мощные громкоговорящие установки (МГУ), действующие на расстоянии 1–5 километров, а также окопные громкоговорящие установки с дальностью действия 500–1500 метров. Для звуковещательных передач применялись также и киноустановки.

Конструкторские работы проводились и непосредственно в частях. Радиомастер 167-го стрелкового полка сержант Рязанский (он же Рязанскис) Рафаил Иссакович в июне 1943 г. разработал принципиальную схему маломощного усилителя для звуковещания МУЗ-1, который обеспечивал дальность слышимости до 400 метров. При

этом необходимое рабочее время для изготовления усилителя составляло 40 часов.

В октябре 1942 г. инструктор по пропаганде среди войск противника политотдела 67-й стрелковой дивизии политрук Тойво Александрович Хаккарайнен сконструировал рупор для окопного агитационного вещания. Дальность слышимости текстовых передач разработанного образца составляла до 800 метров, а коротких лозунгов — до 1000 метров. Небольшой объём и вес рупора (9 кг) позволяли проходить с ним за спиной большие расстояния пешком, на лыжах и ехать верхом на лошади³ (ил. 4).

Красноармеец комендантского взвода штаба 92-й стрелковой дивизии Константин Тихонович Охапкин в конце 1942 г. сконструировал мину, названную в его честь «Агитационная мина Охапкина»; она успешно применялась на Ленинградском фронте. Особенностью являлось то, что мина не имела патрона, выталкивающегося из канала ствола. Выталкивающим зарядом служила порция (3–4 столовые ложки) чёрного дымного пороха на дне миномёта. Листовки укладывались плотным рулоном на диафрагму из фанеры или жести. Дальность стрельбы была около 500 метров⁴.

Переводчик 2-го разряда 1019-го стрелкового полка младший лейтенант Мотул Шепелевич Потехин не только был опытным рупористом, но и проявлял много инициативы в деле улучшения агитации среди войск противника. Он изобрёл приспособление для разбрасывания листовок, которое хоть и подверглось усовершенствованию, но так и осталось по имени автора. М.Ш. Потехин предложил разбрасывать листовки с помощью выстрела из охотничьего ружья. Приспособление было достаточно простым и оригинальным. Листовки забрасывались на расстояние до 500 метров. Приспособление с большим эффектом применялось на передовой и быстро распро-

¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 283. Л. 39–59.

² ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 147–151, 192–193 об.

³ Там же. Л. 73–76, 190–191 об., 184–187.

⁴ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 52. Л. 372–373.

Главное Артиллерийское Управление Красной Армии

ПАМЯТКА
ПО ПРИМЕНЕНИЮ
ВИНТОВОЧНОЙ АГИТАЦИОННОЙ ГРАНАТЫ
«ВАГ-42»

I. НАЗНАЧЕНИЕ

1. «ВАГ-42» предназначена для забрасывания в расположение войск противника специальных агитационных листовок.
2. «ВАГ-42» можно использовать так же, как средство связи между подразделениями через труднопроходимые участки.

II. БОЕВЫЕ СВОЙСТВА

1. Дальность полета «ВАГ-42» (до момента разрыва гранаты) 250—300 м.
2. Высота разрыва гранаты 100—120 м.
3. Площадь разлета листовок около 200 м².

III. ЗАРЯЖАНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО ВЫСТРЕЛА

1. На дульную часть ствола винтовки обр. 1891/30 г. надеть специальную мортирку. Мортирка находится в ящике с гранатами.
2. Вынуть из стабилизатора гранаты холостой патрон.
3. Надеть гранату на мортирку.
4. Зарядить винтовку холостым патроном, вынутым из стабилизатора гранаты. Если патрон дает осечки, заменить его запасным. В каждом ящике имеется пакет с пятью запасными патронами.
5. Боевыми патронами стрелять **ВОСПРЕЩАЕТСЯ**.
6. Прицеливание производить по ориентиру грубой наводкой, при угле возвышения 40—45°.
7. При встречном ветре агитационную гранату не применять.

Военное Издательство Народного Комиссариата Обороны

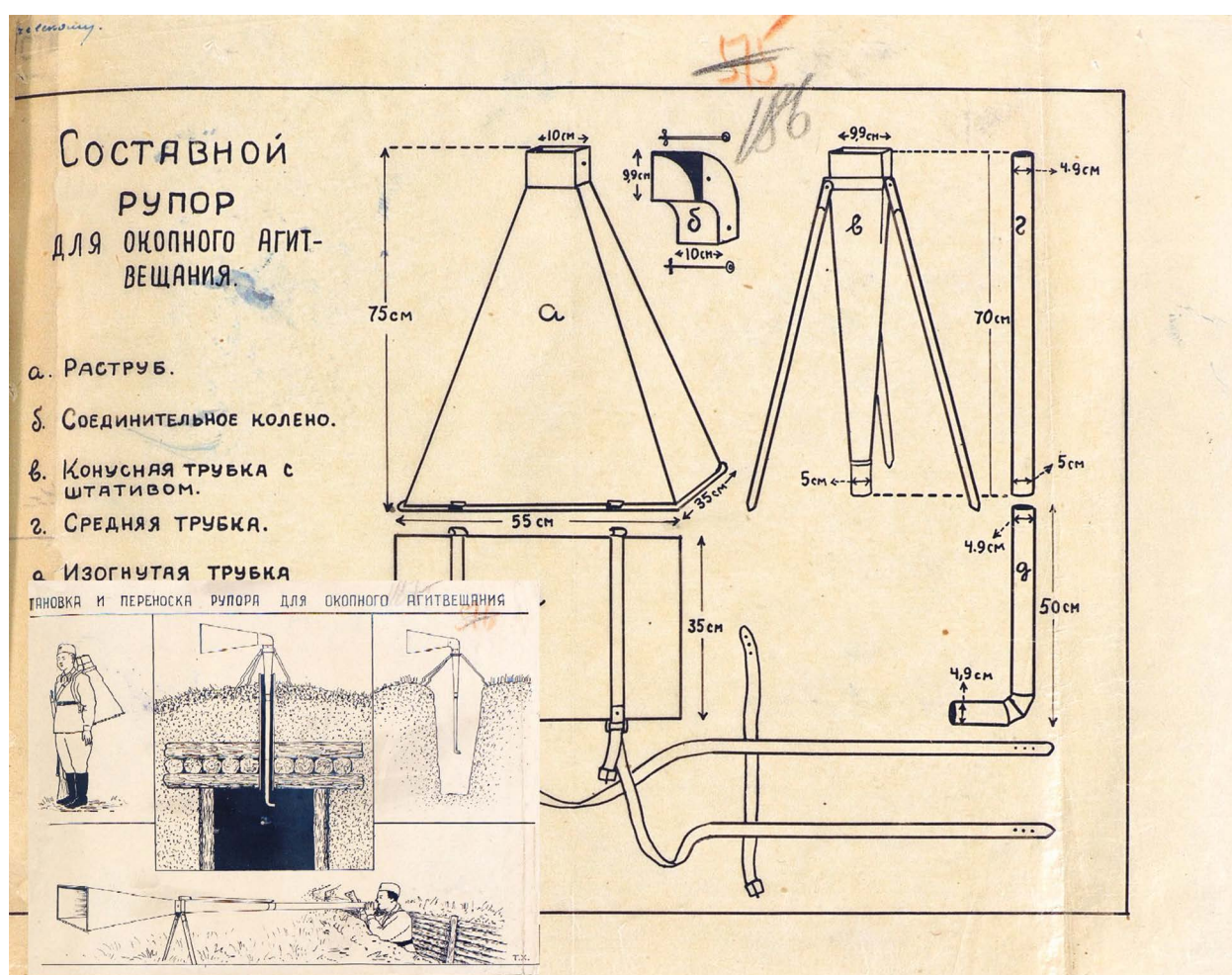
Г254683.

Подписано к печати 17.11.42.

Зак. 877

1-я типография Управления Воениздата НКО СССР имени С. К. ТИМОШЕНКО

Ил. 3. Памятка Главного Артиллерийского Управления Красной армии по применению ВАГ-42
(ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 193)

Ил. 4. Схема составного рупора для окопного агитационного вещания, его установка и переноска (ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 186–187)

странилось в войсках. Только в период с 1 по 15 июля 1943 г. с помощью приспособления Потехина были заброшены 102 000 листовок¹ (ил. 5).

Воздействие на противника шло нарастающими темпами. Если в период с 5 по 15 июля 1943 г. политотделы армий и ПУ ЦФ на Курском направлении изготовили 119 500 листовок, то уже с 11 по 20 июля — 1 933 000. В целом за июль 1943 г. силами только ЦФ были распространены 8 804 000 листовок, из них 7 693 000 — с помощью авиации². ГлавПУ РККА осуществлял дополнительный выпуск агитматериалов, каждый фронт получал ежемесячно около 5 млн листовок.

В листовках «Слова и дела Гитлера», «За что вы воюете?», «Что принесёт лето 1943 года?», «Ты собрался вернуться в Германию?» разъяснялись истинные цели войны, разоблачалась нацистская клевета. Многие листовки являлись пропуском для сдачи в плен³ (ил. 6).

Кроме листовок ГлавПУ РККА издавались так же пропагандистские газеты на немецком языке: «Свободное слово», «Свободная Германия» и «Фронтовые иллюстрации». Августовский выпуск последней за № 22 гласит:

«...Что дальше?... Вот уже третий год, как на Восточном фронте течёт немецкая

¹ ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 127–128.

² Там же. Д. 4. Л. 241–243, 268–268 об., 271–274; Д. 6. Л. 349–351 об.

³ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 283. Л. 130–130 об; Оп. А-32531. Д. 45. Л. 78–84 об.

267

СПРАВКА

Об использовании приспособления т. Потехина для
разбрасывания листовок войскам противника

за период с 1 по 15 июля 1943 г.

№	Фамилия начальника ПП	Колич.рабо- тающ. приспособлений	Количество распрост- ранных листовок	ПРИМЕЧА- НИЕ
1.	Т.Воронцов....	35 шт.	42.000	
2.	т.Мифтахов..	12 шт.	14.000	
3.	т.Ганиев.....	5 "	26.000	
4.	т.Масловский.....	Приспособление не освоено		
5.	т.Исаяев.....	15 шт.	20.000	
ВСЕГО:		67 штук	102.000	

СТАРШИЙ ИНСТРУКТОР 7 ОТДЕЛА ПУ ЦФ
КАПИТАН (КОЗЛОВ)

257437

Ил. 5. Справка 7-го отдела ПУ Центрального фронта об использовании приспособления М.Ш. Потехина для разбрасывания листовок войскам противника за период с 1 по 15 июля 1943 г. (ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 4. Л. 267)

кровь. Повсюду, бесконечными рядами, возвышаются кресты солдат, мрачные вехи войны. Их число растёт день ото дня... Добровольно сдаться в плен — это единственная возможность спасти жизнь и честь! Следуй примеру своих товарищей, которые это уже сделали...»¹.

Результаты заброски листовок и газет ярко прослеживаются из допросов военно-

пленных Абдуллы Атаханова, служившего в немецкой армии в составе 389-го Туркестанского батальона, и ефрейтора Вилли Боша: «...читал и очень много. Все люди нашего батальона тоже читали. Именно эти листовки и сыграли главную роль в нашем решении перейти на сторону Красной армии»; «...листовки читал... Солдаты сейчас их берегут в карманах. Слушал также

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 342–343.

Ил. 6. Образец листовки, изданной ГлавПУ РККА
(ЦАМО. Ф. 32. Оп. А-32531. Д. 64. Л. 73)

звуковые передачи... Солдаты очень интересуются этими передачами. Бывает, когда солдат возвращается из боевого охранения, его обязательно спрашивают: Что сегодня говорил русс?»¹.

Добровольно сдавшийся в плен оберрейтор Фердинанд Берле принёс с собой газету «Свободная Германия» со словами: «...Прочтя газету, я убедился в том, что здесь я найду подлинные материалы о положении на фронте...».

Провал «молниеносной войны» заставил на «всякий случай» хранить наши листовки у немецких солдат с пропуском для перехода в плен. Перебежчики появились уже в начале 1942 г. Опыт ведения спецпропаганды подтверждал целесообразность использования бывших солдат противника для разложения немецко-

фашистских войск. Для ведения устных передач с участием немецких военнопленных политотделы армий составляли специальные программы. Также готовились тексты для рупористов, которыми были как сотрудники политотделов Красной армии, так и немецкие антифашисты и пленные солдаты противника. В программах вещания много места отводилось данным, полученным при допросе пленных и при отработке трофейных документов. Чаще стали использоваться стихи, диалоги, передачи в два голоса, проведение митингов военнопленных перед микрофоном².

В докладе от 10 августа 1943 г. начальнику 7-го отдела ГлавПУ РККА о результатах засылки военнопленных в расположение противника (ил. 7) отмечается:

¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 283. Л. 124–129, 211–211.

² ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 225–225 об.; Д. 6. Л. 289–294 об., 348, 357–360 об.

7/35

244

НКО ★ СССР

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА

РАССЕКРЕЧЕНО

СОВ. СЕКРЕТНО

ОТДЕЛ 7

№ 0283

12/8 3 10 августа 1943 г.

ГРУППКА - 7 отд.

№ 2653

12/11/43

НАЧАЛЬНИКУ 7 ОТДЕЛА ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ РККА ПОЛКОВНИКУ

тов. Б У Р Ц Е В У

Начиная с конца июля 1943 г. отделения приступили к
засылке военнопленных в расположение противника. Этому ~~бла-~~
годаря сложившаяся на фронте обстановка: отступление
немецких войск, местами переходящее в паническое бегство, до-
статочное количество военнопленных, общий упадок морально-
политического состояния немецких войск и увеличение количест-
ва перебежчиков.

Случаи засылки имели место в 2-х армиях в 48 и 70.

30 июля в 48 армии Начальником отделения майором тов.
Демьяновым заслано 2 человека военнопленных.

В 70 армии в начале августа заслано 5 человек.

На сегодня ни один из засланных еще не возвратился,
но подтверждения о том, что засланные проводят в стане врага
работу имеются. Так 7 августа в 70 армии был перебежчик аф-
рейтор Иоганн Колодейчик /233 пп 102 пд/, который заявил:
"5 августа от русских пришел унтер-офицер и в кругу 6 солдат
заявил: "у русских пленным жизнь, а остальное должны понять
сами". Это и побудило Иоганна Колодейчика сдаться в плен.

(см. на обороте)

М. Смирнов
Докладчик
отм. м. Угрю
м.т.
Капитально сыданы на наш №
13/11/43
и посланы
Нашеан /отдел
15/11/43
В дело
20/11/43
Смирнов

Ил. 7. Доклад начальника 7-го отдела ПУ Центрального фронта от 10 августа 1943 г.
о результатах засылки военнопленных в расположение противника
(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 282. Л. 294)

«Начиная с конца июля 1943 года отделения приступили к засылке военнопленных в расположение противника. Этому благоприятствует сложившаяся на фронте обстановка и увеличение перебежчиков... Засылаемым ставятся самые простые задачи... Приводи с собой к русским других солдат, которые не хотят воевать... Основная задача — преодолеть у немецких солдат страх перед русским пленом...»¹.

Сдавшийся в плен унтерофицер Лоренц Райнер заявил на допросе: «Я шёл в русский плен без страха, потому что видел собственными глазами и слышал собственными ушами, как немецкий ефрейтор рассказывал о том, как ему жилось в русском плену...».

В ходе организации спецпропаганды активно использовались воззвания и обращения национального комитета «Свободная Германия».

Результаты деятельности сил и средств спецпропаганды и агитации красноречиво представлены в донесении начальника 7-го отдела ПУ ЦФ от 20 августа 1943 г. № 0296:

«Основным средством разбрасывания листовок в эти дни была авиация... При распространении листовок наземными способами использовались различные средства: винтовки Потехина, разведчики, танковые десанты, разбрасывание листовок в местах отхода наших подразделений... При вещании через звуковещательные станции были использованы перебежчики и антифашисты... рация для вещания войскам противника особенно хороший результат даёт при передаче сообщений Совинформбюро»².

Интересно отметить случай, когда МГУ применялись не только в целях спецпропаганды, но и как часть боевых операций. В докладе начальника ПУ ЦФ о применении МГУ для имитации подхода и атаки танков, строительных работ, постройки мостов, переправ и т.д. в 48-й и 65-й армиях (ил. 8)

говорится: «...в районе действий 37 гвардейской стрелковой дивизии имитировался подход танков... утром разведка доложила, что противник оставил 3 населённых пункта...»; «...поставил задачу МГУ прикрыть шумом выход наших частей на исходное положение... МГУ всю ночь давало музыку и передачи. Наутро наши части начали успешный штурм г. Севска. Население после рассказывало, что, как только заговорит МГУ, немцы воспринимают это как начало атаки и в панике убегали...»³.

В заключение хотелось бы процитировать выдержки из наградного материала на военнослужащих, ярко свидетельствующие о трудной и опасной работе по ведению спецпропаганды.

Фёдор Илларионович Королёв, красноармеец 2-й миномётной роты 385-го стрелкового полка, награждён медалью «За отвагу» «...за то, что он под огнём миномётов и пулемётов противника... сделал 305 передач для немецких солдат на немецком языке...».

Иван Петрович Пьяниченко, старший инструктор политотдела по пропаганде среди войск и населения противника 148-й стрелковой дивизии: «...за период с 1 июля по 5 августа организовал 165 выступлений к немецким солдатам рупористами и лично сам через ОЗС выступал 54 раза... им организована заброска листовок листовыми 5000 штук и через разведчиков 33 500 штук... выступая перед немецкими солдатами, выдвигался на передний край обороны и под обстрелом противника работал из окопа, с подбитых танков, с крыш домов и построек...»⁴.

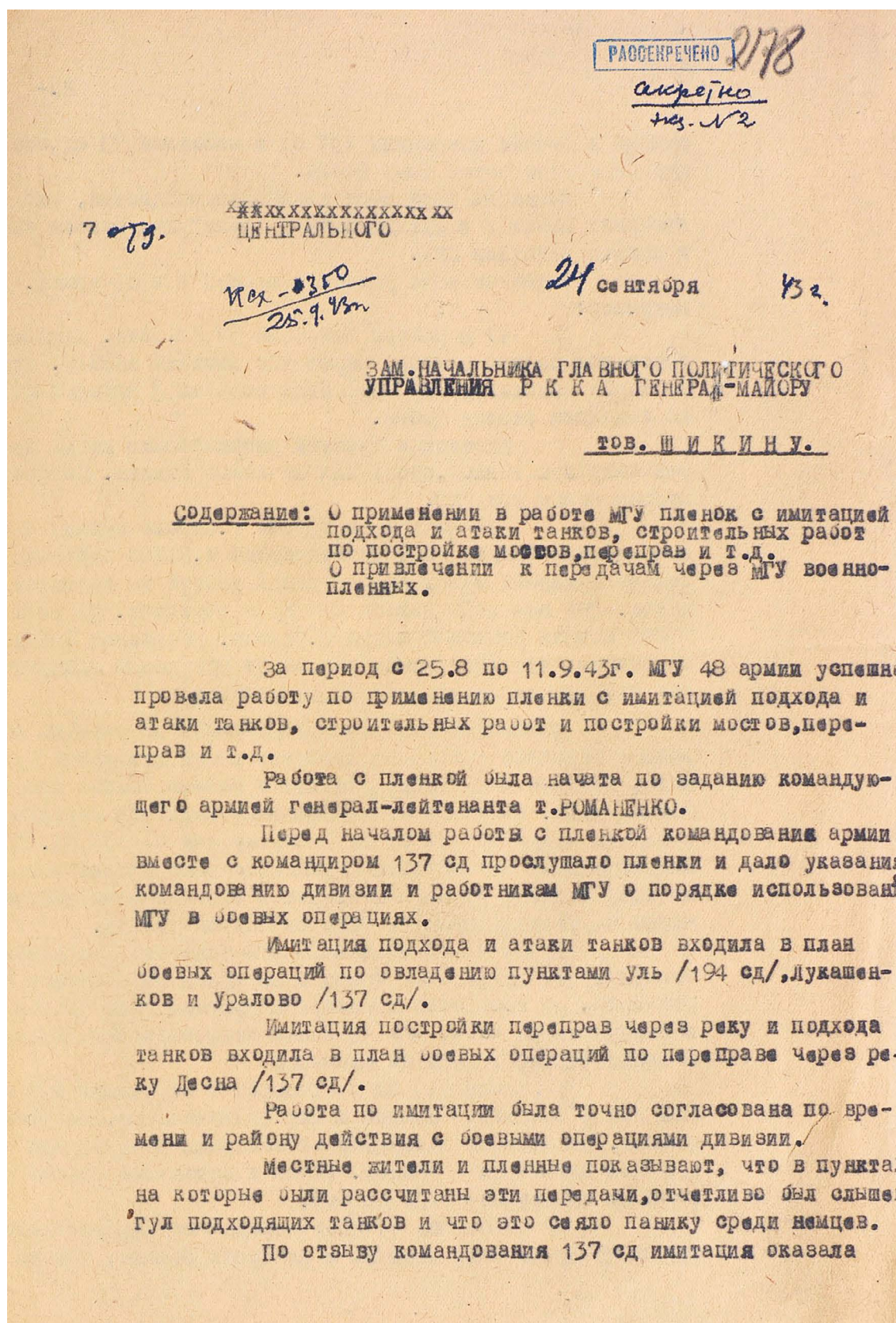
Резюмируя проведённое исследование, можно констатировать, что деятельность сил и средств спецпропаганды Красной армии в ходе Второй мировой войны внесла большой вклад в теорию и практику информационного противоборства.

¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 282. Л. 294–294 об.

² Там же. Д. 283. Л. 133–138, 148–149.

³ ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 278–279.

⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1777. Л. 63–68 об.

Ил. 8. Доклад начальника ПУ Центрального фронта о применении МГУ для имитации подхода и атаки танков, строительных работ, постройки мостов, переправ и т.д. О привлечении к передачам через МГУ военнопленных (ЦАМО. Ф. 201. Оп. 384. Д. 3. Л. 278)

Тем самым были признаны огромное значение и возможности этой деятельности как эффективного средства подрыва морально-боевого духа войск противника

в интересах выполнения боевых задач, что позволило определить перспективы для дальнейшего развития данного направления военной науки.

Psychological Warfare during the Great Patriotic War

Oleg Dmitrievich Pankov — Candidate of Historical Sciences, Head of the Central Archive of the Russian Ministry of Defense.

E-mail: pod70@mail.ru

The paper focusses on an understudied topic of psychological warfare during the Great Patriotic War led by various divisions of the Red Army to influence the enemy's troops. This was a powerful radio propaganda, as well as the visual one — through millions of printed leaflets. Its primary objective was to undermine the morale of enemy troops and force them to stop fighting for unjust causes.

Keywords: propaganda, leaflet, front, campaign, grenade, mine, audio broadcasting, instrument, enemy, captivity, report, confrontation, device, trench, setup, soldier, division

Индекс УДК 94(47).084.8

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-39-51

А.Ю. ПОПОВ*

О централизации руководства партизанским движением в годы Великой Отечественной войны

В первые месяцы Великой Отечественной войны созданием партизанских отрядов в тылу наступающих немецко-фашистских войск и организацией сопротивления занимались партийные и советские органы, разведотделы и политуправления фронтов Красной армии, органы государственной безопасности СССР. Как отмечали некоторые руководители первых партизанских отрядов, организаторов было много, а реальная картина была такова, что дело сопротивления захватчикам в начале войны в прямом смысле слова буксовало. В статье рассматриваются вопросы создания и деятельности Центрального штаба партизанского движения, его взаимодействия с Красной армией и органами государственной безопасности в вопросах повышения уровня руководства и эффективности разведывательно-диверсионной и боевой деятельности партизанских формирований на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. Указываются недостатки, имевшиеся в организации партизанской борьбы, делаются выводы о положительной роли Центрального штаба партизанского движения в деле организации и руководства боевой работой в тылу врага.

Ключевые слова: Центральный штаб партизанского движения, Государственный Комитет Оборона, партизаны, органы государственной безопасности, «Смерш», разведка, диверсии

С самых первых дней нападения гитлеровской Германии на Советский Союз развернулась работа подпольных партийных организаций и выполняющих указания ВКП(б) и советского правительства в области зафронтной работы органов государственной безопасности и военной разведки по органи-

зации сопротивления на оккупированной советской территории. Начало создаваться партийное подполье, и развернулась подготовка к вооружённой борьбе на коммуникациях вражеских войск. Однако быстрое продвижение противника вглубь страны помешало полностью закончить эту работу.

* **Попов Алексей Юрьевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН, руководитель проекта ИРИ РАН «Сопротивление гитлеровским захватчикам в населённых пунктах на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.)» (0149-2022-0011).
E-mail: Al-popov69@mail.ru

Непростое начало

Организация подполья и партизанского движения проходила в условиях большого скопления войск противника фронтовой и прифронтовой полосы и была сопряжена с исключительными трудностями [1]. Гитлеровцы уничтожали население на оккупированной ими советской территории под предлогом неповиновения, заключали в концлагеря, проводили репрессии в отношении всех заподозренных в помощи или сочувствии партизанам и подпольщикам. В населённых пунктах на оккупированной территории снабжения населения продуктами питания по существу не было. Местное население находилось на грани голодной смерти. Для жителей, например Минска, вводились хлебные карточки, по которым нерегулярно выдавались 100 грамм хлебного суррогата в день [2].

В конце лета 1941 г. первый секретарь ВКП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко разработал записку «К вопросу о постановке диверсионной работы в тылу врага» и представил её И.В. Сталину. Содержа-

ние документа было основано на опыте партизанской борьбы в первые месяцы войны (ил. 1). В записке среди мер, необходимых для развития массовой диверсионной работы в тылу врага, выдвигались предложения по организации сети специальных школ для краткосрочной подготовки партизан-диверсантов, централизации руководства партизанским движением и диверсионной работой в тылу врага.

Вопрос о создании централизованного руководства партизанским движением, а именно Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), который ставили все руководители оккупированных областей и республик, а также некоторые Военные советы фронтов, И.В. Сталин считал правильным и своевременным. Работа по созданию штабов и все намеченные мероприятия проводились нарастающими темпами. Неожиданно в конце января 1942 г. по решению Государственного Комитета Обороны (ГКО) эта работа была приостановлена. Руководитель НКВД Л.П. Берия (ил. 2) выступил

Ил. 1. План боевой операции партизан. В центре Герой Советского Союза В.А. Карасёв

против создания штабов партизанского движения и подал И.В. Сталину предложения, в которых доказывал нецелесообразность создания ЦШПД. Мотивировалось это тем, что якобы стихийные, разрозненные партизанские выступления населения невозможно охватить руководством. Высказывалось сомнение, что партизанские диверсии могут дать оперативный эффект. Подчёркивал, что подобные операции под силу лишь квалифицированным диверсантам, для подготовки и руководства которыми специальный штаб не нужен [3, с. 85].

18 января было создано 4-е Управление НКВД (зафронтовое), в задачи которого входила и организация партизанского движения на оккупированной советской территории. Можно предположить, что Л.П. Берия видел в создании ЦШПД конкурента и пытался доказать И.В. Сталину, что целесообразнее готовить партизанские отряды в советском тылу и затем перебрасывать их за линию фронта. Л.П. Берия основывался на практике отрядов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР и территориальных 4-х отделов НКВД, которые в некоторых случаях успешно руководили партизанскими формированиями. Но НКВД не мог полностью охватить всё партизанское движение, развернувшееся на оккупированной территории СССР.

Создание Центрального штаба партизанского движения

К лету 1942 г. необходимость в органах военно-оперативного руководства партизанским движением стала настолько назревшей, а требования об их создании со стороны партийных органов республик и областей, а также военсоветов и политорганов фронтов и армий столь настоячивы, что в конце мая 1942 г. ЦК партии вновь вернулся к вопросу о необходимости разработки предложений по организации Центрального и местных штабов партизанского движения.

Ил. 2. Л.П. Берия

Разработанные комиссией проекты 30 мая были представлены на рассмотрение ЦК ВКП(б) и ГКО. После значительных поправок, вызванных тем, что некоторые пункты проектов ограничивали роль создаваемых штабов как военно-оперативных органов партии по руководству партизанским движением и придавали этому руководству ведомственный характер, в тот же день вышло постановление ГКО СССР № 1837, согласно которому в целях объединения руководства партизанским движением в тылу противника и для дальнейшего развития этого движения создавался Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Этим же решением были образованы Украинский, Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский и Карело-Финский штабы партизанского движения. Создание представительств Центрального и республиканских штабов партизанского движения при военных советах фронтов и армий завершило образование системы

общего руководства партизанским движением. Следует отметить, что в руководстве штабов партизанского движения были представители партийной номенклатуры, НКВД и армейской разведки. Руководителями ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандования стал П.К. Пономаренко (первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии), его заместителями — В.Т. Сергиенко (НКВД) и Т.Ф. Корнеев (Разведывательное управление НКО). На местах штабы возглавляли: Т.Л. Строкач (НКВД) — Украинский, С.С. Бельченко (НКВД) — Западный, П.З. Калинин (второй секретарь ЦК Компартии Белоруссии) — Белорусский, С.Я. Вершинин (НКВД) — Карело-Финский, М.Н. Никитин (секретарь Ленинградского обкома) — Ленинградский, А.П. Матвеев (первый секретарь Орловского обкома) — Брянский [4].

До осени 1942 г. руководство Центрального штаба партизанского движения представляло коллегию в составе начальника штаба и двух его членов. Коллегиальность руководства в штабах партизанского движения мотивировалась необходимостью концентрации опыта партийных органов и спецслужб в вопросах организации партизанского движения, подпольной борьбы, конспирации, связи и т.д., а также опыта борьбы с проникновением в партизанские отряды и подпольные организации агентов гитлеровских спецслужб. Кроме того, имелось в виду, что подобный состав коллегии будет способствовать наиболее целесообразному использованию обширной разведывательной информации партизан. Однако очень быстро практика работы показала, что эффективное решение этих задач успешнее достигалось не формальным представительством, а тесной связью и взаимопониманием штабов партизанского движения и соответствующих отделов с управлениями органов безопасности и разведки, которые имели место в течение всей войны. А потому коллегиальное руководство было упразднено [3, с. 86].

С первых дней существования перед штабами партизанского движения встали вопросы организации партизанских

сил, тактики и техники их борьбы, а также практические вопросы налаживания связи, материально-технического и боевого снабжения, медицинского обслуживания и многие другие. Самой важной задачей для них стало быстрее освоение накопленного партизанами и подпольщиками опыта борьбы с гитлеровскими оккупантами [5].

Главкомандующий партизанским движением

6 сентября 1942 г. был учреждён пост Главкомандующего партизанским движением, на который был назначен член Политбюро ВКП(б) Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Но уже 19 ноября 1942 г. этот пост был упразднён. По мнению заместителя начальника ЦШПД С.С. Бельченко, К.Е. Ворошилов пытался максимально приблизить руководство партизанами к армейским стандартам. Разросся командный аппарат. Вместо отделов появились управления. Соответственно, стало больше генеральских должностей. Всё это сковывало оперативность управления штабов партизанского движения [6].

Однако существует и другая точка зрения. Она принадлежит И.Г. Старинovu — помощнику начальника Украинского штаба партизанского движения по диверсиям. По его мнению, упразднение поста Главкома партизанским движением было связано с тем, что К.Е. Ворошилов на все ключевые посты в ЦШПД выдвинул не партократов, а опытных военачальников, которые имели опыт руководства войсками, умели планировать действия войск, тогда как планы операций, разрабатываемые ЦШПД, скорее напоминали постановления парторганов по проведению посевных работ [7].

Тем не менее с созданием центральных органов руководства партизанским движением был преодолен ряд важных недостатков и проблем начального периода войны: осуществлена необходимая координация действий партизанских формирований различных типов; решены многие организационные и технические проблемы; была обеспечена более тесная и опера-

тивная связь с армейским руководством; достигнута необходимая территориальная концентрация партизанских сил.

9 октября 1942 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении института комиссаров в Красной армии. Главнокомандующий партизанским движением К.Е. Ворошилов незамедлительно распорядился о распространении этого Указа и на партизанские отряды. Данное распоряжение вызвало негативную реакцию начальника ЦШПД П.К. Пономаренко, который считал эту меру неправильной, и в январе 1943 г. институт комиссаров в партизанских отрядах был восстановлен [3, с. 107–108].

За дело берутся профессионалы

Как правило, начальники штабов партизанского движения являлись членами Военных Советов фронтов, что обеспечивало координацию действий партизанских формирований с регулярными частями Красной армии. Соответственно роль представителей советских спецслужб, возглавляющих эти штабы, приобретала дополнительные функции. При их непосредственном участии разрабатывались оперативные мероприятия по активизации партизанских действий в прифронтовой зоне; партизанские отряды снабжались продовольствием, вооружением и медикаментами; из зоны действий партизанских формирований увозились раненые партизаны.

Работающие в ЦШПД представители органов государственной безопасности оказывали всестороннюю помощь республиканским и областным штабам партизанского движения. Значительную роль в дальнейшем усилении работы разведывательных отделов местных штабов партизанского движения сыграл ряд критических замечаний заместителя начальника ЦШПД майора госбезопасности С.С. Бельченко (ил. 3) в адрес руководителей Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П.З. Калинина и И.П. Ганенко. В директивных указаниях С.С. Бельченко обращалось

внимание на недостаточно высокий уровень ведения агентурной разведки, точности и полноты передаваемых сведений, на редкость практики перепроверки и уточнения данных войсковой разведки агентурной, а также содержались рекомендации по преодолению имеющихся недостатков. Руководство БШПД учло сделанные замечания и предложения [8].

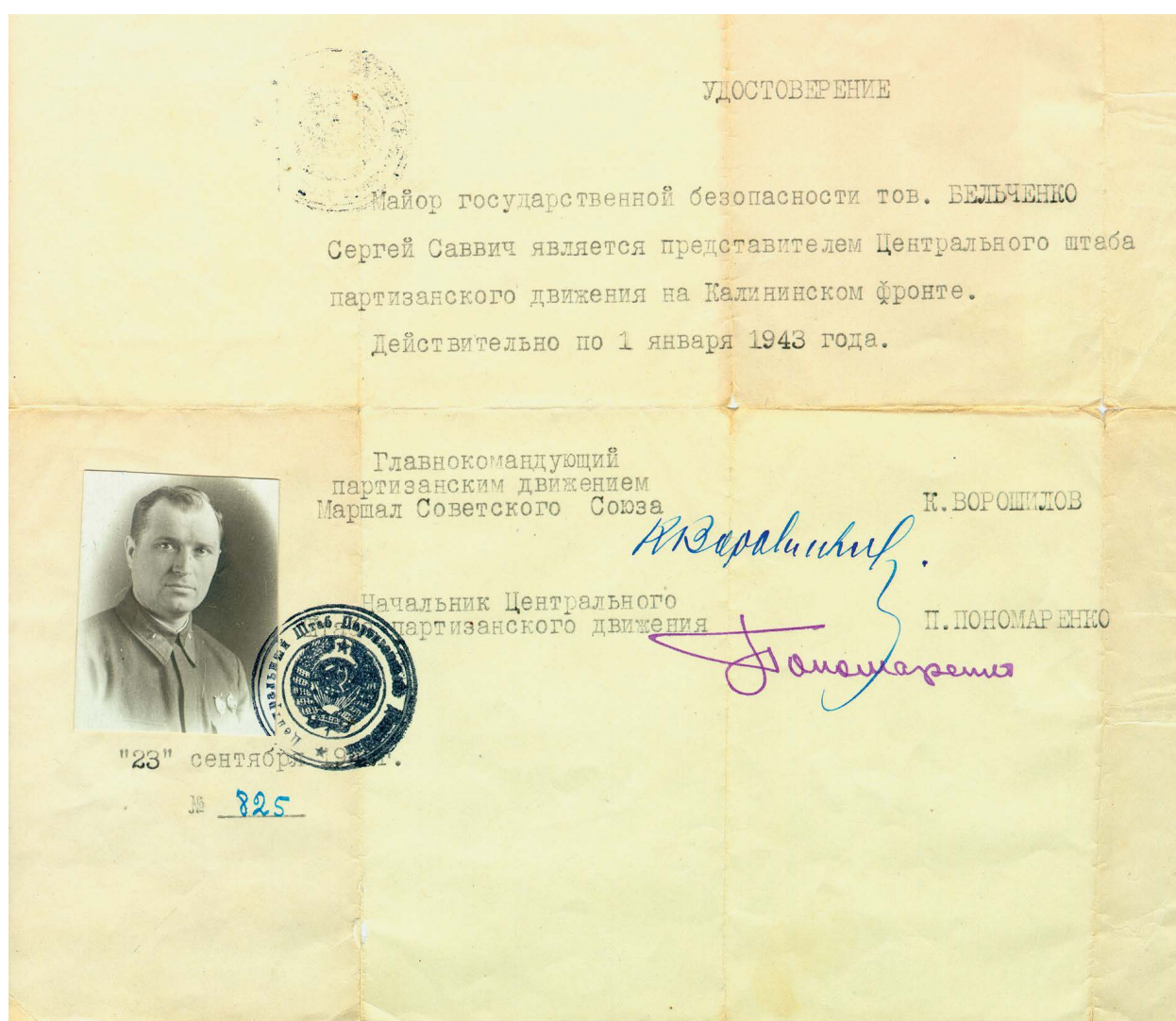
С созданием штабов партизанского движения как управляющих и координирующих органов была начата и внутренняя реорганизация ряда партизанских формирований. Она состояла в том, что партизанские бригады предстояло усилить представителями чекистских органов и превратить в самостоятельные боевые единицы с непосредственным подчинением представительству Центрального штаба партизанского движения при Военных Советах фронтов.

С созданием ЦШПД у централизованного военно-оперативного руководства появилась возможность координированных действий партизан, оперативно связанных с фронтами Красной армии. Одним из первых примеров таких действий партизан стала 1-я Ржевско-Сычёвская операция войск Западного и Калининского фронтов в июле-сентябре 1942 г. Во время этой операции в тылу ржевской группировки противника резко активизировалась деятельность партизан по уничтожению поездов, рельсов, мостов.

Диверсионная война на коммуникациях противника

В основе диверсионных операций ЦШПД, как правило, была заложена конкретная идея: срыв перевозок противника, закрытие движения на магистрали на определённый срок, деморализация противника и т.д. С июня 1942 г. по март 1943 г. ЦШПД подготовил и направил в тыл противника 2769 инструкторов подрывного дела и минёров, 180 000 мин, 128 000 кг тротила [9].

В числе первых тактический приём одновременного вывода из строя железных дорог на большом участке партизаны на-

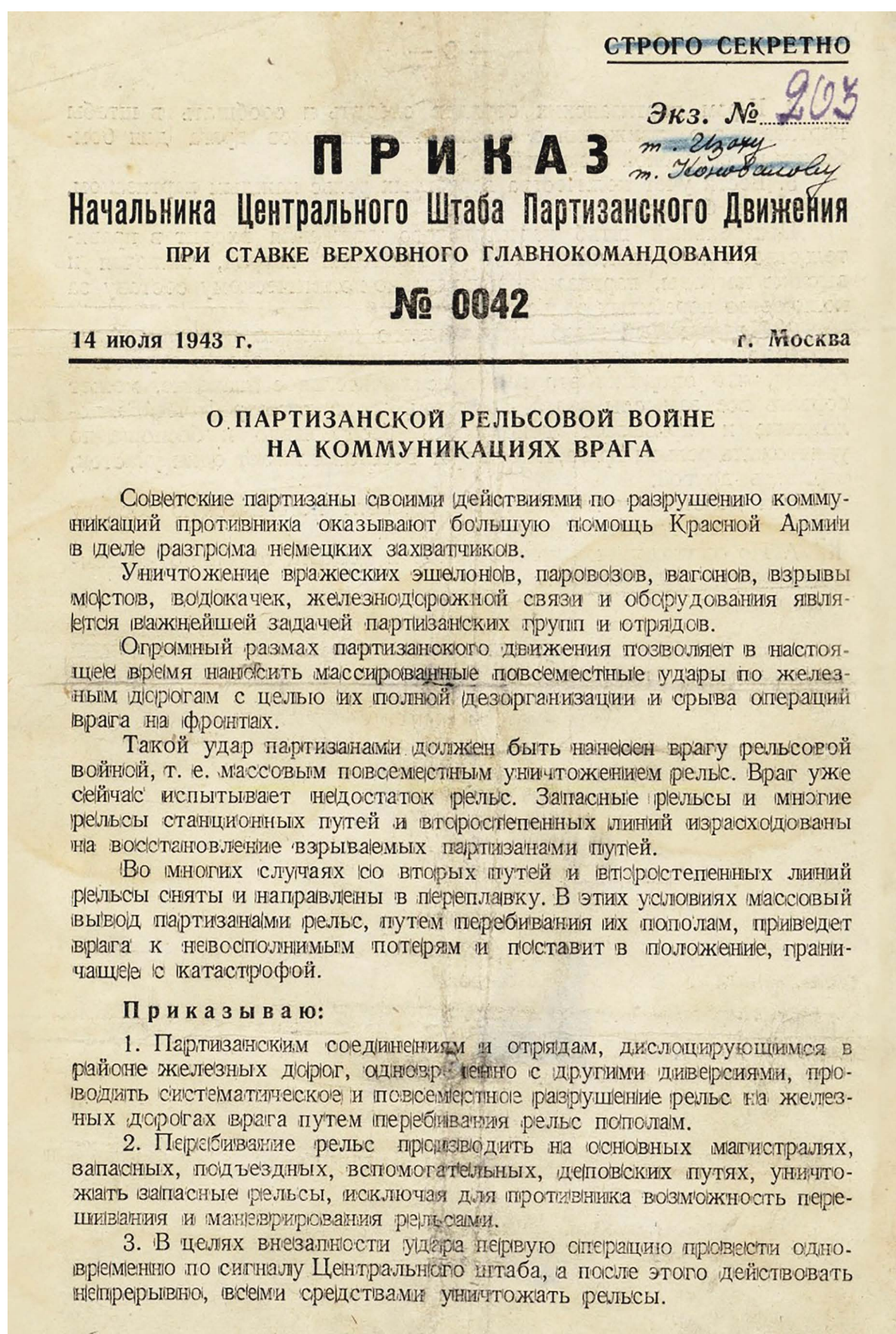
Ил. 3. С.С. Бельченко

чали применять ещё в 1942 г. в оккупированной Смоленской области. В Белоруссии первой такого рода стала операция под кодовым названием «Гранит», проведённая зимой-весной 1943 г. В апреле 1943 г. семь диверсионных групп бригады С.А. Ваупшасова, действуя одновременно, вывели из строя на несколько суток магистрали Минск–Барановичи и Минск–Бобруйск. Через месяц эти же магистрали вновь были парализованы в результате одновременного налёта 12-ти укрупнённых групп отряда [10].

Приём массированных ударов по железным дорогам противника доказал свою эффективность. Родилась идея полностью дезорганизовать работу транспорта противника. 14 июля 1943 г. был издан при-

каз начальника ЦШПД П.К. Пономаренко «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага» (ил. 4). Основная цель операции «Рельсовая война» — массовым повсеместным уничтожением рельсов сорвать все замыслы врага, создав катастрофическое положение. Приказывалось уничтожать рельсы на основных магистралях, запасных, вспомогательных, депокских путях, уничтожать запасные рельсы, лишая противника возможности перешивления и маневрирования рельсами. В операции приняли участие 170 партизанских бригад и отрядов численностью около 100 тыс. чел. [3, с. 316].

Массовый подрыв рельсов сочетался с налётами на мосты (ил. 5) и станции, с усилением ударов по автомобильному

Ил. 4. Приказ о партизанской «рельсовой войне»

Ил. 5. Остатки моста, взорванного партизанами

транспорту. Так, белорусские партизаны только в июле 1943 г. разрушили 268 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах и 18 железнодорожных мостов, а в августе 1943 г. — 410 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах и 129 — на железных дорогах [3, с. 201] (ил. 6).

Продолжением «Рельсовой войны» стала операция «Концерт», начавшаяся на оккупированной советской территории в сентябре

1943 г. [11]. В операции участвовали 120 тыс. партизан и большое число местных жителей [12]. Одним из успешных результатов рельсовой войны стала операция «Ковельский узел», проведенная партизанским соединением под командованием А.Ф. Фёдорова. Во время Курской битвы и на первом этапе освобождения левобережной Украины партизаны подорвали 274 немецких эшелона [13] (табл.).

Ил. 6. Парад партизан в освобождённом г. Орле.
На трибуне майор госбезопасности С.С. Бельченко. Сентябрь 1943 г.

Таблица

Итоги рельсовой войны по данным ЦШПД на 13 января 1944 г. [3, с. 283]

Область, республика	Выведено из строя рельсов, шт.		Итого
	С 20 июля по 16 сентября 1943 г.	С 16 сентября 1943 г. по 1 декабря 1944 г.	
Всего	214 705	148 557	363 262
Ленинградская область	14 357	54 011	65 368
Калининская область	29 299	10 851	39 880
Смоленская область	14 149	4 983	19 132
Орловская область	16 968	–	16 968
Белорусская ССР	132 832	77 684	210 516
Украинская ССР	7 100	620	7 720

Разные подходы к партизанской борьбе

У некоторых руководителей органов государственной безопасности СССР была своя точка зрения на проблемы контрразведывательного обеспечения парти-

занского движения. Так, начальник Главного управления контрразведки «Смерш» В.С. Абакумов (ил. 7) на имя начальника ЦШПД П.К. Пономаренко 20 августа 1943 г. отправил письмо, в котором подверг критике борьбу со шпионами

Ил. 7. В.С. Абакумов

и диверсантами противника в партизанских отрядах на оккупированной советской территории. Начальник ЦШПД не согласился с этим и в свою очередь обвинил В.С. Абакумова в неполучении от него информации о методах противника по борьбе с партизанами, об агентах врага, проникших в тот или иной партизанский отряд, а также иных материалов, полезных для борьбы с агентурой противника в партизанских отрядах.

Комментируя эту переписку, отметим, что ЦШПД и периферийные штабы партизанского движения находились на советской территории и в оперативном обслуживании находились под опекой военных контрразведчиков. Соответственно информация о переходе к партизанам различного рода коллаборационистов становилась известной руководству «Смерш». Однако представители особых отделов никаких мер по оперативной работе с этими людьми провести естественно не могли, так как их разделяла линия фронта. Как правило,

контрразведкой на оккупированной советской территории занимались оперативные сотрудники 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР. Конфликтная ситуация разрешилась только благодаря непосредственному вмешательству И.В. Сталина, который не поддержал В.С. Абакумова, посчитав аргументы П.К. Пономаренко более убедительными.

Действительно, в организации руководства партизанским движением имелся ряд проблем и недостатков. Так, стремление к чрезмерной централизации руководства, попытка управлять всеми партизанскими отрядами из Центра лишали инициативы республиканские и областные штабы партизанского движения. По признанию начальника ЦШПД П.К. Пономаренко, проконтролировать действия и результаты партизанских отрядов не всегда было возможно; недостаточно использовались агентурные возможности партизан; некоторые партизанские отряды проявляли недостаточную активность, слабыми были связь и работа в городах; не всегда соблюдалась конспирация; зачастую отсутствовала тщательная проверка принимаемых в партизанские отряды людей.

После сокрушительного разгрома 6-й армии Паулюса под Сталинградом, наступлений Красной армии на Брянском фронте в феврале 1943 г. руководство страны приняло решение упразднить ЦШПД, что и произошло 7 марта 1943 г. Однако это решение оказалось преждевременным. В связи с трудностями наступления Красной армии на западном направлении и стабилизацией фронта 17 апреля 1943 г. ЦШПД был восстановлен. Н.С. Хрущёв добился разрешения у И.В. Сталина на то, чтобы Украинский штаб партизанского движения (УШПД) не подчинялся в оперативном отношении ЦШПД.

После массированных партизанских операций на коммуникациях противника летом-осенью 1943 г. и освобождения Красной армией большей части оккупированной советской территории 13 января 1944 г. ЦШПД был окончательно упразднён (ил. 8).

Ил. 8. П.К. Пономаренко и С.С. Бельченко после войны

Таким образом, с созданием центральных органов руководства партизанским движением был преодолен ряд важных недостатков и проблем начального периода войны: налажена необходимая координация действий партизанских формирований различных типов; решены многие организационные и технические проблемы; обеспечена более тесная и оперативная связь с армейским руководством; достигнута необходимая территориальная концентрация партизанских сил. В решении всех этих задач активно участвовали сотрудники со-

ветских органов госбезопасности, которые не только оказывали различную помощь Центральному и местным штабам партизанского движения, но и непосредственно участвовали в повышении качества работы по организации и управлению партизанским движением. Велась кропотливая работа по сбору разведывательной информации с оккупированной советской территории, координации боевых действий партизан, обеспечению их радиосвязью, снабжением боеприпасами и продуктами через военную авиацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов / Гл. ред. В.В. Корвин. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2000. С. 345.
2. Попов А.Ю. О теории и практике организации подполья на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны // Патриот: актуальные вопросы военной истории России и её силовых структур. Военная история России и воспитание гражданственности: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: НГОНБ, 2023. С. 68.

3. Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М.: Наука, 1982.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов / Гл. ред. В.В. Коровин Т. 3. Кн. 1. М.: Русь, 2003. С. 507–509.
5. Попов А.Ю. Участие органов государственной безопасности СССР в сопротивлении гитлеровским захватчикам на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: Родина, 2023. С. 114.
6. Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: Олма-пресс, 2002. С. 169.
7. Старинов И.Г. Мины замедленного действия. М.: Вымпел, 1999. С. 140.
8. Киселёв В.К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944. Мн.: БГУ, 1980. С. 42.
9. Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М.: ИПЛ, 1974. С. 183.
10. Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Ненависть, спрессованная в тол. М.: Мысль, 1991. С. 237.
11. Мачульский Р.Н. Вечный огонь. Мн.: Беларусь, 1973. С. 247.
12. Старинов И.Г. Удары по вражеским коммуникациям // Советские партизаны. Из истории партизанского движения. В годы Великой Отечественной войны. М.: ИПЛ, 1961. С. 744.
13. Боярский В.И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 226.

On the Centralisation of the Leadership of the Partisan Movement during the Great Patriotic War

Aleksey Yurievich Popov – Doctor of Historical Sciences (PhD), Leading Researcher of the Of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Fighting Hitler's Invaders in Settlements in the Soviet Occupied Territories (1941-1944)”. (0149-2022-0011) of the IRH RAS.

E-mail: Al-popov69@mail.ru

The formation of the partisan units in the rear of the advancing Nazi troops and the establishment of resistance in the first months of the Great Patriotic War were led by the party and Soviet authorities, intelligence departments and political administrations of the Red Army fronts and USSR state security agencies. As some leaders of the first partisan detachments noted, there was an abundance of organisers, but in reality the resistance was literally stuck at the beginning of the war. The paper studies the development and operation of the central headquarters of the partisan movement, its cooperation with the Red Army and state security agencies with the aim of improving the leadership and the effectiveness of intelligence, sabotage and combat operations of partisan units in occupied Soviet territories during the Great Patriotic War. The author points out deficiencies that existed in the organisation of the partisan resistance and draws conclusions about the positive role of the central headquarters of the partisan movement in the organisation and management of combat efforts behind enemy lines.

Keywords: central headquarters of the partisan movement, State Defense Committee, partisans, national security authorities, SMERSH, intelligence, sabotage

REFERENCES

1. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sbornik dokumentov / Gl. red. V.V. Korovin. T. 2. Kn. 1. M.: Rus', 2000. S. 345 (in Russian).
2. Popov A.Yu. O teorii i praktike organizatsii podpol'ya na okkupirovannoi sovetskoj territorii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Patriot: aktual'nye voprosy voennoi istorii Rossii i eyo silovykh struktur. Voennaya istoriya Rossii i vospitanie grazhdanstvennosti: Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Novosibirsk: NGONB, 2023. S. 68 (in Russian).
3. Ponomarenko P.K. Vsenarodnaya bor'ba v tylu nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov 1941–1944 gg. M.: Nauka, 1982 (in Russian).
4. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sbornik dokumentov / Gl. red. V.V. Korovin T. 3. Kn. 1. M.: Rus', 2003. S. 507–509 (in Russian).
5. Popov A.Yu. Uchastie organov gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v soprotivlenii gitlerovskim zakhvatchikam na okkupirovannoi sovetskoj territorii (1941–1944 gg.). M.: Rodina, 2023. S. 114 (in Russian).
6. Popov A.Yu. 15 vstrech s generalom KGB Bel'chenko. M.: Olma-press, 2002. S. 169 (in Russian).
7. Starinov I.G. Miny zamedlennogo deistviya. M.: Vympel, 1999. S. 140 (in Russian).
8. Kiselyov V.K. Partizanskaya razvedka. Sentyabr' 1943 – iyul' 1944. Mn.: BGU, 1980. S. 42 (in Russian).
9. Voina v tylu vruga. O nekotorykh problemakh istorii sovetskogo partizanskogo dvizheniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 1. M.: IPL, 1974. S. 183 (in Russian).
10. Zevelev A.I., Kurlat F.L., Kazitskii A.S. Nenavist', spressovannaya v tol. M.: Mysl', 1991. S. 237 (in Russian).
11. Machul'skii R.N. Vechnyi ogon'. Mn.: Belarus', 1973. S. 247 (in Russian).
12. Starinov I.G. Udary po vrazheskim kommunikatsiyam // Sovetskie partizany. Iz istorii partizanskogo dvizheniya. V gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M.: IPL, 1961. S. 744 (in Russian).
13. Boyarskii V.I. Partizany i armiya. Istoriya upushchennykh vozmozhnostei. Mn.: Kharvest; M.: AST, 2001. S. 226 (in Russian).

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Индекс УДК 94(47).084.8 + 343.819.5

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-52-63

С.В. АРИСТОВ*

Судьба советских военнопленных в годы войны

Статья посвящена анализу положения советских военнопленных в годы Второй мировой войны, изучению факторов их массового пленения и причин высокой смертности в нацистских лагерях. Рассматриваются преступные приказы командования вермахта, «политика голода», а также использование советских военнопленных в качестве принудительной рабочей силы. Анализируются стратегии выживания в плену, включая противодействие лагерной администрации, участие в движении Сопротивления и коллаборационизм. Отдельное внимание уделено обсуждению вопросов общего числа пленённых и количества жертв. Поднимаются вопросы, требующие дальнейшего исследования, такие как лагерная повседневность, биографии пленённых советских генералов, а также выявление имён погибших советских военнопленных и мест их захоронения.

Ключевые слова: советские военнопленные, вермахт, лагеря, коллаборационизм, Сопротивление, Вторая мировая война

Хотя плен всегда был частью вооружённых конфликтов, лишь в годы Второй мировой войны этот феномен приобрёл невиданные ранее масштабы. В общей сложности в плену оказалось около 35 млн человек [1], среди которых одной из самых значительных групп (по разным данным, порядка 4–6 млн чел.) стали советские военнопленные, попавшие в руки нацистов.

В отечественной и зарубежной историографии активно обсуждаются причины столь масштабного пленения советских военнослужащих. Среди них выделяются военно-организационные факторы: неожиданный по силе и хорошо спланированный удар вермахта; уничтожение значительной части авиации на земле; быстрое продвижение вглубь советской территории за счёт

* **Аристов Станислав Васильевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН, заведующий кафедрой истории и культурологии НИУ «МЭИ».
E-mail: aristov_stanisлав@hotmail.com

мобильности частей; более высокая слаженность и боевой опыт немецкой армии; недостаточное обеспечение Красной армии средствами связи, что привело к нарушению руководства и координации действий подразделений; нехватка современной техники, оружия и боеприпасов; проблемы с эвакуацией раненых и др. На всё это накладывались морально-психологические причины: случаи паники и растерянности в войсках усугублялись моральной неготовностью к отступлению; влияние немецкой пропаганды, внедрявшей образ «непобедимой немецкой военной машины»; демаскирующая роль официального дискурса о дружбе с Германией после подписания «Пакта Риббентропа—Молотова» и др. [2]. Возникают требующие тщательного изучения «трудные» вопросы относительно недостатков военно-тактической подготовки и политико-воспитательной работы в частях, включая офицерский состав и коммунистов (как известно, партийная прослойка в РККА до войны была значительней, чем вне армии), и др.

Преступные нацистские планы в отношении советских пленных

Попав в плен, красноармейцы оказывались в руках вермахта, в первую очередь его Общего управления (ОКВ/АВА) или аналогичных отделов в германской авиации и на флоте. Кроме того, в 1941 г. Третий рейх был разделён на 17 военных округов. В каждом из них появились специальные уполномоченные по делам военнопленных, которые должны были заниматься организацией и функционированием лагерей. Но прежде чем попасть в эти лагеря, пленённые сначала оказывались в армейских сборных пунктах, а затем в пересыльных лагерях (дулагах). Только после пребывания в них пленных направляли в «основные» лагеря, которые, как правило, располагались на территории рейха: в шталаги для рядового состава и офлагы — для офицеров.

Передача пленных в ведение других инстанций, помимо армейских, формаль-

но должна была исключаться. Однако это имело место, и советских солдат, как и пленных из других стран, иногда передавали гестапо или СС, хотя это противоречило Женевской конвенции и разработанным на её основе инструкциям.

Для руководства рейха, рассчитывавшего на успех блицкрига, положение вещей, складывавшееся на фронте в первые месяцы Великой Отечественной войны, не стало большой неожиданностью. Нацисты надеялись на значительный приток советских пленных, но при этом они не планировали обращаться с ними в соответствии с международными нормами.

По идее Женевская конвенция 1929 г. должна была составлять правовую основу для обращения с военнопленными, находящимися в немецком плену, так как Третий рейх ратифицировал этот документ в феврале 1934 г. Тем не менее в отношении советских военнопленных действовали особые предписания, которые стали основой для расовой политики уничтожения и эксплуатации, направленной против большевизма как идеологии и граждан Советского Союза как «неполноценных» людей.

Весной — в начале лета 1941 г. командование вермахта и его сухопутных войск выпустило ряд приказов, оцениваемых в настоящее время однозначно как «преступные». Данные приказы и основанные на них действия привели к колоссальной смертности и масштабным убийствам после начала вторжения Гитлера на территорию СССР. «Расовая война» велась не только полицией и СС, но и вермахтом, функции которого в этом случае варьировались от логистической и снабженческой поддержки айнзатцгрупп (специальных отрядов СС, отвечавших за уничтожение расовых и политических врагов рейха на оккупированных территориях) до непосредственного участия в убийствах советских военнопленных. Именно преступное отношение вермахта к пленным являлось одной из основных причин массовой гибели последних (ил. 1).

Ил. 1. Посещение Г. Гиммлером лагеря советских военнопленных под Минском (август 1941 г.)
(источник: National Archives and Records Administration (NARA). Source Record ID: 242-HB-47721-304)

Реализация политики уничтожения в лагерях

С началом вторжения на территорию СССР оккупанты на практике приступили к реализации преступных приказов, в частности к запланированному массовому уничтожению «политических комиссаров». В случае выявления политработника или подозрения на подобный статус солдаты вермахта расстреливали таких бойцов Красной армии сразу после пленения, на поле боя либо на сборных пунктах. В тыловых районах — в дулагах и шталагах — в подобных акциях принимали участие представители айнзатцгрупп. С осени 1941 г. функции «отбора» и уничтожения «нежелательных» в оперативной зоне были окончательно закреплены за подразделениями полиции безопасности и СД. В тылу проверку и допрос осуществляли члены айнзатцгрупп и офицеры контрразведки — в лагерях военнопленных. Затем

список «отобранных» направляли в РСХА, где он утверждался и принималось решение о транспортировке советских военнопленных в тот или иной концлагерь для ликвидации.

В концлагерях Третьего рейха к лету 1942 г. были «отобраны» для ликвидации и убиты не менее 34 тыс. человек. Вполне возможно, их было больше, так как многих жертв даже не регистрировали по прибытии. Убийства происходили во всех лагерях, где оказались военнопленные, и осуществлялись изначально посредством расстрелов небольших групп.

Операция по уничтожению «политкомиссаров» была шагом «эволюции» нацистской концлагерной системы на пути отработки новых технологий геноцида. Расстрелы и инъекции оказались «малоэффективными», а существующая лагерная инфраструктура (в частности крематории) и логистика (транспортировка и размеще-

Ил. 2. Советские военнопленные в лагере Демблин в Польше (1942 г.)
(источник: NARA. Source Record ID: 338 - box 432-file 66-1596)

ние жертв) не соответствовали масштабам начавшихся репрессий. Учитывая опыт проведения акции в отношении советских военнопленных, нацисты приступили к «усовершенствованию» методов массового уничтожения. Уже в августе 1941 г. в Аушвице впервые для убийства советских военнопленных нацисты использовали газ «Циклон В». Второй раз это произошло 3 сентября — тогда жертвами стали 600 советских военнопленных, 250 польских больных узников и 10 поляков-штрафников [3].

Отдельной категорией военнопленных являлись советские женщины-красноармейки. Отношение к ним со стороны нацистов представляло собой смесь расовых и гендерных стереотипов, что делало их положение в начале войны не менее тяжёлым, чем пленных мужчин (ил. 2). Характерным был приказ от 29 июня 1941 г. генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге о том, что «женщин в униформе следует расстре-

ливать». Однако уже с 1942 г. советских женщин-военнопленных в большинстве случаев на месте не расстреливали, а «прагматично» направлялись в концлагеря с целью дальнейшей трудовой эксплуатации.

Практика ликвидации немцами в первую очередь политкомиссаров и других «политически неблагонадёжных» не означала, что остальные советские военнопленные имели большие шансы на выживание. «Политика голода» и создание условий для массовой гибели распространялись и на тех, кто не был уничтожен сразу после пленения. Особенно катастрофичным был первый год войны.

Осенью 1941 г. во всех лагерях советских военнопленных начался голод. В октябре этого года официальный паёк для неспособных работать узников был сокращён на 27%. Дело дошло до того, что в лагерях фиксировался каннибализм [4]. К концу ноября 1941 г. смертность в неко-

Ил. 3. Раздача хлеба советским военнопленным в лагере в Виннице (лето 1941 г.)
(источник: NARA. Source Record ID: 242-GAP-267-B-11)

торых лагерях военнопленных на оккупированной территории БССР достигла 2% узников в день (ил. 3).

В немецких лагерях военнопленных, специально предназначенных для солдат Красной армии, смертность за время войны составила 57,5%. В лагерях для солдат западных союзников она была менее 5%, поскольку там условия содержания, включая питание и медобслуживание, были значительно лучше [5]. Лагерь для советских военнопленных, вне зависимости от их названия и функций (дулаг, офлаг или шталаг), по своей сути были гораздо ближе к центрам уничтожения — Треблинке, Белжецу, Собибору, Хелмно, возникшим позднее для массового убийства еврейского населения.

В лагерях сателлитов Германии смертность советских военнопленных была ниже, хотя достоверность их статистики вызывает сомнение. Правда, и количество пленных, содержащихся в них, было кратно меньше,

чем у немцев. Так, из 91 060 советских военнопленных, оказавшихся в румынском плену, по румынским данным, в лагерях умерли 5 223 (около 5,7%). Согласно официальным финским сведениям, в их плен попали 64 188 советских солдат и офицеров, из которых погибли 19 016 человек (29,6%) [6]. Советских военнослужащих, взятых в плен венгерскими, итальянскими и словацкими войсками, передавали вермахту и содержали в немецких лагерях.

Значительная нехватка рабочей силы в Третьем рейхе привела к усилению «прагматического» подхода к советским военнопленным как к источнику рабского труда. В ноябре 1941 г. Г. Геринг отдал приказ отбирать, оставляя в живых, тех, кто был пригоден к работе. И хотя на практике подобная политика начала реализовываться только к середине 1942 г., к концу войны в экономике нацистской Германии использовался принудительный труд более одного миллиона советских военноплен-

ных. Если изначально они были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, то со временем практика их использования распространилась фактически на все отрасли, включая военную промышленность. По оценке учёных, принудительная эксплуатация советских военнопленных принесла экономике рейха как минимум 500 млн марок дохода [7] (ил. 4).

Оценки общего числа советских пленных и количества жертв

Учёные до сих пор спорят об общей численности и масштабах смертности попавших в плен солдат Красной армии. Один подход апеллирует к германской статистике, второй основывается на расчётах отечественных исследователей. По данным германской военной разведки, к февралю 1945 г. в немецком плену насчитывалось 5,7 млн советских военнопленных. Среди них 3,35 млн были взяты в плен в 1941 г. и примерно 2,4 млн оказались в плену

с 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г. Однако, согласно донесениям вермахта, к декабрю 1941 г. численность советских военнопленных составляла 3,8 млн человек. Разница в данных — 450 тыс. человек — с большой долей вероятности отражала количество погибших и убитых немцами военнопленных с момента пленения до попадания в лагерь. Таким образом, с учётом гибели при транспортировке общее число советских военнослужащих, оказавшихся в нацистском плену за период с начала войны и до 1 февраля 1945 г., могло составлять 6,2 млн человек.

По мнению В.Н. Земскова, эту цифру нужно увеличить как минимум до 6,3 млн с учётом советских солдат, попавших в плен в самом конце войны — с февраля по начало мая 1945 г., а также с учётом данных по финскому и румынскому плену (в общей сложности более 100 тыс. чел.) [8].

Имеются и другие оценки численности пленных, основанные на советских ар-

Ил. 4. Советские военнопленные на принудительных работах по строительству железной дороги (1941–1942 гг.)
(источник: United States Holocaust Memorial Museum. Photograph Number: 16755)

Ил. 5. Советские военнопленные готовят к кремации останки своих товарищей (лагерь военнопленных Хелм на территории Польши) (лето 1941 г.)
(источник: *United States Holocaust Memorial Museum. Photograph Number: 05975*)

живных данных. Так, Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий под руководством А.Н. Яковлева оценивала число пленённых в 4,07 млн человек [9]. Наибольшее распространение в постсоветской историографии получили выводы коллектива военных историков во главе с Г.Ф. Кривошеевым. Они пришли к выводу, что максимальное число советских военнопленных периода Великой Отечественной войны составляло 4,3 млн человек. Разницу с германской статистикой сторонники этой точки зрения объясняют тем, что немцы включали в категорию военнопленных не только собственно военнослужащих РККА, но и других вооружённых формирований и даже гражданское население, которые тоже заключались в концлагеря.

Что касается оценки числа погибших в плену советских военнопленных, то и в этом вопросе нет единого мнения.

Группа Г.Ф. Кривошеева на основании сохранившихся в отечественных архивах документов пришла к выводу о гибели 1,8 млн советских пленных [10]. Значительно большую цифру — 3,3 млн человек — даёт немецкий историк К. Штрайт [11]. Долгое время из статистики исключались военнопленные — в дальнейшем погибшие участники коллаборационистских формирований. В.Н. Земсков подсчитал, что с учётом этой категории число погибших военнопленных могло составить 3,9 млн человек [12].

Подводя итог подобным дискуссиям, отметим, что в силу фрагментарности сохранившейся источниковой базы, а также разницы в методологических подходах целесообразно приводить нижнюю и верхнюю границы имеющегося в литературе минимального и максимального количества советских военнопленных, в том числе — погибших (ил. 5).

Стратегии поведения в плену

Одним из важных аспектов историографии советского плена является изучение стратегий выживания военнопленных, оказавшихся на грани жизни и смерти. В настоящее время выделяются как минимум четыре основных модели поведения: смирение (покорность), приспособление, противодействие (сопротивление) и коллаборационизм [13, 14]. Чёткого разграничения между этими условными моделями не может быть, поскольку многие узники, демонстрируя внешнее смирение или даже готовность к сотрудничеству с лагерной администрацией, делали это ради выживания (приспособления) или даже получения возможностей для сопротивления.

Реакцией на массовые убийства, жестокое обращение, «политику голода» и др. в отношении советских военнопленных стало распространение разных способов пассивного или активного противодействия лагерной администрации, а также участия в движении Сопротивления. Формы этого противостояния были самыми разнообразными — от одиночных и групповых побегов (к 1 мая 1944 г. в нацистских документах среди успешно совершивших побег числилось в общей сложности 66 694 красноармейца) [15] до участия в европейском движении Сопротивления. В некоторых случаях даже отказ вступать в коллаборационистские формирования требовал немалого мужества и был сопряжён с риском для жизни.

В большинстве известных восстаний в концлагерях и центрах уничтожения (Аушвице-Биркенау, Маутхаузене, Бухенвальде, Собиборе), организованных с целью побега или освобождения лагерной территории, руководителями и активными участниками являлись именно советские военнопленные [16].

Нацисты не только активно использовали военнопленных как бесплатную рабочую силу, но и занимались рекрутированием бывших советских военнослужащих в состав разного рода коллаборационистских формирований. Вопрос о побудитель-

ных мотивах коллаборационизма среди военнопленных крайне сложен. Вместе с тем известно, что данная тема важна для понимания феномена военного коллаборационизма в целом, поскольку бывшие военнопленные составляли значительную долю (по некоторым оценкам — до 60%) в составе коллаборационистских формирований.

Очевидно, что лишь часть согласившихся на сотрудничество с врагом делала это из идейных (антисоветских и проч.) побуждений. Другие — чтобы под любым предлогом избавиться от невыносимых условий лагеря и элементарно выжить. Третьи изначально имели целью, вырвавшись из лагеря и получив в руки оружие, при первой возможности перейти на сторону Красной армии или примкнуть к партизанам. Другое дело, что удавалось это далеко не всегда.

Многие историки обращают внимание на то, что — осознанно или нет, — но главный «побудительный мотив» был спровоцирован самими нацистами. Речь о нечеловеческих условиях, в которых оказались люди в лагерях, где им приходилось выбирать между жизнью и смертью. Играла свою роль и немецкая пропаганда, которая активно использовала пример генерала Власова и других предателей. Гитлеровцы также пытались обыграть бескомпромиссную, не предусматривавшую прощения и нюансов, позицию, которую заняло советское руководство в отношении граждан, находившихся в плену.

По-разному оценивается общая численность пленных, оказавшихся затем в различных военных, полицейских и прочих нацистских формированиях. Наиболее обоснованными представляются сведения примерно об одном миллионе человек [17] (ил. 6).

Одним из наиболее многочисленных (порядка 55–60 тыс. чел.) и самым известным коллаборационистским военным формированием являлась созданная немецким командованием Русская освободительная армия (РОА), во главе которой был поставлен бывший генерал

Ил. 6. Групповой портрет коллаборационистов-транкиков в центре уничтожения Бельжец (1942 г.)
(источник: United States Holocaust Memorial Museum. Photograph Number: 10263)

РККА А. Власов. Существует постсоветская литература, посвящённая различным аспектам деятельности РОА, однако попытки отдельных авторов представить власовцев как идейных борцов с коммунизмом несостоятельны [18, 19]. Оценки большинства учёных, а также опубликованные в последние годы документы убедительно доказывают, что «власовский проект» с самого начала был делом рук гитлеровских спецслужб, а деятельность А. Власова и его сторонников являлась изменой присяге и предательством своей страны [20].

В начале 1942 г. руководитель «русского отдела» в VI управлении РСХА (Главное управление имперской безопасности) Г. Грефе совместно с военной разведкой (абвером) разработал концепцию создания агентурной сети из военнопленных для сбора информации в советском тылу, осуществления диверсий и саботажа. Эти наработки легли в основу так называемой Операции Цеппелин. Её главным инстру-

ментом должны были стать специально обученные группы, которые предполагалось забрасывать в советский тыл.

После первичного отбора в лагерях военнопленных, согласившихся на сотрудничество, передавали гестапо для дальнейшей проверки, и лишь затем, за исключением отсеянных, их направляли на спецподготовку вне лагеря. Предварительная работа с новобранцами «Операции Цеппелин» проводилась гестапо преимущественно среди заключённых в Бухенвальде, Заксенхаузене и Аушвице. Приём добровольцев был прекращён уже летом 1942 г. [21]. Однако открытыми остаются вопросы, какова была «эффективность» деятельности данных групп и каково было общее число их участников.

Подводя итоги, следует отметить, что история плена и советских военнопленных исследована недостаточно. Только начинает изучаться тема лагерной повседневности и стратегий выживания заключённых, а также гендерные аспекты вопроса. Мало из-

вестно о том, как функционировали лагеря на оккупированных территориях СССР [22]. Нет обобщающих трудов, посвящённых целому ряду аспектов коллаборационизма военнопленных, в частности их роли в «Операции Цеппелин». Требуется специальное изучение роли, которую красноармейцы сыграли в национальных и в европейском движении Сопротивления. Историки значительно продвинулись в изучении пребыва-

ния советских генералов в плену, но и здесь остаются лакуны, например в освещении их подпольной деятельности в концлагерях [23]. Наконец, важным направлением будущих изысканий должно стать продолжение выявления имён погибших советских военнопленных и мест их захоронения, восстановление индивидуальных биографий и коллективных судеб как во время войны, так и после её окончания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Overmans R. German Historiography, the War Losses, and the Prisoners of War // Eisenhower and the German POWs / Ed. G. Bischoff, S. Ambrose/ New York, 1992. P. 144.
2. Шнеер А. Плен. Солдаты и офицеры Красной армии в немецком плену. Т. 1. М., 2022. С. 146–229.
3. Аристов С. «Империя смерти». Концлагеря Третьего Рейха: самая полная иллюстрированная энциклопедия нацистских концлагерей. М., 2022. С. 20.
4. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Ed. J. Echternkamp. Munich, 2005. № 9/2. P. 808.
5. Burleigh M. The Third Reich — A New History. New York: Hill and Wang, 2000. S. 512–513.
6. Полян П. Советские военнопленные: сколько их было и сколько вернулось? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 52–53.
7. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 305.
8. Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 23–24.
9. Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.
10. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев и др. М., 1993. С. 131.
11. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 8.
12. Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 27.
13. Аристов С.В. Жизнь вопреки: стратегии выживания в нацистском женском концлагере Равенсбрюк (1939–1945 гг.): Исследование и свидетельства. М., 2018.
14. Кобыляж-Була Р. Солдаты Красной армии в лагерях для военнопленных Ламсдорф (1941–1945) // Советские военнопленные во время Второй мировой войны на польских землях. СПб., 2018. С. 63.
15. Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М., 2020. С. 199.
16. Сопротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память / С. Аристов, И. Васильев, М. Мацкевич, М. Эдельштейн. М., 2022.
17. Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы режима // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 90–91.

18. Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М., 2005.
19. Дробязко С. Под знамёнами врага: антисоветские формирования в составе германских вооружённых сил. 1941–1945. М., 2004.
20. Генерал Власов: история предательства: В 2 т. В 3 кн. / Под ред. А.Н. Артизова. М., 2015.
21. Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М., 2020. С. 319.
22. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. IV: Camps and Other Detention Facilities under the German Armed Forces // Ed. by P. Geoffrey Megargee: Indiana University Press, 2022.
23. Нуждин О. Генералы и полковники РККА в плену в годы Великой Отечественной войны. М., 2020.

Fate of Soviet Prisoners of War during the War Years

Stanislav Vasilievich Aristov — Doctor of Historical Sciences (PhD), Leading Researcher of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of History and Cultural Studies, National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

The paper analyses the situation of Soviet prisoners of war during World War II, explores the causes of their mass captivity and the reasons for the high mortality rate in Nazi camps. The author studies criminal commands of the Wehrmacht as “the Hunger Plan”, and the use of Soviet prisoners of war in forced labor. The paper examines strategies for survival in captivity, including confronting the camp administration, participation in the Resistance, and collaborationism. It especially focusses on the question of the total number of prisoners and death tolls. The author addresses issues that require further research, such as camp routine, the biographies of captured Soviet generals, and the revealing the identities of dead Soviet prisoners of war and their burial sites.

Keywords: Soviet prisoners of war, Wehrmacht, camps, collaborationism, Resistance, World War II

REFERENCES

1. Overmans R. German Historiography, the War Losses, and the Prisoners of War // Eisenhower and the German POWs / Ed. G. Bischoff, S. Ambrose/ New York, 1992. P. 144.
2. Shneer A. Plen. Soldaty i ofitsery Krasnoi armii v nemetskom plenu. T. 1. М., 2022. S. 146–229 (in Russian).
3. Aristov S. «Imperiya smerti». Kontslagerya Tret'ego Reikha: samaya polnaya illyustrirovannaya entsiklopediya natsistskikh kontslagerei. М., 2022. S. 20 (in Russian).
4. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Ed. J. Echternkamp. Munich, 2005. № 9/2. P. 808.
5. Burleigh M. The Third Reich — A New History. New York: Hill and Wang, 2000. S. 512–513.
6. Polyan P. Sovetskie voennoplennyye: skol'ko ikh bylo i skol'ko vernulos'? // Demograficheskoe obozrenie. 2016. T. 3. № 2. S. 52–53 (in Russian).
7. Shtrait K. «Oni nam ne tovarishchi...»: vermakht i sovetskie voennoplennyye v 1941–1945 gg. М., 2009. S. 305 (in Russian).

8. Zemskov V.N. «Statisticheskii labirint». Obshchaya chislennost' sovetskikh voennoplennykh i masshtaby ikh smernosti // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 3. S. 23–24 (in Russian).
9. Sud'by voennoplennykh i deportirovannykh grazhdan SSSR: Materialy Komissii po reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii // Novaya i noveishaya istoriya. 1996. № 2. S. 92 (in Russian).
10. Grif sekretnosti snyat. Poteri Vooruzhyonnykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh: Statisticheskoe issledovanie / G.F. Krivosheev i dr. M., 1993. S. 131 (in Russian).
11. Shtrait K. «Oni nam ne tovarishchi...»: vermakht i sovetskie voennoplennyye v 1941–1945 gg. M., 2009. S. 8 (in Russian).
12. Zemskov V.N. «Statisticheskii labirint». Obshchaya chislennost' sovetskikh voennoplennykh i masshtaby ikh smernosti // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 3. S. 27 (in Russian).
13. Aristov S.V. Zhizn' vopreki: strategii vyzhivaniya v natsistskom zhenskom kontslagere Ravensbryuk (1939–1945 gg.): Issledovanie i svidetel'stva. M., 2018 (in Russian).
14. Kobylazh-Bula R. Soldaty Krasnoi armii v lageryakh dlya voennoplennykh Lamsdorf (1941–1945) // Sovetskie voennoplennyye vo vremya Vtoroi mirovoi voyny na pol'skikh zemlyakh. SPb., 2018. S. 63 (in Russian).
15. Otto R., Keller R. Sovetskie voennoplennyye v sisteme kontslagerei Germanii. M., 2020. S. 199 (in Russian).
16. Soprotivlenie sovetskikh voennoplennykh v natsistskikh kontsentratsionnykh lageryakh i tsentrakh unichtozheniya: istoriya i pamyat' / S. Aristov, I. Vasil'ev, M. Matskevich, M. Edel'shtein. M., 2022 (in Russian).
17. Kudryashov S. Predateli, «osvoboditeli» ili zhertvy rezhima // Svobodnaya mysl'. 1993. № 14. S. 90–91 (in Russian).
18. Aleksandrov K. Russkie soldaty Vermakhta. Geroi ili predateli. M., 2005 (in Russian).
19. Drobyazko S. Pod znamyonami vraga: antisovetskie formirovaniya v sostave germanskikh vooruzhyonnykh sil. 1941–1945. M., 2004 (in Russian).
20. General Vlasov: istoriya predatel'stva: V 2 t. V 3 kn. / Pod red. A.N. Artizova. M., 2015 (in Russian).
21. Otto R., Keller R. Sovetskie voennoplennyye v sisteme kontslagerei Germanii. M., 2020. S. 319 (in Russian).
22. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. IV: Camps and Other Detention Facilities under the German Armed Forces // Ed. by P. Geoffrey. Megargee: Indiana University Press, 2022.
23. Nuzhdin O. Generaly i polkovniki RKKA v plenu v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. M., 2020 (in Russian).

Индекс УДК 93/94

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-64-78

С.В. КУДРЯШОВ*

Война на уничтожение. Нацистский террор на советских территориях

В статье анализируется политика гитлеровцев в отношении оккупированных советских территорий. Показана её террористическая сущность, которая основывалась на общем принципе — войне на уничтожение. Особое внимание обращается на нацистские айнзатцгруппы, послужившие остриём истребительной политики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацистский террор, оккупация, айнзатцгруппы, коллаборационизм, преступления против человечности

Вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией и её союзниками, привела к многомиллионным жертвам и непомерным человеческим страданиям. Впервые в истории агрессоры заранее планировали уничтожение людей по расовым и политическим принципам. Никогда ранее столь обширные территории не подвергались такой жестокой эксплуатации, опустошению и разрушению. В ходе Великой Отечественной войны народы Советского Союза заплатили за победу очень высокую цену — каждый день войны уносил около 20 тысяч жизней. Не удивительно, что трагические события тех лет буквально «врезались» в память поколений и до сих пор сильно влияют на обще-

ственные настроения и восприятие истории войны.

Холодная война и преступления нацистов

Общая картина преступной политики Третьего рейха была уже достаточно давно воссоздана историками. По сути, содержанию и направленности этой политики среди учёных больших разногласий не возникало, но идеологическая конфронтация периода «Холодной войны» влияла на исторические интерпретации. К примеру, в Западной Германии всегда существовала традиция объяснять военные преступления наличием «плохих» государственных деятелей (А. Гитлер, Г. Гиммлер и пр.) и созданных ими

* **Кудряшов Сергей Валерьевич** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН.

E-mail: kudryashov.iri.ran@yandex.ru

специальных войск (СС)¹. Соответственно, армейские структуры (Вермахт, ВВС, ВМФ) обелялись и выводились из-под критики. Потребовались годы скрупулёзного анализа многочисленных архивов и совокупные исследования учёных из разных стран, чтобы доказать, что никакого «чистого» и «непричастного» к преступлениям вермахта не существовало, что все германские воинские подразделения участвовали в войне на уничтожение.

Тогда несколько праворадикальных немецких авторов скорректировали оправдательную версию. В условиях перестройки в СССР, не утруждая себя излишними деталями, они опубликовали цикл статей и книг, в которых переложили ответственность за содеянные нацистами преступления на Советскую Россию. По их логике, многие действия гитлеровцев являлись ответной (защитной) реакцией на Октябрьскую революцию и террор большевиков. Соответственно, Аушвиц и другие германские лагеря истребления были всего лишь жалким подобием ГУЛАГа². Отсюда делались выводы, что, несмотря на порочные деяния Гитлера и СС, солдаты вермахта в конце войны защищали европейскую цивилизацию от варварских орд Красной армии. Подозрительное сходство таких заявлений с пропагандой Геббельса не могли не вызвать адекватной реакции³. Несмотря на поддержку правой прессы, ветеранов вермахта и СС, подавляющая часть академической общественности ФРГ отвергла эти взгляды. В литературе немецкие споры тех лет называют «борьбой историков», которая при всей остроте получила достаточно вялый отклик в остальной Европе.

В результате ситуация повторилась почти зеркально на рубеже веков во Фран-

ции и в других странах. Небольшая группа авторов при поддержке правых радикалов подготовила к изданию работу под красноречивым названием «Чёрная книга коммунизма». В ней они попытались подсчитать урон, нанесённый человечеству коммунистами и левыми партиями всех мастей. Цифра получилась впечатляющая — около 100 миллионов невинно убиенных⁴. Казалось бы, чего не бывает в драматизме борьбы левых и правых. Однако «Чёрная книга коммунизма» — не просто пособие по идеологической борьбе, переведённое почти на все европейские языки. Ей придан наукообразный характер, что не соответствует ни её методологии, ни содержанию. Авторы принципиально не замечают преступлений нацизма. Более того, на фоне глобальных жертв коммунизма фашизм преподносится как меньшее зло, а все коллаборационисты (Власов и др.) — как герои. Не случайно книга вызвала резкий протест специалистов по германской истории и Второй мировой войне. Однако сама тенденция преуменьшать масштабы зверств нацистов и их пособников, одновременно перекладывая вину на их жертвы, постоянно присутствует в современной литературе.

Иными словами, исчезновение СССР с политической карты мира не снизило накал страстей. Наоборот, консервативные силы в странах Запада, Восточной Европы и Прибалтике, демонстрируя свой разрыв с Россией, стали героизировать пособников нацистов как «борцов за свободу». Вот почему современным историкам так важно показывать и доказывать, что никаких свободлюбивых идей нацизм не нёс и те, кто встал под его знамёна, на деле помогали поработать и эксплуатировать

¹ СС (SS, Schutzstaffel) — дословно «охранные части». Первоначально представляли собой отряды, сформированные нацистской партией. С приходом Гитлера к власти превратились в элитные подразделения, своеобразную гвардию фюрера и национал-социализма. В июне 1941 г. численность войск СС составляла 165 тысяч, а в конце войны, в апреле 1945 г., их численность приближалась к 800 тысячам человек.

² Один из самых известных авторов в этом ряду — немецкий философ Эрнст Нольте. См.: Nolte E. Das Vergehen der Vergangenheit: Antwort an meine Kritiker im sogenannten Historikerstreit. Berlin, 1987.

³ Критику подобных взглядов см.: [1, Р. 73–88].

⁴ Le livre noir du communisme. Paris, 1997; Чёрная книга коммунизма. М., 2000.

свою страну. Они убивали за идеи фюрера, ему же и присягали. Никакого отношения к национально-освободительной борьбе это не имеет.

Понимали ли сами главари фашистов, какое зло они несли народам мира? Да, безусловно. Судя по их личным дневникам, они делали всё осознанно. По выражению Й. Геббельса, «на нашей совести столько всего, что отступить некуда». «Когда мы победим, то никто не будет нас спрашивать о методах». «Итак, за дело!» — писал он накануне нападения на Советский Союз, которое вылилось, по мнению историков, в мощный импульс к эскалации насилия. На многочисленных послевоенных процессах некоторые германские военные раскались, но большинство солдат, офицеров и государственных чиновников следовали одной логике самооправдания: даже если они и совершали противоправные действия, то они вынуждены были исполнять приказы вышестоящего начальства. Послевоенные процессы, включая Нюрнбергский трибунал, убедительно доказали, что это не может служить оправданием — исполнители преступных приказов также несут ответственность [9].

Планирование убийств

Принципиально важно учитывать, что истребление миллионов советских людей в Берлине планировали заранее. Это являлось неотъемлемой частью всех военных приготовлений. Одни (коммунисты, комиссары, представители советской интеллигенции, евреи, цыгане) подлежали быстрому уничтожению, других (славяне) предполагалось истреблять постепенно путём искусственного голода и истощающей эксплуатации.

Целенаправленная идеологическая обработка солдат и офицеров принесла свои реальные плоды. Бывший посол Германии

в Италии Ульрих фон Хассель писал в летние дни 1941 г.: «Война на Востоке ужасна, всеобщее одичание». Остриём нацистского террора выступали специально созданные четыре оперативных группы (А, В, С и D), сформированные гитлеровским Управлением безопасности¹ (РСХА), и которым в приказном или добровольном порядке помогали все воинские подразделения. В немецких документах полностью они именовались как «айнзатцгруппы полиции безопасности и службы безопасности (СД)» и кодировались как EG. Каждая из них подразделялась на штаб (до пяти отделов), на айнзатцкоманды (Ek) и зондеркоманды (Sonderkommando, Sk).

Предполагалось, что зондеркоманды будут оперировать в прифронтовых районах, а айнзатцкоманды — в тыловых. На практике территориальное разграничение функций быстро стёрлось и команды действовали в зависимости от приказов и обстановки. В новые опергруппы отбирали наиболее мотивированных кандидатов. Около 35–40% поставили войска СС, остальных направляли криминальная полиция, гестапо и СД. Несколько сотен дали офицерские школы полиции. Практически весь персонал находился в расцвете сил — от 22 до 35 лет. Важно отметить, что все шефы оперативных групп и начальники команд были людьми высокообразованными, многие с университетскими дипломами, а несколько человек имели докторскую степень. Кроме опытных полицейских чинов в их рядах находились адвокаты, юристы, люди искусства, врач и даже бывший пастор. Около 10–12% персонала каждой EG составляли выходцы из местного населения (разного рода националисты, бывшие белогвардейцы и пр.) [2, Bd. 2. S. 300–303].

Самой многочисленной по составу была айнзатцгруппа А (EG A), насчитывавшая

¹ RSNA — сокращение от «Reichssicherheitshauptamt». Управление было образовано 27 сентября 1939 г. и объединило под одной крышей три основных учреждения: тайную государственную полицию (гестапо), криминальную полицию и СД. Последнее (SD, Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS) являлось службой безопасности СС и нацистской партии.

990 человек. Возглавлял её сначала бригадефюрер СС Франц Шталекер, а позднее — бывший шеф 6-го отдела РСХА (внешняя разведка) Хайнц Йост.

Franz Walter Stahlecker (1900–1942). Имел также ранг генерала-майора полиции. Был смертельно ранен при столкновении с партизанами 23 марта 1942 г.

Heinz Jost (1904–1964), его пост в 6-м отделе РСХА занял небезызвестный Вальтер Шелленберг. Сам Йост в январе 1945 г. вышел на пенсию по болезни. В 1948 г. был приговорён к пожизненному заключению, которое вскоре «сократили» до десяти лет. Однако уже в 1951 г. Йост вышел на свободу и продолжал работать в качестве юриста. Умер своей смертью.

Группа состояла из зондеркоманд (Sk Ia, Sk Ib) и двух айнзатцкоманд (Ek 2, Ek 3), которые охватывали территории Литвы, Латвии, Эстонии и районы Ленинградской области. Опергруппе В (655 человек) предписывалось действовать главным образом на территории Белоруссии. Она разбивалась на две зондеркоманды (Sk 7a, Sk 7b), две айнзатцкоманды (Ek 8, Ek 9) и одну выдвижную команду (Vorkommando), которая называлась «Москва». Последней вначале придавалось большое значение, так как она должна была вступить в столицу СССР. Её начальником назначили шефа идеологического отдела РСХА профессора Франца Зикса. Однако после провала блицкрига и успешного декабрьского контрнаступления Красной армии команду расформировали.

Franz Alfred Six (1909–1975), д-р, профессор Кёнигсбергского университета, с 1939 г. декан факультета международных исследований Берлинского университета. Возглавлял VII отдел РСХА, который занимался изучением иных мировоззрений. В 1948 г. приговорён к 20 годам тюремного заключения, но уже 3 ноября 1952 г. вышел на свободу. Умер 9 июля 1975 г.

Опергруппу В возглавил видный член нацистской партии, директор криминальной полиции (5-й отдел РСХА), бригадефю-

рер СС Артур Небе. В конце октября 1941 г. его сменил 35-летний Эрих Науманн.

Arthur Nebe (1894–1945) в России получил нервное расстройство. Был причастен к заговору против фюрера, но после неудачного покушения попытался скрыться. Гестапо обнаружило его только в январе 1945 г. После суда его казнили через повешение.

Erich Naumann (1906–1951) после России возглавил службу безопасности в Нидерландах. В 1951 г. казнён американцами.

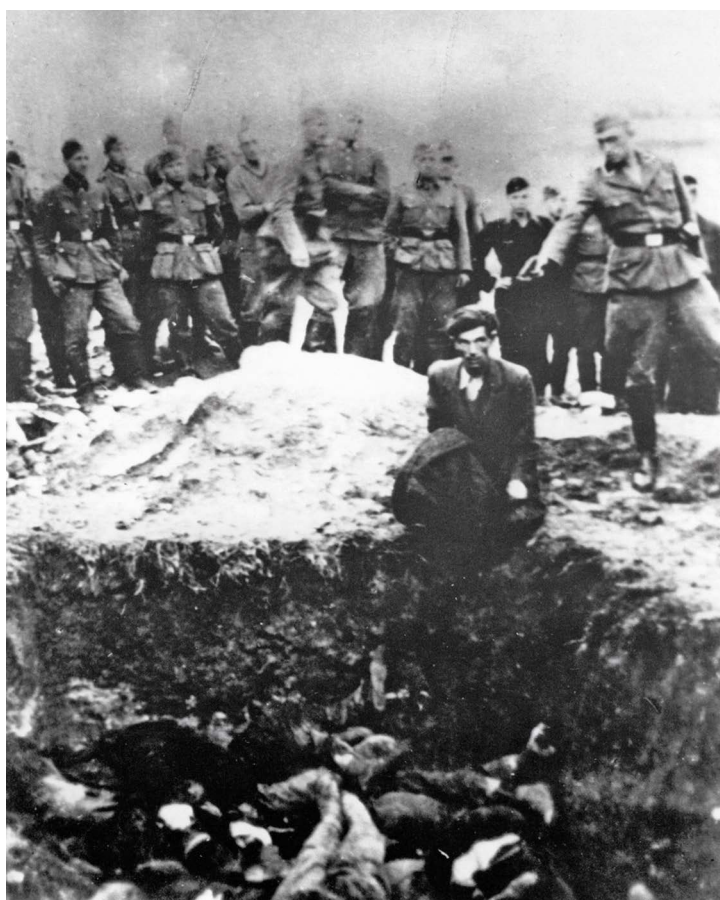
Центральная, Западная и Северная Украина попадали в сферу деятельности опергруппы С под руководством штандартенфюрера СС д-ра Эмиля Раша, которого в начале октября 1941 г. заменил д-р Макс Томас.

Emil Otto Rasch (1891–1948), по образованию юрист. После возвращения в октябре 1941 г. в Берлин из-за разногласий с руководством перешёл на руководящую работу в промышленность. Арестован американцами. Умер в плену в начале 1948 г.

Max Thomas (1891–1945), до войны работал в качестве практикующего врача-психиатра. Во время оккупации Украины возглавлял в Киеве полицию безопасности и СД. Был несколько раз тяжело ранен и в апреле 1944 г. отправлен в запас. После войны скрылся, сменив фамилию, но был обнаружен. Покончил жизнь самоубийством 6 декабря 1945 г.

Группа насчитывала около 800 человек и также подразделялась на зондеркоманды (Sk 4a, Sk 4b) и айнзатцкоманды (Ek 5, Ek 6). В дополнение ей придавалась одна рота 9-го резервного полицейского батальона и чуть позднее — ещё одна рота СС. Наконец, айнзатцгруппа D (около 600 человек) в составе двух зондеркоманд (Sk 10a, Sk 10b) и трёх оперативных команд (Ek 11a, Ek 11b и Ek 12) покрывала территорию Южной Украины, Крыма и Кавказа. Её шеф, 34-летний д-р юриспруденции Отто Олендорф, слыл в рядах СС большим интеллектуалом.

Otto Ohlendorf (1907–1951), СС грунпенфюрер и генерал-лейтенант полиции. Возглавлял также 3-й отдел РСХА, который занимался внутренними германски-

Ил. 1. Расстрел евреев на Украине. 1941 г.

ми вопросами, включая промышленность и культуру. После войны предстал в качестве главного обвиняемого на судебном процессе по айнзатцгруппам. По приговору суда США повешен 8 июня 1951 г.

Террор в действии и его последствия

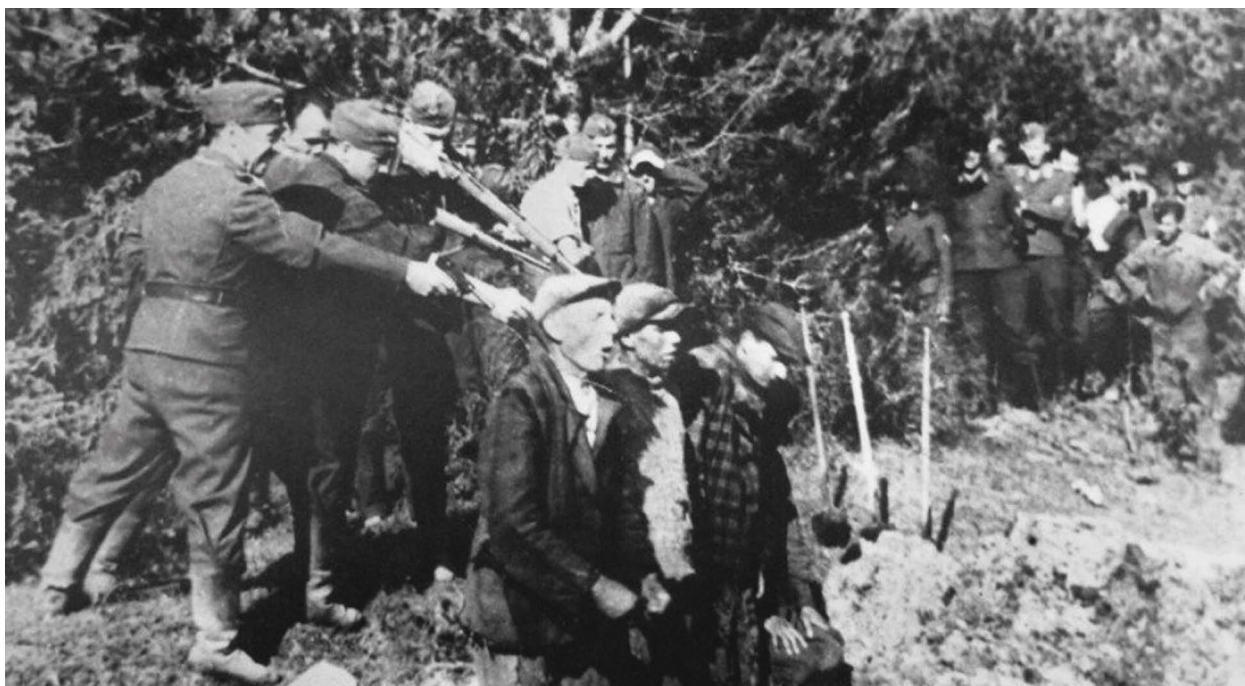
Идеологически мотивированные и хорошо оснащённые айнзатцгруппы полиции безопасности и СД двинулись в конце июня 1941 г. вслед за стремительно наступающими войсками германской армии. Ввиду колоссальной протяжённости пространств и масштабности задач основной упор в работе делался на оперативность и беспощадность. Первые недели и месяцы войны группы находились в постоянном движении. Лишнее время на выяснение обстоятельств дел, степени «виновности» не тратилось. Если задержанные попадали под категорию поли-

тически враждебных элементов или просто вызывали подозрение, то их быстро расстреливали.

Казни проходили по схожему сценарию. Команда входила в город, занимала здания советских учреждений, делала обыски, захватывала архивы, картотеки и ценности. Через переводчиков и местных жителей, а иногда и просто по телефонным книгам разыскивали и арестовывали советских и партийных активистов, известных деятелей культуры, руководящих работников газет и журналов. Часть арестованных поставлял вермахт. В лагерях военнопленных выявляли командный состав, комиссаров и евреев. Пойманных одиночек ликвидировали на месте. Для остальных отыскивали подходящий ров или воронку от бомбы и партиями по 5–10 человек расстреливали на краю рва. Так продолжалось до тех пор, пока трупы не заполняли могилу доверху. Затем военнопленные (которых тоже потом убивали) засыпали их

землёй. Среди казнённых иногда оставались раненные, и тогда ещё долго шевелилась земля от агонии заживо закопанных, медленно умирающих людей. Каратели могли «пожалеть» и дать по земле несколько очередей из автоматов. В редких случаях кое-кто самостоятельно выкапывался или им помогали выбраться местные жители, но спасались только единицы, так как немцы всегда устраивали розыск и погоню.

В летние месяцы 1941 г. айнзатцгруппы не утруждали себя излишней секретностью. Казни легко проводились в присутствии солдат других частей. На публикуемых снимках видно, что любопытствующих зрителей набиралось немало (ил. 1, 2). Однако берлинские власти быстро осознали деморализующий эффект открытых расправ, и с осени 1941 г. массовые расстрелы стали проводиться скрытно в специально охраняемых местах.

Ил. 2. Расстрел на юге страны. Лето 1941 г.

Ил. 3. Расстрел в районе Ивангорода. Украина, лето 1941 г.

Изменился и язык отчётности. В нём появились эвфемизмы. Вместо экзекуций начали писать об «акциях», «специальном обращении», «переселении» и т.д. (ил. 3).

Масштабные казни айнзатцгруппы готовили тщательно и заранее. Принципиально

важная роль отводилась обману, так как до самого последнего момента жертвы не должны были знать, что их ждёт. Один из наиболее чудовищных примеров — Бабий Яр в Киеве, где за два дня Sk 4a (EG C) лишила жизни более 33 тысяч евреев вме-

Ил. 4. Казнь жителей Минска 26 октября 1941 г.

Казнь осуществили литовцы из батальона вспомогательной полицейской службы

сте с детьми. 28 сентября 1941 г. в городе развесили плакаты, согласно которым евреям на следующий день приказывалось явиться на сборный пункт для последующего переселения.

К удивлению оккупационных властей, пришли почти 30 тысяч человек. Под охраной местной украинской и немецкой полиции их колоннами направляли к оврагу Бабий Яр. Непосредственно перед казнью людей раздевали. Одежда не имела права «пропасть зря», к тому же в ней могли оказаться ценности. Затем небольшими группами, под крики полицейцев, гнали обречённых на смерть к краю котлована. Там перед ними представала жуткая картина — забрызганные мозгами и кровью, уложенные рядами трупы людей и стоящие на них, с деловито засученными рукавами, немецкие автоматчики в ожидании новой партии. Далее, по признанию на суде одного из членов айнзатцкоманды, жертвы спускались в котлован. Их заставляли лечь лицом к земле или на трупы уже расстрелян-

ных. В котловане одновременно находились три группы стрелков. Убивали выстрелом в затылок. Многие кричали от страха. После захода солнца расстрел прекращался, солдат отводили на покой и давали алкоголь. Казни в Бабьем Яре продолжались до весны 1943 г. Вместе с евреями там убивали советских военнопленных разных национальностей, цыган и подпольщиков [3, 4].

Айнзатцгруппы сыграли большую роль в организации оккупационного режима. По мере его консолидации они превращались в местные службы полиции безопасности и СД (ил. 4). Фюреры групп и команд, как правило, возглавляли соответствующие отделения СД своих районов. Для усмирения населения и поддержания нового порядка в оккупированных областях Гиммлер учредил специальный институт высших фюреров СС и полиции. Во время войны их насчитывалось только 47 человек [5].

За территории Советского Союза отвечали трое: Северные районы контролировал группенфюрер СС Ганс-Адольф

Ил. 5. Советские партизаны, повешенные под мостом в районе Орши

Прютцман, Центральный регион — обергруппенфюрер СС Эрих Бах-Целевски, Юг — обергруппенфюрер СС Фридрих Йекельн.

Hans-Adolf Prützmann (1901–1945). После взятия в плен англичанами покончил жизнь самоубийством.

Erich von dem Bach-Zelewski (1899–1972). Возглавлял также борьбу с партизанами. В августе–сентябре 1944 г. отвечал за подавление Варшавского восстания. После войны проходил по разным процессам и только в 1965 г. был приговорён к пожизненному заключению.

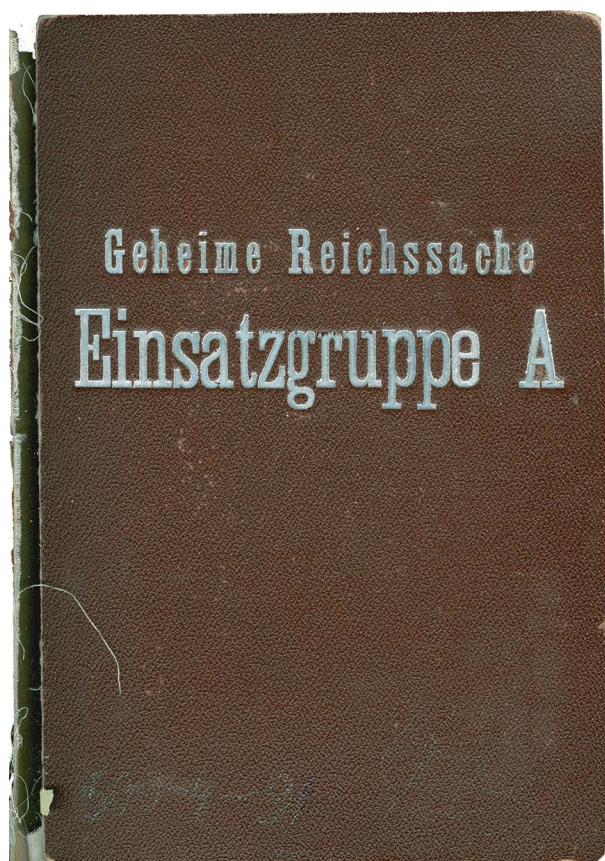
Friedrich Jeckeln (1895–1946). Организовывал многие массовые казни, в том числе и в Бабьем Яре. После войны предстал перед советским судом в Риге и в феврале 1946 г. был казнён через повешение.

Эта тройка работала на протяжении всего периода оккупации. Лишь в октябре 1941 г. Йекельн и Прютцман поменялись

местами. Первый поехал в Ригу, а второй — на Украину. Высшие фюреры СС выступали в качестве главных координаторов и помощников айнзатцгрупп. Все массовые казни проходили при их непосредственном участии. Основным связующим звеном со стороны вермахта выступали тыловые службы и абвер-офицер соответствующей армии. В прифронтовых зонах и областях под военным управлением абвер создавал абверкоманды¹. Они занимались разведкой, контрразведкой и борьбой с партизанами, что, естественно, подразумевало «акции» против населения (ил. 5).

После массовых расстрелов 1941–1942 гг. центр деятельности айнзатцгрупп был перенесён на антипартизанскую борьбу, в которой пригодился опыт прошлых расправ. В силу того, что карательные и превентивные акции против партизан проводились в сельской местности, видо-

¹ Abwehr — дословно «защита, оборона». Разведка и контрразведка вермахта. После покушения на Гитлера и казни адмирала Канариса, возглавлявшего абвер, функции последнего отошли к РСХА.

Ил. 6. Обложка единственного сохранившегося отчёта айнзатцгруппы А

изменился и способ убийств. Неудобное население блокировали в деревнях, загоняли в амбар или церковь и там заживо сжигали вместе с детьми. Также на оккупированных территориях применялись мобильные газовые камеры-душегубки (Gaswagen), специально сконструированные грузовики, в герметический кузов которых поступал угарный газ от работающего двигателя автомобиля. Все айнзатцгруппы получили по несколько машин ещё осенью 1941 г., в каждой из них можно было умерщвлять до 60 человек. Жертвы загонялись в кузов, и машина направлялась к месту заранее приготовленного захоронения, где её уже ожидали могильщики. В пути пускался газ, и к моменту прибытия люди погибали мучительной смертью. Затем кузов тщательно мыли, после чего автомобиль был готов к новой партии. Всего по оккупированной советской территории разъезжало 15 машин. Душегубки применялись

также в Югославии. Подсчитать общее количество убитых не представляется возможным. В литературе приводятся данные от 250 до 700 тысяч человек.

К сожалению, современная документальная база не даёт нам возможности ответить точно на вопрос об общем количестве жертв. Архивы оперативных групп не сохранились, большую часть документов нацисты уничтожили сами. Мы располагаем сообщениями с мест, рассылавшимися в ограниченном количестве высшему руководству, и рядом показаний на послевоенных судебных процессах, которые, разумеется, не всегда точны. В отчёты айнзатцгрупп включалась самая разнообразная информация, в том числе экономического, культурного и даже религиозного характера. Отнюдь не все жертвы подлежали упоминанию, часть людей убивали другие подразделения германской армии. В Российском государственном военном архиве обнаружен единственный сохранившийся отчёт EG А (ил. 6). По приблизительным подсчётам, в течение 1941 г. оперативные группы самостоятельно убили более 700 тысяч евреев и до 300 тысяч граждан других национальностей [8, S. 2–78].

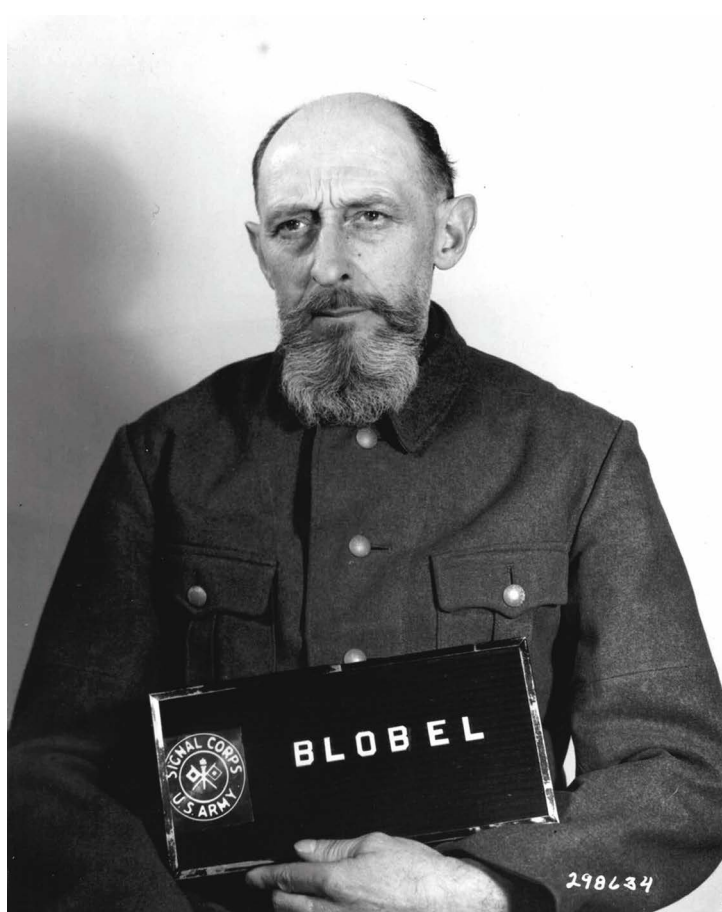
Необходимо учитывать, что нацисты сделали всё возможное, чтобы скрыть следы своих преступлений. Первым делом запретили фотографировать любые казни и разговаривать о них в армии. Солдаты и офицеры, сделавшие «на память» какие-то снимки, были обязаны сдать их под расписку. Изъятые фотографии отсылались в РСХА. Судя по всему, отдельные расстрелы СД снимало на плёнку, но в какое-то время уничтожило все материалы. По этой причине в архивах сохранилось очень мало фотографий, запечатлевших массовые казни на Восточном фронте. Затем в Берлине приказали провести тайную операцию под кодовым наименованием «акция 1005». Был выбран случайный делопроизводственный номер с целью дезориентировать непосвящённых. Руководил «акцией 1005» бывший

начальник зондеркоманды 4а штандартенфюрер СС Пауль Блобель (ил. 7).

Paul Blobel (1894–1951). Именно под его руководством были осуществлены самые крупные расстрелы в Бабьем Яру и в Харькове. После войны Блобель предстал перед судом и 8 июня 1951 г. был казнён американцами.

Её суть сводилась к тому, что зондеркоманды вскрывали массовые захоронения и уничтожали трупы жертв на кострах. Кости перемалывались в специальной машине до полного измельчения, а пепел, перед тем как его развеять, просеивали, чтобы выявить золотые зубы, обручальные кольца и прочие ценности. Говорили, что пепел от тысячи сожжённых тел заполнял пять вёдер. По советским данным, только во Львове и Восточной Галиции немцы извлекли из останков людей 110 кг золота [6, с. 271–274].

Важное обстоятельство — многие кровавые решения нацистское руководство принимало устно. К примеру, до сих пор не обнаружено ни одного документа или приказа за подписью Гитлера, требующего убивать евреев. Это породило массу конспиралогических толкований. Отдельные, слабо подготовленные авторы, в основном дилетанты или самопровозглашённые историки радикальной ориентации, пытаются обелить образ фюрера, а вместе с ним и нацистов. Используя возможности Интернета, они распространяют «сенсации» о малочисленности жертв, о неэффективности газовых камер, что Гитлер будто бы мог ничего не знать об убийстве евреев, что он якобы «спас» некоторых из них. Ответственность за злодеяния эти авторы перекладывают на окружение фашистского вождя. Результаты подобных «находок» для некоторых из «писателей» вылились в череду судебных процессов и реальные тюремные сроки.

Ил. 7. Пауль Блобель в американском плену

Тем не менее такого рода взгляды продолжают циркулировать в Интернете и околонулевой литературе. Но поиск истины продолжается. Восстановлением и изучением картины нацистского террора занимались и занимаются специалисты разных профессий. К настоящему времени, несмотря на отсутствие каких-то материалов и тщательные усилия нацистов по сокрытию следов преступлений, все доказательства сходятся в одном — в лице гитлеровской Германии человечество столкнулось с целенаправленно созданной преступной государственной машиной. Все структуры нацистской власти были ориентированы на уничтожение оппонентов по расовым или политическим мотивам. Высшее руководство рейха использовало войну для радикализации процесса и масштабного расширения сложившихся преступных практик. Германское военное командование приняло гитлеровские идеи,

Ил. 8. Украинцы из тренировочного лагеря Травники убивают польских жителей во время восстания в Варшаве. Сентябрь 1944 г.

что привело к массовым преступлениям на фронте и в тылу (ил. 8).

К примеру, солдаты и офицеры вермахта с первых дней войны должны были выявлять политкомиссаров, которые согласно приказу Гитлера от 30 марта 1941 г. подлежали безусловному истреблению. После войны генералы вермахта почти единодушно отрицали его применение. Однако изыскания современных историков доказывают обратное — распоряжение доводилось до войск и исполнялось.

Одиозность приказа была очевидна самим немцам. Не случайно ещё летом 1941 г. начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель позаботился об уничтожении всех его копий. Формально приказ о комиссарах был отменён только летом 1942 г. С того времени политруков, не проявлявших готовности к сотрудничеству, убивали в концлагере Маутхаузен. Большинство же советских военнопленных немцы убили путём искусственного голода. С первых же дней боевых действий немецкое командование относилось к ним как к расовому «балласту». Поскольку война предполагалась быстрая,

большое количество пленных «мешало» колонизаторским планам. Избыток «ртов» устраняли пулями и голодом.

К концу войны по приблизительным оценкам погибло около 3,3 миллионов советских пленных (60% от общего количества). Отношение к военнопленным из армий союзников было совсем иным. Из 232 000 умерли в плену 8348 человек (3,59%). Очень много заключённых лагерей погибли на последнем этапе войны. Скрывая следы своих злодеяний и опасаясь оставлять свидетелей для Красной армии, немцы заставляли ослабленных узников пешими колоннами маршировать на Запад. В эти «марши смерти» в последние месяцы войны было отправлено около 250–300 тысяч человек. Всех, кто не мог идти, охрана убивала.

По мере продолжения войны планы и деяния нацистов становились всё радикальнее. Большую озабоченность в Берлине вызывала численность славянских народов. Эксперты из ведомства Гимmlера разработали специальный план — генеральный план «Ост», по которому предполагалось насильственно переселить десятки миллионов человек, со-

Ил. 9. Советские дети в пересыльном лагере

кратить количество славян, а на «освобожденных» землях обустроить колонии германских поселенцев. Полный текст плана до сих пор не обнаружен, но сохранились документы, в которых обсуждаются его различные детали. Первые скромные шаги были сделаны уже в ходе войны — немецкие поселения на Украине (с октября 1942 г. «Хегевальд») и в Крыму («Готенланд»). Лишь победное наступление Красной армии не позволило фашистам воплотить задуманное.

Другая бесчеловечная черта ведения войны — взятие заложников — рутинно практиковалась вермахтом с первых же дней кампании. В германских приказах упоминаются соотношения 1 : 10 или 1 : 20 и даже 1 : 100. То есть за каждого раненого или убитого немецкого военнослужащего подлежали расстрелу 10, 20 и более гражданских лиц. Вермахт несёт ответственность и за целенаправленное опустошение оставляемых территорий, что было оформлено особым распоряжением фюрера. 24 апреля 1943 г. в здании Харьковского университета Гиммлер выступил с речью перед командирами дивизий СС «Мёртвая голова»,

«Рейх» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Там он поставил вопрос, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы — живыми или мёртвыми? И дал на него ответ: «Либо они должны быть угнаны в Германию и стать её рабочей силой, либо погибнуть в бою. А оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, по большому счёту, абсолютно неправильно. Такое нельзя допустить. И если в войне будет последовательно проводиться эта линия на уничтожение людей, в чём я убеждён, тогда русские уже в течение этого года и следующей зимы потеряют свою силу и истекут кровью» [10, С. 103]. Таким образом, отступая, германские войска и их союзники вывозили всё, что можно было вывезти, а остальное уничтожали, включая местное население, если оно сопротивлялось насильственной эвакуации (ил. 9).

Весьма болезненная и плохо изученная в современной историографии проблема — это сексуальная эксплуатация немецкими солдатами советских женщин и детей. При каждой немецкой дивизии существовали бордели. Отдельно для солдат и отдельно

для офицеров. Подавляющее число девушек и женщин туда загоняли насильно. Заболевших сексуальных «рабынь» никто не лечил. Их расстреливали как «выработавших свой ресурс».

Принципиальное значение германские власти придавали созданию полиции из коренного населения, которая должна была помогать поддерживать режим террора. К примеру, в Литве немцы создали 20 полицейских батальонов численностью до 8400 чел., в Латвии в полиции работало около 30 тысяч, а на Украине на рубеже 1941–1942 гг. в полиции служило около 20 тысяч. И это только данные по немецким полицейским учреждениям [7, Bd. I. S. 856, 868, 1151]. Необходимо также учитывать местную полицию при бургомистрах, сельскую вооружённую и невооружённую полицию, так называемые отряды самообороны. Все эти люди, кто по принуждению, кто добровольно, а часть просто за деньги, паёк и водку, являлись важным опорным элементом оккупационного режима и по мере надобности использовались нацистским террористическим аппаратом (ил. 8). Существовали и этнически однородные карательные части, осуществлявшие казни. Для примера назовём латышскую команду Виктора Арайса (Arājs) и бригаду Бронислава Каминского, состоявшую в основном из русских.

Только в 1979 г. Арайс был приговорён к пожизненному заключению и умер в 1988 г. Его команда (400 чел.) убила тысячи людей в Латвии, Белоруссии, Украине и собственно России. Бригада Каминского, насчитывавшая в разное время от 3 до 15 тысяч человек, оперировала в Смоленской и Брянской областях. Регулярно использовалась немцами в карательных целях. Персонал бригады постепенно разложился. Применяв её в подавлении Варшавского восстания, немцы бригаду распустили. Большинство солдат отправили к Власову для формирования его «армии». Каминского убили сами немцы.

Таким образом, современные исследования подтверждают известный вывод.

Нацистский «новый порядок» основывался на расово-политических убеждениях и отличался крайней жестокостью и беспощадностью по отношению к местному населению. Это была сознательная, заранее спланированная политика уничтожения. Если где-нибудь во Франции, Нидерландах или Дании гражданское население могло рассчитывать на некую правовую оболочку, позволявшую защищать их интересы (там даже организовывались забастовки), то на завоёванных советских территориях люди были лишены каких-либо прав. Их судьба целиком зависела от прихоти оккупантов. Немецкая гражданская и военная администрации использовали всё трудоспособное население для своих целей, но не проявляли желания гарантировать ему хотя бы прожиточный минимум. Историки называют деятельность рейха на Востоке политикой «спланированного убийства». Мизерное право на жизнь «неполноценным» славянским народам надо было ещё заслужить послушанием и прилежным трудом на господ-арийцев. Элементарная возможность выжить предоставлялась лишь тем группам населения, которые были полезны для ведения войны. Остальные обречались на смерть — быструю или медленную (ил. 9). Таким образом, философия «недочеловеков» избавляла немецких чиновников от всяких раздумий по поводу гуманитарных аспектов в отношении «восточных людей» [9].

«Область без продовольствия» или «территория, где всё съедено». Это терминология немецких документов, описывающих условия жизни в тыловых районах германских армий на советско-германском фронте, многие из которых превратились в «зоны смерти». Это подразумевало санкционированный и вездесущий произвол оккупационных властей — от постоянно растущих трудовых повинностей и мобилизаций до готовности отнять последнее «на нужды победоносной германской армии». Сколько людей погибло от голода на оккупированных советских territori-

ях, установить невозможно. Для нацистов это был «естественный процесс», и они подобной статистикой пренебрегали. Советские власти перепись населения сразу после войны не проводили. Однако есть косвенные данные, позволяющие оценить масштабы трагедии. На захваченных немцами и их союзниками территориях СССР проживало приблизительно 55–60 млн человек. В 1944–1945 гг. органы милиции зарегистрировали и выдали паспорта

37 млн граждан, проживавшим в освобождённых регионах. Таким образом, убыль населения составила около 20 млн человек. Конечно, не все они погибли. Многие были угнаны на работу в Германию, другие мобилизованы в советскую армию, а кто-то бежал вместе с немцами. Однако эта цифра даёт представление о масштабах человеческих страданий не продолжительного периода нацистского господства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartov O. Murder in our midst. New York, Oxford: Oxford University Press, 1996.
2. Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Frankfurt / M.: Fischer Taschenbuch Verlag. Bd. 1–2. 1990.
3. Эренбург И., Гроссман В. Чёрная книга. Вильнюс: Изд-во Йад, 1993.
4. Левитас Ф., Симоновский М. Бабий Яр. Страницы трагедии. Киев: Еврейский Совет Украины, 1991.
5. Birn R. Die Höheren SS und Polizeiführer. Düsseldorf: Droste Verlag, 1986.
6. Йонес Э. Евреи Львова в годы Второй мировой войны и катастрофы европейского еврейства. М.: Центр Холокоста, 1999.
7. Enzyklopädie des Holocaust. München, Zürich: Piper, 1998.
8. Klein P. (Hrsg.) Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Berlin: Edition Hentrich, 1997.
9. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. М.: Юридическая литература, 1987–1999.
10. Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: Каталог выставки. Берлин: Stiftung Topographie des Terrors, 1994.

War of Extermination. Nazi Terror in Soviet Territories

Sergey Valeryevich Kudryashov — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kudryashov.iri.ran@yandex.ru

The paper studies Hitler's policy towards the occupied Soviet territories. It demonstrates the terrorist nature of the policy, which was based on the general principle of war of extermination. The author particularly focusses on the Nazi Einsatzgruppen (also known as the Nazi deployment groups), serving as the cutting edge of the extermination policy.

Keywords: the Great Patriotic War, Nazi terror, occupation, Einsatzgruppen, collaborationism, crimes against humanity

REFERENCES

1. Bartov O. Murder in our midst. New York, Oxford: Oxford University Press, 1996.
2. Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Frankfurt / M.: Fischer Taschenbuch Verlag. Bd. 1–2. 1990.
3. Erenburg I., Grossman V. Chyornaya kniga. Vil'nyus: Izd-vo Iad, 1993 (in Russian).
4. Levitas F., Simonovskii M. Babii Yar. Stranitsy tragedii. Kiev: Evreiskii Sovet Ukrainy, 1991 (in Russian).
5. Birn R. Die Höheren SS und Polizeiführer. Düsseldorf: Droste Verlag, 1986.
6. Iones E. Evrei L'vova v gody Vtoroi mirovoi voyny i katastrofy evropeiskogo evreistva. M.: Tsentr Kholokosta, 1999 (in Russian).
7. Enzyklopädie des Holocaust. München, Zürich: Piper, 1998.
8. Klein P. (Hrsg.) Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Berlin: Edition Hentrich, 1997.
9. Nyurnbergskii protsess: Sbornik materialov: V 8 t. M.: Yuridicheskaya literatura, 1987–1999 (in Russian).
10. Voina Germanii protiv Sovetskogo Soyuza, 1941–1945: Katalog vystavki. Berlin: Stiftung Topographie des Terrors, 1994 (in Russian).

Индекс УДК 341.64(47+57)

Код ГРНТИ 03.09.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-79-96

С.М. СОЛОВЬЁВ*

Отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции в ходе подготовки и проведения Нюрнбергского процесса

Статья посвящена анализу отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции во время подготовки и проведения Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками. Рассматриваются противоречия между союзниками в ходе обсуждения юридических и организационных основ трибунала, а также столкновения в ходе самого процесса. Указываются «болевые точки», упоминать которые союзники договорились перед и во время суда. Отмечается роль СССР в подготовке и проведении процесса.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, историография Нюрнбергского процесса, союзники, антигитлеровская коалиция, нацистские военные преступники

Изучение материалов и истории Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге (ил. 1) началось практически сразу после его завершения.

Историография

Уже в 1947–1949 гг. была осуществлена публикация стенограмм процесса на всех четырёх его официальных языках в 42 томах («Голубая серия», «Blue Series»): 22 тома стенограмм и 20 томов представленных суду доказательств. Краткая версия позиции обвинения была издана в то же время в англоязычном десяти-томнике «Нацистский заговор и агрессия» («Nazi conspiracy and aggression»),

изданном в 1946–1948 гг. («Красная серия», «Red Series»).

Первыми исследователями процесса стали его участники: в СССР это были А.Н. Трайнин [1], А.И. Полторак [2], М.Ю. Рогинский [3] и др. Среди западных источников, прежде всего, надо отметить воспоминания заместителя американского главного обвинителя Т. Тейлора [4] (ил. 2), а также его книгу «Нюрнберг и Вьетнам: Американская трагедия» [5].

Вплоть до начала 2000-х гг. историография Нюрнбергских процессов развивалась на Западе в виде научно-популярных публикаций, отражавших прежде всего американский взгляд на процесс, а также

* **Соловьёв Сергей Михайлович** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны ИРИ РАН, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.
E-mail: solosm@mail.ru

Ил. 1. Зал заседаний Международного военного трибунала во Дворце правосудия в Нюрнберге

Ил. 2. Заместитель главного обвинителя от США Т. Тейлор в Нюрнберге
(РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 125. Д. 417. Л. 5)

исследований, изучавших влияние Нюрнбергского трибунала на изучение Холокоста. С начала XXI в. на новом этапе изучения темы стали рассматриваться проблемы доказательности процесса, а также влияния советской юстиции на его подготовку и проведение (исследование Ф. Хирш) [6].

Особенность историографии Нюрнбергского процесса – это её междисциплинарный характер. Исследованием процесса занимались и занимаются как историки (например, Н.С. Лебедева, А. и Дж. Туса, Ф. Хирш, А. Кошави), так и историки права и юристы (упомянутые М.Ю. Рогинский, Дж. Тейлор, а также, например, К. Дж. Хеллер [7]), начиная с самих участников процесса.

Советская историография Нюрнбергского процесса носила цензурированный характер – в связи как с соответствующими идеологическими установками, так

и с отсутствием в СССР полной публикации материалов Нюрнбергского процесса и засекреченностью значительной части материалов по его организации. В СССР было осуществлено несколько изданий материалов процесса [8–11], но во всех из них были тщательно удалены все спорные моменты, которые могли быть истолкованы не в пользу СССР; с 1957 г. в опубликованных стенограммах удалялись имена В.М. Молотова и И.В. Сталина (в том числе в последнем, восьмитомном издании, которое было завершено уже после распада СССР). До 1991 г. в изданиях практически отсутствовали защитительные речи адвокатов на процессе, а особенно – упоминавшиеся в них секретные протоколы к пакту Молотова-Риббентропа, существование которых советская сторона отрицала до 1989 г.

Официальные архивы Международного военного трибунала в Нюрнберге («Архи-

Ил. 3. Главный обвинитель от США Р. Джексон
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 416. Л. 3)

вы Нюрнбергского процесса») были переданы Международному суду ООН в Гааге в 1950 г. Международный суд и его Секретариат являются хранителями всего архива, который включает оригиналы печатных документов, доступных в цифровом виде, аудиозаписи судебных разбирательств и фильмы с доказательствами.

В 2020 г. Гарвардский университет в США запустил проект, обеспечивающий свободный доступ к тысячам документам Нюрнбергских процессов — главного и 12 последующих [12]. В 2021 г. Стэнфордский университет выложил более 50 терабайтов документов Нюрнбергского трибунала [13].

Историография Нюрнбергского процесса продолжает развиваться, поскольку

в свободном доступе появляются всё новые источники как на Западе, так и в России [14], где, помимо прочего, осуществляется любительский проект полного перевода стенограмм процесса на русский язык [15].

Позиция обвинения

Для координации действий советской делегации в Нюрнберге и для контроля над её действиями решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в МВТ в Нюрнберге под руководством А.Я. Вышинского. В Комиссию вошли руководитель СМЕРШа В.С. Абакумов, заместитель наркома госбезопасности Б.З. Кобулов, заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов, председатель Верховного Суда СССР И.Т. Голяков, прокурор СССР К.П. Горшенин, участвовавший в выработке Устава МВТ А.Н. Трайнин, члены ЧГК Д. Кудрявцев и П. Богоявленский¹.

После начала процесса эта комиссия была распущена, а вместо неё создана Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по подготовке проведения Нюрнбергского процесса практически в том же составе, но без А.Я. Вышинского и представителей ЧГК. 21 ноября 1945 г. была создана ещё одна комиссия под руководством А.Я. Вышинского — Комиссия по подготовке обвинительных материалов и руководству работой советской части МВТ над главными военными преступниками, которая должна была руководить и помогать советскому обвинению непосредственно в Нюрнберге. В её состав вошли К.П. Горшенин (заместитель), профессора-юристы А.Н. Трайнин и Б.С. Маньковский, член-корреспондент АН СССР М.С. Строгович (также юрист) и член ЧГК Л.Ф. Кузьмин. Комиссия должна была находиться в Нюрнберге, только Вышинский мог появляться там время от времени².

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1053. Л. 52. П. 238, 240.

² Там же. Оп. 166. Д. 756. Л. 145. («Особая папка»).

Ил. 4. Судьи Международного военного трибунала и камера для киносъёмки процесса
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 416. Л. 11)

Американская делегация на суде также действовала в тесном контакте с Управлением стратегических служб (*Office of Strategic Services, OSS*), Р. Джексон (ил. 3) регулярно отчитывался перед Трумэнном, но такой централизации и контроля, как в советской делегации, ни в одной другой не было [6, с. 129].

В процессе подготовки обвинительного заключения инициативу захватили американцы во главе с Р. Джексоном. Несмотря на это, советское руководство настояло на включении в обвинительное заключение такого спорного для остальных союзников вопроса, как Катынский расстрел польских военнопленных. Также Р.А. Руденко и советская комиссия во главе с А.Я. Вышинским столкнулись с тремя проблемными формулировками в согласованном остальными союзниками тексте обвинительного заключения. Советское ру-

ководство не устраивала очень обтекаемая формулировка относительно Мюнхенского соглашения, недостаточно корректное для СССР описание заключения пакта о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. (И.В. Сталин и Политбюро настояли на переносе акцента на нарушение немцами этого пакта) [6, с. 163–166].

Серьёзной проблемой для всех союзников, участвовавших в МВТ, стала проблема перевода. У МВТ было четыре официальных языка: немецкий, английский, русский и французский. Все делегации до приезда в Нюрнберг серьёзно недооценили количество собранных документальных доказательств нацистских преступлений, которые нужно было перевести с немецкого на три остальных официальных языка процесса. Кроме того, требовались синхронные переводчики для обеспечения перевода непосредственно в зале суда, а также для пе-

Ил. 5. Советский судья Международного военного трибунала И.Т. Никитченко
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 417. Л. 4 об.)

ревода показаний свидетелей и экспертов. В итоге переводчиков все стороны набирали в спешке; так, для советской делегации стало сюрпризом, что каждой стороне придётся самой обеспечивать перевод на свой язык, ей казалось, что перевод будут обеспечивать американцы, так как Нюрнберг относился к их зоне оккупации [16].

Несмотря на спешку и первоначальные ошибки с организацией переводческого процесса, эта проблема была разрешена [17]. МВТ стал первым в мировой истории событием, на котором обеспечивался синхронный перевод, к тому же на четыре языка сразу. Конечно, ошибки в переводе случались, но их было куда меньше, чем могло бы быть. Все судебные заседания стенографировались, велась звукозапись, периодически шла кинозапись особенно важных выступлений, но из-за громоздкости аппаратуры представители союзников

разделили между собой время для проведения киносъёмок (ил. 4).

18 октября в зале бывшего Народного дворца юстиции в Берлине собрался МВТ под председательством И.Т. Никитченко (ил. 5), и обвинители торжественно вручили Трибуналу свои экземпляры обвинительного заключения. На следующий день обвинительное заключение было вручено подсудимым. Но руководство советской делегации осознало, что по истечении четырёх недель, с учётом огромного количества материалов, которые ещё следовало доперевести и дособрать, советская сторона не будет готова к согласованной дате открытия процесса — 20 ноября 1945 г. После споров с союзниками было решено, что советское обвинение представит свои доказательства в последнюю очередь — в феврале 1946 г.

Нюрнбергский процесс открылся 20 ноября 1945 г. (ил. 6) и шёл до 1 октября 1946 г.

Ил. 6. Скамья подсудимых Нюрнбергского процесса. Слева направо в первом ряду: Г. Геринг, Р. Гесс, И. Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрайхер, В. Функ, Я. Шахт. Во втором ряду: К. Дениц, Э. Редер, Б. фон Ширах, ►

В первый день после приветственного слова Дж. Лоуренса (ил. 7), выбранного председателем Трибунала, было зачитано обвинительное заключение по его четырём разделам: заговор, преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. На второй день все обвиняемые объявили себя невиновными.

Обвинители заранее распределили между собой пункты обвинения. Американскому обвинению предстояло выступить с обвинением относительно нацистского заговора и преступлений против мира, британскому – также относительно преступлений против мира, французское и советское обвинение должны были представлять доказательства о военных преступлениях и преступлениях против человечности, причём за французами была «закреплена» Западная Европа, а за советскими обвинителями – Восточная Европа и СССР [6, с. 180–181].

Порядок работы Трибунала был определён таким образом: сначала выступали обвинители, представляя дело и заслушивая показания свидетелей; затем проводились допросы обвиняемых обвинителями и защитой, затем свидетелей представляла защита, наконец, затем следовали финальные выступления защиты, обвинения и последние слова подсудимых. После этого суд удалился на совещание, чтобы вынести приговор. Когда процесс начинался, пожалуй, никто из судей и обвинителей не ожидал, что он продлится больше 10 месяцев.

Первым из числа обвинителей с речью выступал Р. Джексон, который сразу же отнёс главную претензию и обвиняемых, и адвокатов в том, что суд представляет собой расправу победителей над побеждёнными; он утверждал, что суд будет основываться на строгих нормах права и опираться на доказательства:

Ф. Заукель, А. Йодль, Ф. фон Папен, А. Зейсс-Ингварт, А. Шпеер, К. фон Нойрат, Г. Фриче
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 415. Л. 1)

«Тот факт, что четыре Великие Державы, упоённые победой и страдающие от нанесённого им ущерба, удержали руку возмездия и добровольно предали своих пленных врагов законному суду, является одним из самых выдающихся примеров той дани, которую власть платит разуму. Этот Трибунал, хотя он и представляет собой нововведение и эксперимент, не является результатом абстрактных рассуждений и не был создан для того, чтобы оправдать правовые теории. Это судебное разбирательство отражает практическое стремление четырёх Великих Держав, поддержанных 17 другими странами, использовать международное право для того, чтобы противодействовать величайшей угрозе нашего времени — агрессивной войне. Здравый смысл человечества требует, чтобы закон не ограничивался наказанием мелких людей за совершённые ими незначительные преступления. Закон также должен настичь людей, которые при-

обретают огромную власть и используют её преднамеренно и совместно для того, чтобы привести в действие зло, которое не щадит ни один домашний очаг в мире. Вот каких масштабов дело представляют Объединённые Нации на рассмотрение вам, господа судьи» [11, с. 390].

В процессе представления доказательств, расширительно трактуя понятие заговора и преступлений против мира, американское обвинение привело немало фактов, связанных с подготовкой нападения нацистов на СССР, с преступлениями нацистов против населения нашей страны, в частности, о деятельности айнзацгрупп. Советские представители, с одной стороны, были признательны американцам за сочувственное изложение этих фактов, с другой — волновались относительно содержания собственных выступлений.

8 февраля 1946 г. со вступительной речью, утверждённой в ЦК, выступил главный

Ил. 7. Председатель Международного военного трибунала британский судья Дж. Лоуренс
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 417. Л. 10)

обвинитель от СССР Р.А. Руденко¹ (ил. 8). Он отдельно остановился на правомочности трибунала судить нацистских преступников, так как к тому моменту уже стала понятна стратегия защиты в целом и отдельных обвиняемых, прежде всего Г. Геринга, обвинить МВТ в том, что он судит обвиняемых по законам, которым придана обратная сила. Руденко отверг эти инсинуации, сославшись на предшествующие международные соглашения.

27 августа 1928 г. в Париже был заключён пакт Бриана—Келлога. «Убеждённые, — провозглашает пакт, — что наступил момент приступить к откровенному отказу от войны как орудия национальной политики... уверенные, что всякие изменения в их взаимных отношениях должны изыскиваться в мирных средствах... Высо-

кие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики».

В 1929 г., через год после заключения Парижского пакта, на Бухарестском конгрессе Международной ассоциации уголовного права была принята резолюция, прямо поставившая вопрос об уголовной ответственности за агрессию. «Учитывая, что война поставлена вне закона Парижским пактом 1928 года, признавая необходимым обеспечить интернациональный порядок и гармонию путём применения эффективных санкций, конгресс признал необходимым “организацию интернациональной уголов-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 410.

Ил. 8. Выступает главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 416. Л. 2)

ной юрисдикции” и установление уголовной ответственности государств и физических лиц за агрессию. Таким образом, давно провозглашён принцип уголовной ответственности за преступную агрессию, — принцип, который нашёл чёткое правовое воплощение в п. “а” статьи 6 Устава Международного Военного Трибунала.

Следовательно, фашистские агрессоры, подсудимые, знали, что, совершая хищнические нападения на другие государства, они совершают тяжчайшие преступления против мира, знали и знают, и поэтому пытались и пытаются маскировать преступную агрессию лживыми словами об обороне.

Равным образом неоднократно и авторитетно было провозглашено, что нарушения законов и обычаев войны, установленных международными конвенциями, должны влечь за собой уголовную ответственность» [11, с. 575–576].

Опираясь на разработки А.Н. Трайнина, Руденко также ссылаясь на Гаагскую и Женевскую конвенции, установившие уголовную ответственность за нарушение правил и обычаев войны. Уже тогда защита вслед за нацистской пропагандой делала попытку заявить, что советские военнопленные не попадали под действие Женевской конвенции. Этот миф, который циркулирует и в начале XXI в., опровергается текстом самой конвенции, которая ясно гласила: «Одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее, положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших». Таким образом, раз Германия подписала эту конвенцию, она была обязана соблюдать её и по отношению к советским военнопленным [18].

Ещё одной тактикой защиты была попытка вбить клин между союзниками, осо-

Ил. 9. Адвокаты подсудимых на Нюрнбергском процессе (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 415. Л. 27)

бенно учитывая, что в течение 1946 г. начало «холодной войны» уже чувствовалось, и одной из главных надежд подсудимых был раскол в стане обвинителей, который позволил бы сорвать процесс и избавить нацистских лидеров от наказания.

Защита и обвинение в ходе процесса

После того, как обвинение представило дело, начались допросы подсудимых сначала защитой, затем – обвинением. Помимо попыток дискредитировать сам процесс и столкнуть друг с другом союзников в условиях начинающейся «холодной войны», арсенал обвиняемых и их защиты (ил. 9.) был не очень велик. Во-первых, они пытались доказать, что не знали о творимых преступлениях, что эти пре-

ступления совершались помимо их воли, что они, если узнавали о них, даже пытались как-то помешать их совершению. Во-вторых, большинство обвиняемых заявляло, что они «только выполняли приказы» Гитлера, Гиммлера, Бормана, т.е. лиц, отсутствовавших на процессе, на которых и сваливалась вина за совершённые преступления. Задача обвинения состояла в том, чтобы показать лживость этих увёрток, и в основном эту задачу оно выполнило. В-третьих, обвиняемые и адвокаты пытались отстаивать тезисы нацистской пропаганды о «превентивном характере» войны, о том, что преступления союзников на немецкой территории превосходят преступления нацистов и т.п.

Геринг доказывал, что вся оккупационная политика нацистов носила пре-

вентивный характер, как и война против СССР. Ещё в начале процесса он заявлял, что принимает ответственность на себя, однако от наиболее кровавых преступлений он пытался откrestиться. Р. Джексон попробовал поставить Геринга на место, но его допрос оказался провальным; нацистский лидер парировал даже обвинения в подготовке уничтожения евреев, доказывая, что ничего не знал о творившемся в концлагерях. А.Р. Руденко был более успешен в допросе Геринга, заставив его признать требование экономической эксплуатации советских территорий, а также использование принудительного труда граждан СССР [6, 371–376]. Успешным в допросе Геринга оказался и обвинитель Максвелл-Файф, который довёл его до абсурдного утверждения, что евреи не были

уничтожены, а «куда-то уехали». Лживость утверждений подсудимого №1 — Г. Геринга — была доказана.

После выступлений защиты начались финальные выступления обвинителей — именно они должны были завершать представление дела, после них шли только последние слова подсудимых. 26 июля выступил Р. Джексон, в тот же день начал своё выступление главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс, который говорил о преступлениях нацистов против мира. Именно он впервые использовал понятие «геноцид», заявив в отношении подсудимого Г. Франка, что тот поддерживал и проводил «чудовищную политику геноцида». Шоукросс доказывал, что все подсудимые были осведомлены о «политике геноцида» в отношении евреев, польской

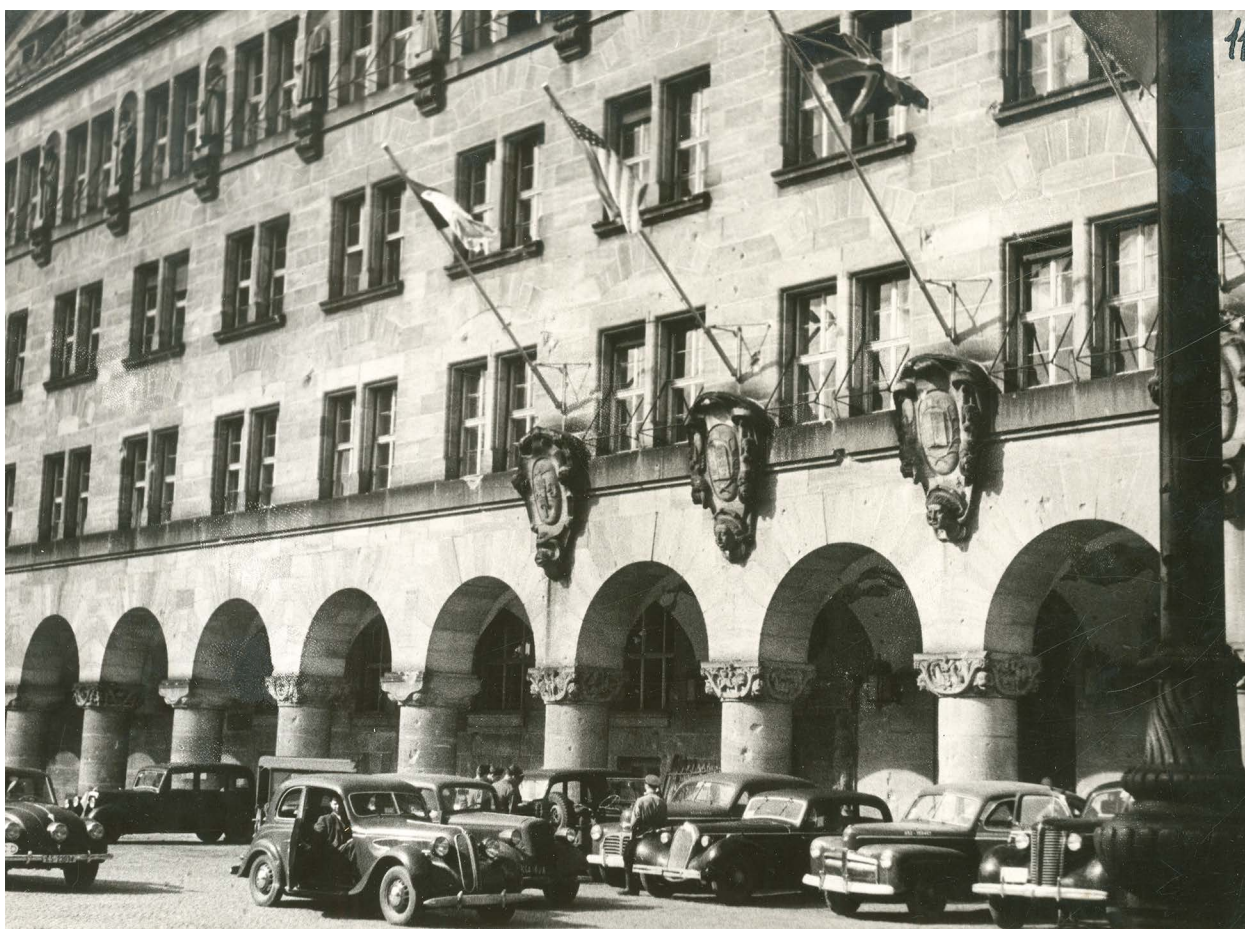

Ил. 10. Г. Геринг и Р. Гесс слушают приговор Международного военного трибунала
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 417. Л. 15)

интеллигенции, цыган: об уничтожении людей в газовых камерах, о принудительной стерилизации, расстрелах, сведении в могилу непосильным трудом [19, с. 466]. С этого момента термин «геноцид» вошёл

в международное право, хотя в документах ООН он появился позже, в 1948 г. [20, с. 11].

Р.А. Руденко в заключительной речи сказал: «Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фак-

Ил. 11. Здание Дворца юстиции в Нюрнберге, где заседал Международный военный трибунал
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 411. Л. 11)

тов совершения таких преступлений. Всё, что они могли сказать по этому поводу, это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств — уничтожение людей в “душегубках” и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в качестве эксперимента. Это делали по их указаниям их подчинённые, палачи, выполнявшие, так сказать, чёрную работу, а подсудимым нужно было только давать

приказания, исполняемые беспрекословно» [21, с. 471–472].

В своих последних словах никто из нацистских лидеров не выразил раскаяния; более того, большинство из них говорили о своей чистой совести [22, с. 543].

Приговором трибунала, оглашённым 1 октября 1946 г., к смертной казни через повешение были приговорены 12 подсудимых: Геринг, Кейтель, Кальтенбруннер, Заукель, Йодль, Риббентроп, Зейсс-Инкварт, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер и Борман (заочно). Семерых подсудимых или к тюремному заключению: Гесса, Редера, Функа — пожизненно, Шпеера и Шираха — к 20 годам, Нейрата — к 15, Деница — к 10 годам. Геринг покончил жизнь самоубийством за два часа до казни, остальных приговорённых к смерти преступников казнили через повешение в Нюрнберг-

ской тюрьме в ночь на 16 октября 1946 г. Подсудимые Шахт¹, Папен² и Фриче³ были оправданы большинством судей Международного военного трибунала.

Говоря о противоречиях между союзниками, необходимо вспомнить особое мнение советского судьи И.Т. Никитченко, которое является официальной частью приговора Нюрнбергского трибунала. Советский судья выступил против оправдания Я. Шахта, Ф. фон Папена и Г. Фриче, заявив, что их вина была также доказана, против неприменения смертной казни к Р. Гессу (ил. 10), а также против непризнания преступными организациями пра-

вительственного кабинета Третьего рейха, генерального штаба и высшего командования германских Вооружённых сил. И, с высоты наших современных знаний об этих личностях, а также о данных организациях, нужно признать мнение И.Т. Никитченко обоснованным и справедливым (ил. 11).

Таким образом, преступления нацистов были представлены настолько подробно, было собрано так много доказательств: документов, показаний свидетелей, причём как жертв нацистов, так и самих палачей, что основания для обвинительного приговора большинству обвиняемых оказались незыблемыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трайнин А.Н. Нюрнбергский процесс. М.: РИО ВЮА, 1946.
2. Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1965.
3. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М.: Политиздат, 1986.
4. Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trial. A Personal Memoir. New York, 1992.
5. Taylor T. Nuremberg and Vietnam: An American Tragedy. Times Books, 1970.
6. Хирш Ф. Суд в Нюрнберге. Советский Союз и международный военный трибунал. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
7. Heller K.J. The Nuremberg Military Tribunals and The Origins of International Criminal Law. Oxford: Oxford University press, 2011.
8. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 2 т. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951.
9. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов: В 7 т. / Под общ. ред. Р.А. Руденко и др.; Сост. Г.Н. Александров и др. Т. 1–7. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957–1961.
10. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов: В 3 т. / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М.: Юридическая литература, 1966.
11. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. / Отв. ред. А.М. Рекунков, Н.С. Лебедева; Науч. ред. М.Ю. Рагинский. М.: Юридическая литература, 1987–1999.

¹ Ялмара Шахта немецкий суд по денацификации в апреле 1947 г. приговорил к восьми годам каторжных работ, однако в 1948 г. он был оправдан после апелляции. Работал директором небольшого банка «Schacht GmbH». Скончался в 1970 г.

² Франца фон Папена суд по денацификации в феврале 1947 г. приговорил к восьми годам трудовых лагерей. В январе 1949 г. приговор был смягчён до фактически отбытого срока. Опубликовал воспоминания, в которых оправдывал свою политику 1930-х гг.

³ Ганса Фриче суд по денацификации в феврале 1947 г. осудил на девять лет заключения за разжигание антисемитизма и подстрекательство к продолжению уже проигранной войны. В сентябре 1950 г. он был освобождён по состоянию здоровья и умер спустя три года.

12. HLS Nuremberg Trials Project. <https://nuremberg.law.harvard.edu/> (дата обращения: 15.10.2024).
13. Taube Archive of the International Military Tribunal (IMT) at Nuremberg, 1945–46. <https://exhibits.stanford.edu/virtual-tribunals/feature/imt-case> (дата обращения: 15.10.2024).
14. Раздел «Нюрнбергский процесс» // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов на оккупированной территории СССР. 1941–1944 гг.». <https://victims.rusarchives.ru/nyurnbergskiy-process> (дата обращения: 15.01.2024).
15. Страница Мирошниченко С.А. на сайте библиотеки «Наука права». <https://naukaprava.ru/catalog/435/840/55822/> (дата обращения: 15.01.2024).
16. Ступникова Т.С. Ничего кроме правды: Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. М.: Возвращение, 2015. С. 13–15.
17. Зонненфельд Р. Очевидец Нюрнберга. Воспоминания переводчика американского обвинения. М.: Центрполиграф, 2013. С. 26–30.
18. Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929. <http://www.icrc.org/ihl/INTRO/305?OpenDocument> (дата обращения: 15.10.2024).
19. Сэндс Ф. Восточно-Западная улица. М.: Книжники, 2020.
20. Неймарк Н. Геноцид. Всемирная история. М.: АИРО-XXI, 2021.
21. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. Т. 7 / Отв. ред. Н.С. Лебедева. М.: Юридическая литература, 1997.
22. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. Т. 8 / Отв. ред. Н.С. Лебедева. М.: Юридическая литература, 1999.

Relations between the Allies in the Anti-Hitler Coalition Before and During the Nuremberg Trials

Sergey Mikhailovich Solovyov — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Chief specialist of the Russian State Archive of Social and Political History.
E-mail: solosm@mail.ru

The paper analyses the relations between the allies in the anti-Hitler coalition at the time of the preparation and conduct of the Nuremberg trials of Nazi war criminals. The paper examines the contradictions between the allies while discussing the legal and organizational foundations of the trial, as well as the clashes during the trial. The author points out the key problems, which the allies agreed to mention before and during the trial. The author notes the role of the USSR in the preparation and conduct of the trial.

Keywords: Nuremberg trial, historiography of the Nuremberg trial, allies, anti-Hitler coalition, Nazi war criminals

REFERENCES

1. Trainin A.N. Nyurnbergskii protsess. M.: RIO VYUA, 1946 (in Russian).
2. Poltorak A.I. Nyurnbergskii epilog. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1965 (in Russian).
3. Raginskii M.Yu. Nyurnberg: pered sudom istorii. Vospominaniya uchastnika Nyurnbergskogo protsessa. M.: Politizdat, 1986 (in Russian).

4. Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trial. A Personal Memoir. New York, 1992.
5. Taylor T. Nuremberg and Vietnam: An American Tragedy. Times Books, 1970.
6. Khirsh F. Sud v Nyurnberge. Sovetskii Soyuz i mezhdunarodnyi voennyyi tribunal. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023 (in Russian).
7. Heller K.J. The Nuremberg Military Tribunals and The Origins of International Criminal Law. Oxford: Oxford University press, 2011.
8. Nyurnbergskii protsess: Sbornik materialov: V 2 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1951 (in Russian).
9. Nyurnbergskii protsess nad glavnymi nemetskimi voennymi prestupnikami: Sbornik materialov: V 7 t. / Pod obshch. red. R.A. Rudenko i dr.; Sost. G.N. Aleksandrov i dr. T. 1–7. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1957–1961 (in Russian).
10. Nyurnbergskii protsess nad glavnymi nemetskimi voennymi prestupnikami: Sbornik materialov: V 3 t. / Pod obshch. red. R.A. Rudenko. M.: Yuridicheskaya literatura, 1966 (in Russian).
11. Nyurnbergskii protsess: Sbornik materialov: V 8 t. / Otv. red. A.M. Rekunkov, N.S. Lebedeva; Nauch. red. M.Yu. Raginskii. M.: Yuridicheskaya literatura, 1987–1999 (in Russian).
12. HLS Nuremberg Trials Project. <https://nuremberg.law.harvard.edu/> (data obrashcheniya: 15.10.2024).
13. Taube Archive of the International Military Tribunal (IMT) at Nuremberg, 1945–46. <https://exhibits.stanford.edu/virtual-tribunals/feature/imt-case> (data obrashcheniya: 15.10.2024).
14. Razdel «Nyurnbergskii protsess» // Federal'nyi arkhivnyi proekt «Prestupleniya natsistov na okkupirovannoi territorii SSSR. 1941–1944 gg.». <https://victims.rusarchives.ru/nyurnbergskiy-process> (data obrashcheniya: 15.01.2024) (in Russian).
15. Stranitsa Miroshnichenko S.A. na saite biblioteki «Nauka prava». <https://naukaprava.ru/catalog/435/840/55822/> (data obrashcheniya: 15.01.2024) (in Russian).
16. Stupnikova T.S. Nichego krome pravdy: Nyurnbergskii protsess. Vospominaniya perevodchika. M.: Vozvrashchenie, 2015. S. 13–15 (in Russian).
17. Sonnenfel'd R. Ochevidets Nyurnberga. Vospominaniya perevodchika amerikanskogo obvineniya. M.: Tsentrpoligraf, 2013. S. 26–30 (in Russian).
18. Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929. <http://www.icrc.org/ihl/INTRO/305?OpenDocument> (data obrashcheniya: 15.10.2024) (in Russian).
19. Sends F. Vostochno-Zapadnaya ulitsa. M.: Knizhniki, 2020 (in Russian).
20. Neimark N. Genotsid. Vsemirnaya istoriya. M.: AIRO-XXI, 2021 (in Russian).
21. Nyurnbergskii protsess: Sbornik materialov: V 8 t. T. 7 / Otv. red. N.S. Lebedeva. M.: Yuridicheskaya literatura, 1997 (in Russian).
22. Nyurnbergskii protsess: Sbornik materialov: V 8 t. T. 8 / Otv. red. N.S. Lebedeva. M.: Yuridicheskaya literatura, 1999 (in Russian).

АРХИВНЫЕ ТАЙНЫ

Индекс УДК 93/94

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-97-107

М.М. БЕКЛЕМИШЕВА*

Трофейные документы Великой Отечественной войны в фокусе внимания разведывательных, политических и архивных органов СССР

В годы Великой Отечественной войны органы разведки, Главное политическое управление РККА, Управление государственными архивами НКВД СССР и другие органы управления организовали сбор документов, захваченных у врага или оставленных им. Эти документальные материалы — приказы и донесения, циркуляры и переписка частей и подразделений противника, уставы и наставления, личные документы военнослужащих, письма с фронта и на фронт, фотографии, всевозможные печатные материалы — имели военно-оперативное и политическое значение, широко использовались в пропаганде и печати. В статье рассматриваются меры, предпринятые различными управлениями для сбора вражеских документов. Показаны сложности, с которыми приходилось сталкиваться в этой работе. Все указанные сюжеты остаются слабоизученной темой в отечественной и зарубежной историографии, что определяет актуальность их освещения.

Ключевые слова: трофейные документы, Разведывательное управление Генерального штаба, Главное политическое управление Красной армии, Управление государственными архивами НКВД СССР, Народный комиссариат внутренних дел СССР, архивное дело

С началом Великой Отечественной войны документы действующей Красной армии большим потоком стали поступать в Архив Народного комиссариата обороны в г. Бузулук. Вместе с ними появилась и новая категория документов — трофейных, захваченных при разгроме штабов противника, подобранных на поле боя, изъятых у военнопленных и убитых, обнаруженных

на сбитых самолётах или добытых партизанами.

Сбор трофейных документов органами войсковой разведки

Собираемые не только красноармейцами, но и сотрудниками НКВД и НКГБ, в том числе и за линией фронта, трофейные документы позволяли раскрыть военно-тактические замыслы врага, яв-

* **Беклемишева Мария Михайловна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны ИРИ РАН.
E-mail: mariabekl@mail.ru

лялись источниками информации о разведывательных, контрразведывательных, диверсионных и полицейских структурах противника. Сведения из документов административных органов германских учреждений и спецслужб впоследствии стали основой для поиска нацистских военных преступников и подготовки к судебным процессам [1].

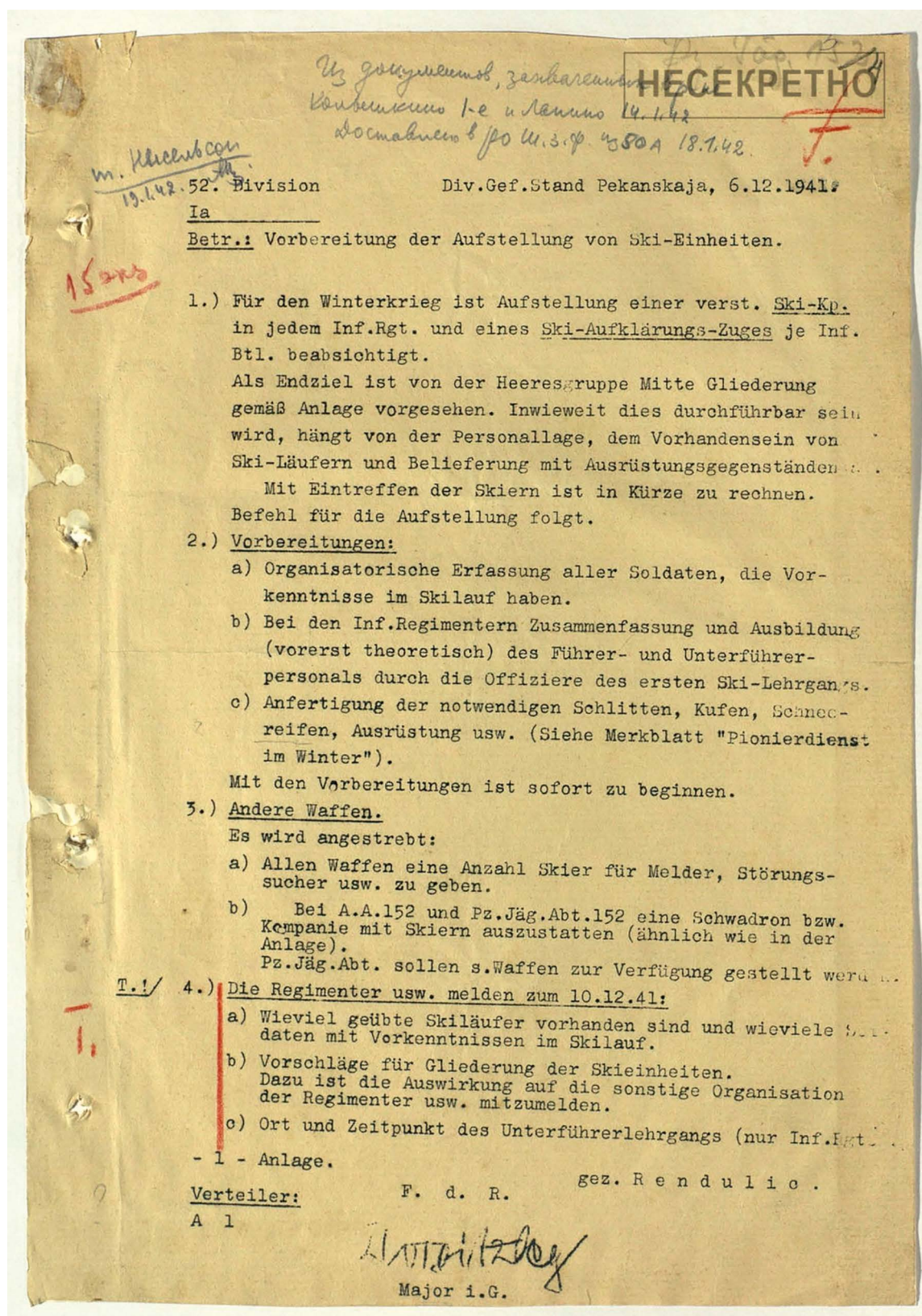
Летом 1941 г. основные задачи по добыче сведений о противнике были возложены на органы оперативной агентурной, главным образом войсковой, разведки [2]. Захваченные на линии фронта документы согласно распоряжениям Генштаба подлежали сдаче в разведывательные отделы штабов. Вместе с тем из действующей армии эти документы могли также попадать и в другие инстанции, вследствие чего рассредоточивались по многим штабам и центральным управлениям НКО, не будучи изученными начальниками разведотделов и общевойсковых штабов. Трофейные документы можно было найти в Главном артиллерийском, Главном военно-химическом, Главном военно-инженерном управлениях Красной армии, в особых отделах НКВД, куда они направлялись с фронтов начальниками артиллерии, связи, инженерных и химических войск, политорганами и особыми отделами фронтов [3]. По замечанию начальника Главного архивного управления НКВД СССР И.И. Никитинского, после минования надобности многие документы уничтожались.

В августе 1942 г. начальникам штабов фронтов и армий, а также начальникам разведотделов была направлена специальная директива начальника Генштаба Красной армии генерал-полковника А.М. Василевского о порядке сбора трофейных документов. В ней указывалось, что в самих войсках дело сбора трофейных документов было поставлено из рук вон плохо, поскольку этому вопросу командиры частей и соединений и начальники их штабов уделяли недостаточно внимания [3]. Улучшение дела сбора и обработки трофейных доку-

ментов требовалось для своевременного информирования Генштаба и Ставки Верховного Главнокомандования о противнике. В связи с этим в войсках на всех уровнях устанавливался единый порядок сбора и пересылки трофейных документов, которые концентрировались в Главном Разведывательном управлении Генштаба Красной армии. Практика отправки трофейных документов из действующей армии напрямую начальникам центральных управлений и специальных служб НКО отменялась. Начальнику Главного Разведуправления предписывалось обобщать весь поступающий трофейный материал и путём издания информационных разведывательных бюллетеней, специальных докладов, информационных сообщений, а также в требуемых случаях непосредственно самих трофейных документов немедленно доводить до сведения соответствующих начальников центральных управлений НКО все важные вопросы и документы в деле изучения врага [3] (ил. 1).

Однако и весной 1943 г. ситуация с обработкой трофейных документов органами войсковой разведки признавалась неудовлетворительной. В соответствии с приказом И.В. Сталина № 0072 «О состоянии органов войсковой разведки и о мероприятиях по улучшению её боевой деятельности» от 19 апреля 1943 г. необходимо было совершенствовать различные формы и методы разведки, проявляя инициативу, изобретательность и военную хитрость, в том числе для захвата пленных и оперативных документов. Недостатки в работе разведорганов объяснялись, в частности, плохой подготовкой кадров. Все захваченные у противника документы вновь предписывалось доставлять в разведывательные отделы штабов фронтов и армий [4].

С переходом Красной армии в наступление количество поступающих с фронта трофейных документов многократно возросло. Приобретение опыта в ходе масштабных наступательных операций в 1943 и 1944 гг. позволило улучшить дело захвата и обработки вражеских докумен-

Ил. 1. Немецкий трофейный документ о подготовке к формированию лыжных частей, захваченный на Западном фронте, с надписью: «Из документов, захваченных в районе Колышкино 1-е и Лапино 14.01.42 [Калужская область]. Доставлено в РО Штаба Западного фронта из 50 армии 18.01.42» (источник: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 68. Л. 4)

тов. По данным донесения Разведуправления Генштаба «Боевая деятельность войсковиков-разведчиков Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны за 1944 год», если в 1943 г. силами военной разведки на всех фронтах было добыто 23 749 документов, то в 1944 г. — уже 92 626 документов [2, с. 324]. Наибольшее их количество в 1944 г. — почти 27 тыс. — было захвачено на 3-м Белорусском фронте.

Оригиналы и переводы трофейных документов советской военной разведки находятся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) России, часть из них доступна в оцифрованном виде (Ф. 500. Оп. 12480, 12486). Зачастую на них имеются пометки с датой и местом их захвата. На 1 января 1966 г. в Архиве Министерства обороны хранилось 16 тыс. трофейных дел за 1941–1945 гг.¹ В настоящее время «Трофейный» фонд ЦАМО насчитывает около 28 тыс. дел, включающих, в том числе, документы немецких трофейных коллекций, перемещённых в результате войны на территорию СССР.

Организация использования трофейных документов Главным политическим управлением РККА

В трофейных документах как источниках, характеризующих морально-психологическое состояние врага, необходимых для пропаганды среди войск противника и личного состава войск, а также подтверждавших зверства захватчиков на оккупированной территории, нуждались и политорганы РККА. На третий день войны начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии приказал военным советам и начальникам УПП западных военных округов представлять в Москву для использования в пропаганде наиболее интересные документы, захваченные у противника², а 14 июля 1941 г. ГУППКА (с 16 июля — ГлавПУ РККА) направило во-

енным советам и начальникам политуправлений фронтов директиву № 077, согласно которой письма и документы немецких солдат после их использования штабами необходимо было немедленно отправлять в Управление [5]. В соответствии с этими директивами в ГлавПУ РККА уже с начала июля 1941 г. стали поступать разнообразные трофейные документы и фотографии.

Число присылаемых в ГлавПУ РККА документов возрастало с каждым днём, поэтому был поставлен вопрос об их сортировке, обработке и максимальному использованию. Так, например, трофейные письма и дневники исчислялись сотнями тысяч, и для их обработки был создан специальный аппарат в лице четырёх «групп по обработке трофейных документов», находившихся под руководством 7-го отдела: группа при Институте Маркса-Энгельса-Ленина (с июля 1941 г.), группа при Отделе печати ИККИ (с августа 1941 г.), группа при Издательстве литературы на иностранных языках (с января 1942 г.), а также группа при Институте № 99 и Совинформбюро³. Они осуществляли сортировку писем и дневников, их вычитку и перевод на русский язык. Затем из важнейших выдержек составлялись информационные «сводки». При обработке писем применялись различные подходы к их группировке: по тематическому либо географическому признакам или по датам написания.

Благодаря своевременной обработке самых разных видов документов было организовано их широкое использование в интересах советского государства. Документы, имевшие оперативный или технический характер, в том числе трофейные карты, приказы и распоряжения, передавались из ГлавПУ РККА в Разведывательное управление Генштаба Красной армии. В свою очередь, копии документов из Разведывательного управления присылались в ГлавПУ РККА. Трофейные

¹ ЦАМО. Ф. 103. Оп. 12560. Д. 149. Л. 49.

² ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 64.

³ Там же. Л. 71.

фотографии использовались в качестве иллюстраций в листовках для войск противника и в иллюстрированном журнале «Фронт Иллюстрирте», издававшемся с августа 1941 г. 7-м отделом ГлавПУ РККА. Оригиналы фотографий хранились в редакции этого журнала, а затем в Центральном музее Красной армии. Фотографии, характеризующие зверства захватчиков и их моральное разложение, с лета 1941 г. передавались «Союзфотохронике» ТАСС и использовались ею в советской и иностранной печати¹.

Трофейные газеты и журналы с 1942 г. направлялись для обработки в отдел печати Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (впоследствии – в Институт № 205). Документы о политике гитлеровцев на оккупированной территории представлялись в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Переводы трофейных документов и показания военнопленных публиковались в периодических изданиях 7-го отдела ГлавПУ РККА, в том числе в «Бюллетене трофейных документов Великой Отечественной войны», где был опубликован ряд крупных документов государственного значения, разоблачающих фашистские планы ограбления и порабощения советского народа, а также документы о деятельности антифашистских организаций за линией фронта².

Деятельность архивистов по сбору документов, оставленных захватчиками

Документы Великой Отечественной войны, в том числе трофейные, не могли оказаться вне поля зрения архивных органов СССР. Согласно Положению о Государственном архивном фонде (ГАФ), утверждённом Постановлением Совета народных комиссаров от 29 марта 1941 г., в состав ГАФ входили, в том числе, бесхозные, выморочные и конфискованные документальные мате-

риалы, имевшие, по заключению Главного архивного управления НКВД СССР или его местных органов, научное и практическое значение. Таким образом, брошенные врагом на освобождённой территории документы также являлись объектом интереса архивных учреждений. С освобождением Московской области от захватчиков к целенаправленной работе по их сбору присоединились архивисты, которые действовали под руководством Управления государственными архивами НКВД СССР. Основное внимание они уделяли документам оперативного значения, а также документам, характеризующим злодеяния захватчиков.

20 ноября 1941 г. начальник Управления государственными архивами (УГА) НКВД СССР И.И. Никитинский в докладной записке заместителю наркома внутренних дел И.А. Серову подчёркивал, что все материалы действующей Красной армии, а также документы, захваченные у врага, представляли собой ценнейший вклад в Государственный архивный фонд СССР и нуждались в систематическом собирании, научно-технической и оперативной обработке. Ввиду неудовлетворительных условий хранения документов в архиве НКО в г. Бузулуке в ноябре 1941 г. было предложено создать в составе Центрального государственного архива Красной армии (ЦГАКА) Отдел фондов Отечественной войны народов СССР, которому ставилась нереалистичная задача организации приёма всех документов действующей армии, партизанских отрядов и народного ополчения, а также материалов, захваченных у врага, и организации их использования³. 25 ноября 1941 г. отдел фондов Великой Отечественной войны был создан, а позднее такие отделы были созданы в других архивах. В феврале 1942 г. задачей отдела становится концентрация документов, не требующихся Генштабу, а также всех печатных изданий, вышедших в свет

¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 68–69.

² Там же. Л. 85.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 831. Л. 53–54, 62–63.

за время войны¹. В 1943 г. в ЦГАКА имелось 20 тыс. дел по периоду Великой Отечественной войны (расформированных воинских частей), в том числе материалы отдельных воинских частей противника [6].

Начало освобождения советских территорий, ранее занятых захватчиками, поставило вопрос о сборе документов нацистских гражданских оккупационных учреждений, комендатур, материалов полиции, органов «самоуправления». Здесь архивисты действовали одновременно с сотрудниками НКВД и НКГБ, причём не всегда в форме сотрудничества, и их взаимоотношения по вопросу о порядке сбора и использования документов оставались нерегламентированными. Наиболее плодотворным становился обмен материалами между Отделами государственных архивов областных УНКВД или архивными управлениями союзных республик с органами НКВД–НКГБ и СМЕРШ: последним передавались сведения о сотрудниках карательных и административных органов, действовавших при оккупации; о «фольксдойче» — немцах, проживавших за пределами рейха; сотрудников отдела восточной пропаганды, редакций газет и авторах антисоветских статей; о членах националистических организаций; добровольцах, уехавших на работу в Германию или изъявивших желание служить в германской вспомогательной армии и др. Архивисты оказали значительную помощь оперативным отделам НКВД, НКГБ и СМЕРШ, однако могли тиражировать ошибки, допущенные при составлении списков-справочников, ставя под подозрение в измене Родине ни в чём не повинных людей. После оперативного использования трофейные документы подлежали сдаче на хранение в государственные архивы, и архивные органы предпринимали усилия для передачи их из оперативных отделов в архивы.

Первыми в ряду организаторов работы по сбору документов становятся оперативные группы архивистов Управления госархивами НКВД Украинской ССР, которые

действуют вместе с сотрудниками НКВД на неоккупированной территории Украины уже в первой половине 1942 г. (ил. 2). Они занимались розыском и сохранением различных документов, восстанавливали архивы и оценивали нанесённый им ущерб, отбирали документы для использования в оперативно-чекистских, военных, пропагандистских целях, составляли акты о злодеяниях захватчиков, привлекали население для сбора уцелевших документов. За 1942 г. ими было собрано более 10 тыс. документов трофейного происхождения [7].

По всей видимости, именно опыт украинских архивистов стал толчком для образования оперативных групп в других областях и республиках СССР. Оперативные группы НКВД–УНКВД со включением архивистов действуют на территории Украины (ил. 3), Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, а также Ростовской, Воронежской и Орловской областей. Следуя за частями Красной армии, они должны были как можно раньше приступить к работе, чтобы избежать утраты документов и вовремя предоставить ценные сведения военному командованию, органам государственной безопасности. Собираемые ими документы имели не только оперативное, но и большое государственное значение, так как они раскрывали военнотактические цели захватчиков, их замыслы в отношении мирного населения и планы по уничтожению городов.

Количество собираемых документов зависело от внешних обстоятельств: интенсивности боёв, скорости выбивания врага с занятой им территории, случаев массовой гибели документов во время бомбардировок и артиллерийских обстрелов населённых пунктов, уничтожения и вывоза документов отступающей немецкой армией. В связи с этим их количество сильно разнилось: где-то исчислялось тоннами, а где-то от них не оставалось каких бы то ни было следов. Как отмечает известный советский историк-архивист В.В. Цаплин,

¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 805. Л. 3.

УРСР НАРОДНИЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРІШНІХ СПРАВ	СССР НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	Лит. № _____ Вх. № _____ На № _____ От _____ 1943 г. При ответах сослаться на №, число и отаса
Секретариат		
15. августа 1943 г.		
№ 281с		
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ:		
УДОСТОВЕРЕНИЕ		
Предъявителю сего - Зам. Начальника УГА НКВД УССР Ст. Лейтенанту Госбезопасности ГУДЗЕНКО Пантелеймону Петровичу, в соответствии с постановлением СНК Союза ССР № 723 от 29/III-1941г. и приказа НКВД Союза ССР № 057 от 25/II-42г. предоставляется право выявления и концентрации /собрания/ документов периода Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Собираемо подлежат: акты, кино и фотосъемки, различного рода письма, свидетельские показания, дневники, записки, допросы пленных, разговоры по проводу, радио, приказы и распоряжения фашистского командования, зафиксированные в любой форме, все делопроизводства учреждений, организаций и предприятий и т.п., а также печатные издания газеты, журналы, плакаты, листовки, воззвания и др. Всем командирам воинских частей и соединений, начальникам Отделов Контрразведки "СМЕРШ" и редакторам красноармейских газет оказывать тов. ГУДЗЕНКО П.П. содействие в его работе и передавать ему перечисленные выше документы.		
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ / Р Я С Н О Й <i>Рябенко</i>		

Ил. 2. Удостоверение НКВД УССР, предоставляющее право руководителю опергруппы архивистов П.П. Гудзенко на сбор и концентрацию документов и материалов по истории Отечественной войны. 25 августа 1943 г.

Ил. 3. Сотрудники УГА НКВД УССР за сбором архивных документов в освобождённом от немецких оккупантов Киеве. На переднем плане – И.И. Кирей (слева) и Г. Никелин. Киев, ноябрь 1943 г.

несмотря на то, что система оперативных групп архивистов была наиболее эффективной для работы в прифронтовой полосе, даже осенью 1943 г. она не везде завоевала господствующее положение¹. Из-за отсутствия инициативы со стороны руководителей Отделов государственных архивов областных УНКВД не были своевременно приняты меры по сбору документальных материалов, оставленных немецкими оккупантами на территориях Кабардино-Балкарской АССР, Краснодарского края, Курской и Смоленской областей².

Архивистам в освобождённых областях пришлось столкнуться со множеством сложностей: с работой в прифронтовых районах, подвергавшихся бомбёжкам, в разрушенных и заминированных зданиях и — несмотря на пребывание в ведении НКВД — с отсутствием материально-

технической базы (зачастую не хватало бумаги и письменных принадлежностей, средств фотокопирования, самого необходимого для работы), транспорта, обмундирования, снабжения, пригодных помещений. Очень остро стояла и проблема кадров: многие начальники Отделов государственных архивов областных УНКВД и союзных архивных управлений обращались в УГА с просьбой прислать хотя бы одного-двух сотрудников, так как подобрать их на месте было практически невозможно. Так, например, отсутствие квалифицированных кадров сотрудник УГА Д.С. Бабурин считал серьёзной проблемой для Белоруссии: на всей освобождённой части территории Белоруссии были только два человека с высшим историко-архивным образованием³. Остальную часть работников подбирали на месте, и это были люди,

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 777. Оп. 1. Д. 36. Рукопись монографии В.В. Цаплина «Архивы, война и оккупация» (М., 1968). Л. 318.

² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1489. Л. 48, 49, 79, 80.

³ Там же. Д. 1694. Л. 24 об.

не имевшие опыта работы и специального образования, которым трудно было поручить ответственное задание.

Другой проблемой стало установление контакта с военными учреждениями и командованием Красной армии. «Сами по себе наши архивные органы, в силу целого ряда обстоятельств, не могут установить постоянной деловой связи с командованием соответствующих фронтов. Это объясняется целым рядом обстоятельств, прежде всего тем, что эти работники *недостаточно авторитетны* (выделено нами. — М.Б.) для организации такой связи»¹, — отмечал Д.С. Бабурин, инспектировавший архивы Белоруссии. Однако в течение 1944 г. этот недостаток был устранён, и необходимая связь с командованием налажена.

Учитывая неудовлетворительный опыт собирания документов противника в годы советско-финской войны, а также случаи уничтожения ценных материалов частями Красной армии, в 1943 г. по представлению архивных управлений был издан ряд важнейших приказов о сохранении всех документальных материалов на освобождённой советской территории. Благодаря установлению связи с командованием Красной армии при содействии НКВД УССР командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин и командующий Степным фронтом генерал-полковник М.М. Попов издали приказы об охране документов в освобождённых населённых пунктах. 12 августа 1943 г. вышел приказ народного комиссара внутренних дел Украинской ССР о собирании документальных материалов войны в районах, очищенных от оккупантов [8]. 12 декабря 1943 г. заместитель народного комиссара обороны А.М. Василевский издал приказ № 0447, запрещавший личному составу войсковых частей уничтожать какие бы

то ни было трофейные документы и занимать помещения государственных архивов НКВД². Начальникам гарнизонов предписывалось немедленно после занятия войсками Красной армии городов и населённых пунктов организовать сбор всех документальных материалов, оставшихся после изгнания немецких захватчиков.

В годы войны продолжалась конфронтация архивных учреждений с музеями и библиотеками по вопросу о праве обладания историческими документами, начавшаяся ещё в 1920-е гг. [9]. Главархив твёрдо стоял на своей позиции: запретить музеям и другим организациям сбор документов, входящих в состав Государственного архивного фонда. Так, в июне 1942 г. заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов, курировавший работу архивов, обратился к народному комиссару просвещения РСФСР В.П. Потёмкину с просьбой отменить циркулярное письмо и методические указания Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР, разосланные тиражом 1000 экз., согласно которым документы и вещи Великой Отечественной войны, в том числе трофейные, должны были собираться местными музеями³. Летом 1942 г. начальникам УНКВД Калининской, Тульской, Московской и других областей были даны указания о концентрации в госархивы всех безнадзорных материалов, в том числе оставленных немецкими властями, и запрете другим организациям осуществлять сбор документов⁴. Оставление этих материалов в руках тех или иных учреждений разрешалось только по распоряжению Отделов государственных архивов или Управления государственными архивами⁵.

Подводя итог, отметим, что многозначность понятия трофейных документов позволяет выделить несколько их основных категорий: «фронтовые», добытые непо-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1694. Л. 26.

² Там же. Д. 1503. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 805. Л. 476 об.

⁴ Там же. Д. 1196. Л. 53–53 об.

⁵ Там же. Д. 1190. Л. 50 об. – 51.

средственно на фронте разведчиками, сотрудниками органов государственной безопасности, партизанами — имевшие военно-оперативное и политическое значение; оставленные врагом на освобождённой территории — в своём большинстве это документы гражданских оккупационных учреждений захватчиков, документы служб безопасности и полиции, а также печатные материалы, собираемые органами госбезопасности, архивистами, иными учреждениями и советскими гражданами; наконец, трофейные документы, перемещённые на территорию СССР после освобождения Европы. Все они представляли большой интерес для самых разных органов власти, учреждений и организаций, что нередко приводило к изданию противоречивших друг другу документов о порядке их сдачи и хранения, вызывало конкуренцию за право обладать и распо-

ряжаться ими. Представляется, что наилучшим образом обработка, использование и распределение трофейных документов были организованы ГлавПУ РККА. Большую роль в деле собирания документов сыграли и советские архивисты, за годы войны их авторитет существенно возрос, хотя и они не всегда добивались поставленных целей. В 1944 г. они в основном закончили выявление и концентрацию в государственные архивы документов учреждений, действовавших на оккупированной территории СССР¹. Наконец, менее организованно действовали органы советской разведки, однако без добытых ими трофейных документов невозможно было бы составить картину стратегической обстановки на фронте и получить полноценное представление о замыслах врага. Безусловно, эта тема нуждается в дальнейшем комплексном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2013. С. 541.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 6: Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 235.
3. Директива начальника Генштаба Красной армии генерал-полковника А.М. Василевского. Август 1942 г. // Филоненко С.И. Война на воронежской земле 1942–1943 гг. в документах Красной армии, вермахта и войск сателлитов: В 5 т. Т. 1. Воронеж: Кварта, 2014. С. 130–131.
4. Приказ о состоянии органов войсковой разведки и мероприятиях по улучшению её боевой деятельности. 19 апреля 1943 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–3). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1943–1945 гг. М.: Терра, 1997. С. 128.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17 (6). Главные политические органы Вооружённых сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М.: Терра, 1996. С. 40.
6. Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1969. С. 389.
7. Мищак І.М. Діяльність оперативних груп Архівного управління України по збиранню документальних матеріалів (1941–1944 рр.) // Історія України: Маловідомі імена, події, факти: Зб. статей. П.Т. Тронько та ін. (відп. ред.). К., 1999. Вип. 6. С. 206.
8. Вяликов В.И. Архивное строительство в СССР (1917–1945 гг.): Учебное пособие / Под ред. М.С. Селезнёва. М., 1976. С. 198–199.
9. Савин В.А. Формирование Государственного архивного фонда СССР в 1920–50-х годах // Советские архивы. 1991. № 1. С. 48.

¹ РГАЭ. Ф. 777. Оп. 1. Д. 36. Л. 339.

Captured Documents of the Great Patriotic War in the Center of Attention of the Soviet Intelligence, Political Bodies and Archives

Maria Mikhailovna Beklemisheva — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: mariabekl@mail.ru

During the Great Patriotic War, the intelligence, Main Political Directorate of the Red Army, Main Archival Administration of the USSR and other authorities organized the collection of documents captured from or left by the enemy. These documents, namely orders and reports, circular letters and communications of enemy units and subdivisions, regulations and instructions, soldiers' personal documents, letters from and to the front, photographs, all kinds of printed materials, were of military and political significance and were widely used in propaganda and the press. The paper explores the measures taken by various authorities to collect trophy documents and the difficulties they had to face in this work. These issues are poorly studied in Russian and foreign historiography, which determines their relevance.

Keywords: captured documents, Intelligence Directorate of the General Staff, Chief Political Administration of the Red Army, Main Archival Administration of NKVD of the USSR, the People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR, archiving

REFERENCES

1. Khristoforov V.S. Istoriya strany v dokumentakh arkhivov FSB Rossii: Sbornik statei i materialov. M.: Izd-vo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy, 2013. S. 541 (in Russian).
2. Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov: V 12 t. T. 6: Tainaya voina. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M.: Kuchkovo pole, 2013. S. 235 (in Russian).
3. Direktiva nachal'nika Genshtaba Krasnoi armii general-polkovnika A.M. Vasilevskogo. Avgust 1942 g. // Filonenko S.I. Voina na voronezhskoi zemle 1942–1943 gg. v dokumentakh Krasnoi armii, vermakhta i voisk satellitov: V 5 t. T. 1. Voronezh: Kvarta, 2014. S. 130–131 (in Russian).
4. Prikaz o sostoyanii organov voiskovoi razvedki i meropriyatiyakh po uluchsheniyu eyo boevoi deyatel'nosti. 19 aprelya 1943 g. // Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 13 (2–3). Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR, 1943–1945 gg. M.: Terra, 1997. S. 128 (in Russian).
5. Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 17 (6). Glavnye politicheskie organy Vooruzhyonnykh sil SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine, 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy. M.: Terra, 1996. S. 40 (in Russian).
6. Maksakov V.V. Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v SSSR (1917–1945 gg.). M.: Nauka, 1969. S. 389 (in Russian).
7. Mishchak I.M. Diyal'nist' operativnikh grup Arkhivnogo upravlinnya Ukraïni po zbirannyu dokumental'nikh materialiv (1941–1944 rr.) // Istoriya Ukraïni: Malovidomi imena, podii, fakti: Zb. statei. P.T. Tron'ko ta in. (vidp. red.). K., 1999. Vip. 6. S. 206 (in Ukrainian).
8. Vyalikov V.I. Arkhivnoe stroitel'stvo v SSSR (1917–1945 gg.): Uchebnoe posobie / Pod red. M.S. Seleznyova. M., 1976. S. 198–199 (in Russian).
9. Savin V.A. Formirovanie Gosudarstvennogo arkhivnogo fonda SSSR v 1920–50-kh godakh // Sovetskie arkhivy. 1991. № 1. S. 48 (in Russian).

Индекс УДК 930

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-108-124

А.И. ДОМНИН*

Операция «Багратион»: картографический след

Весной-летом 1944 г. при подготовке Белорусской стратегической наступательной операции советское командование осуществило комплекс маскирующих и дезинформационных мероприятий. Общим результатом этих действий стала тотальная дезинформированность врага о готовящемся мощнейшем ударе на центральном участке советско-германского фронта. Этот факт был подробно освещён в воспоминаниях военачальников и в солидных трудах историков. Однако до сих пор не было уделено должного внимания такому важному источнику, как картографическое материалы, под которыми прежде всего следует подразумевать штабные карты, готовившиеся во время военных действий. Основными источниками для данной статьи стали немецкие карты, на которых, помимо положения германских войск, отображались соединения и объединения Красной армии такими, какими их видели в германских штабах. Для соотношения с реальной обстановкой представлены также советские фронтовые карты. Данный материал в своей совокупности — яркое свидетельство эффективной деятельности советских органов разведки по дезинформации противника и реализации фронтовым командованием на высочайшем уровне маскировки ударных группировок.

Ключевые слова: военные карты, ошибки германской разведки, маскировка войск, оценка сил, операция «Багратион»

Белорусская стратегическая наступательная операция — самый крупный разгром немцев во Второй мировой войне. Удары наносились по сходящимся направлениям, с тем чтобы, прежде всего, согласно основному правилу военного искусства, уничтожить силы и средства противника. Освобождение территорий здесь было вторич-

ным. Но именно благодаря эффективно-му достижению первичной цели стало возможным очистить от врага обширные земли: Белоруссию, юг Прибалтики и часть Польши.

Основные составляющие грандиозного успеха Красной армии — строжайший режим секретности и комплекс мероприятий по дезинформации противника,

* **Домнин Артём Игоревич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН.
E-mail: hartwood@yandex.ru

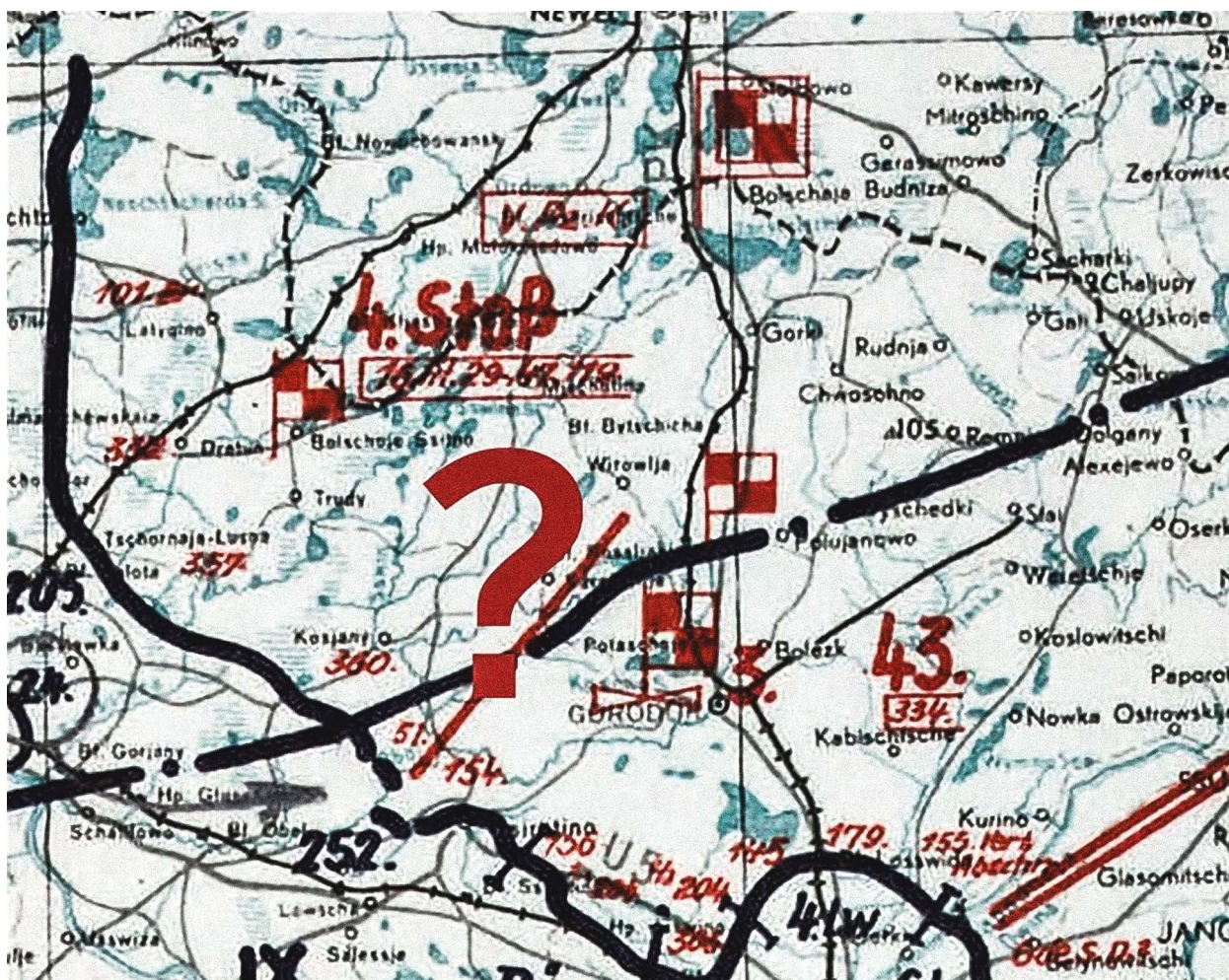

Ил. 1. Фрагмент карты оперативного управления Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) Германии на 23.06.1944 г.

не подозревавшего о месте и масштабах готовившегося удара, а также о появлении в составе советских фронтов, огибавших «белорусский балкон», мощных подвижных сил. Как видели в германских штабах группировки 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов и как менялась оценка этих сил в первую неделю боёв, рассказывают немецкие карты, отражаю-

щие обстановку на фронте группы армий «Центр» в последний день оперативной паузы и в период первых фронтовых операций «Багратиона».

Ниже представлен крупный фрагмент карты оперативного управления генерального штаба сухопутных войск вермахта на территорию центрального участка советско-германского фронта от 23 июня 1944 г.

Ил. 2. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» от 21.06.1944.
Вопросительным знаком отмечено место расположения 6-й гвардейской армии

(ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1092.) (ил. 1), когда начался разгром наиболее боеспособной группировки немцев.

Наш обзор начнём с расположения 1-го Прибалтийского фронта и далее будем двигаться на юг к правому крылу 1-го Белорусского фронта, вступившего в бои на день позже остальных оперативно-стратегических объединений.

На карте группы армий «Центр» (ил. 2) от 21 июня 1944 г.¹ отсутствует 6-я гвардейская армия генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. 1-й Прибалтийский фронт в глазах немецкого командования состоял всего

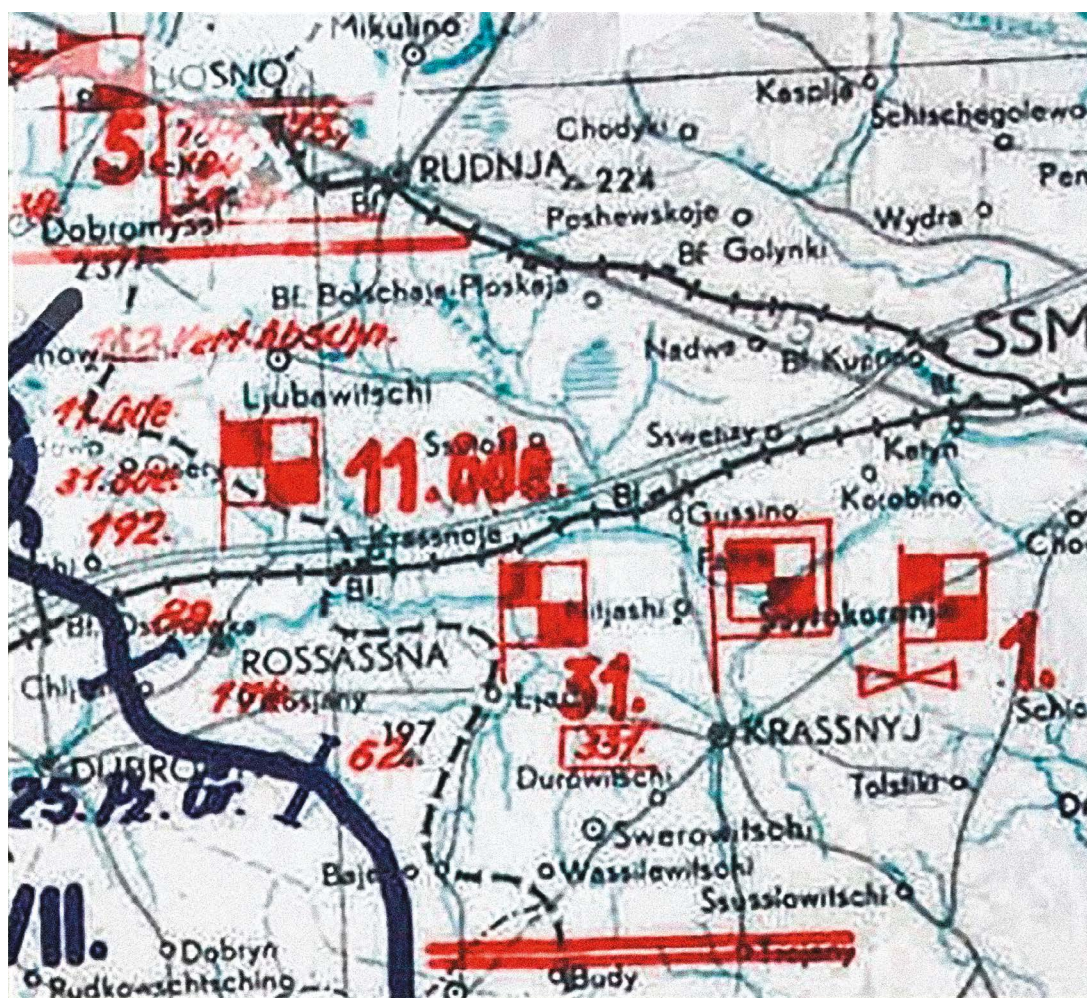
из двух сухопутных армий: 4-й ударной и 43-й. На датированной 21 июня 1944 г. карте оперативного управления ОКХ² 6-я гвардейская армия обозначена на левом фланге 2-го Прибалтийского фронта.

В действительности войска генерал-лейтенанта И.М. Чистякова были переданы фронту И.Х. Баграмяна ещё в начале февраля 1944 г., но оставались в прежнем районе дислокации около четырёх месяцев. Штаб гвардейского объединения обозначен, например, на «отчётной карте обстановки войск 2-го Прибалтийского фронта» за период 1–4 июня 1944 г.³ Переброска войск

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

² Там же. Оп. 12457(1). Д. 1092.

³ ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 813.

Ил. 3. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» от 21.06.1944 г. с правильно обозначенными советскими общевойсковыми армиями

осуществлялась в режиме строжайшей секретности. Иван Михайлович Чистяков вспоминал: «Итак, за три-четыре ночи нам предстояло пройти 110 километров и встать в тыл 154-й стрелковой дивизии 22-й армии¹, причём скрытно не только от противника, но и от войск 154-й дивизии»[1]. Командование 6-й гвардейской армии при этом выполняло роль «комиссии по проверке обороноспособности полков дивизии»².

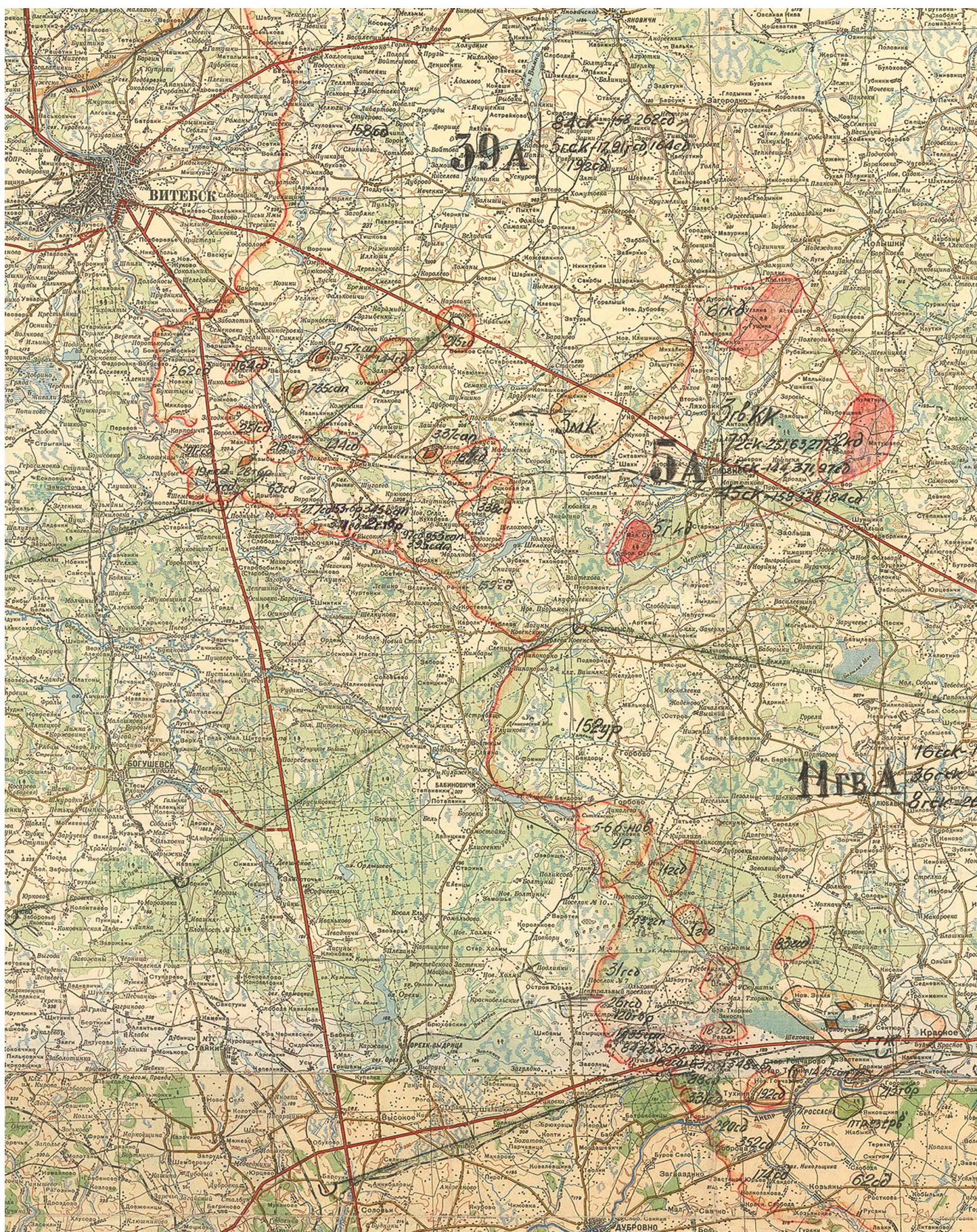
В расположении 4-й ударной армии на карте группы армий «Центр»

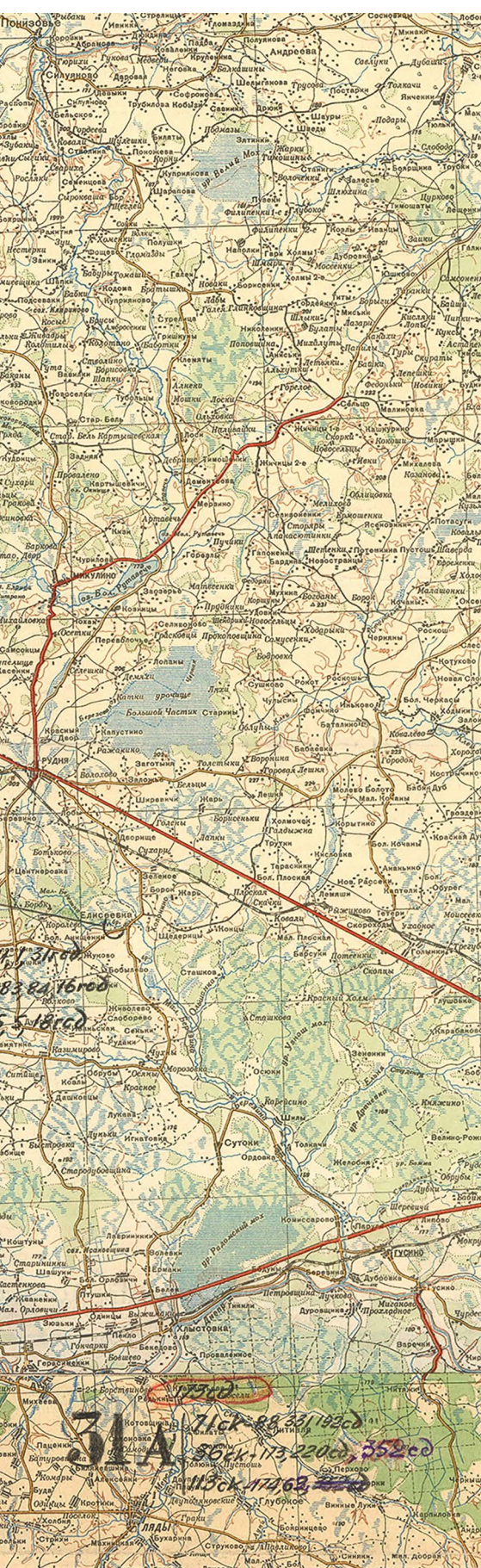
от 21 июня 1944 г.³ обозначен 5-й танковый корпус. Информация о дислокации данного крупного подвижного соединения также seriously устарела. В состав оперативно-стратегического объединения И.Х. Баграмяна корпус входил до 2 апреля 1944 г., после чего был подчинён 2-му Прибалтийскому фронту. Здесь следует отметить, что даже во время неудачной Витебской операции (3 февраля – 13 марта 1944 г.) он был задействован лишь частично, а в полном составе на витебском направлении последний раз находился в начале января,

¹ И.М. Чистяков допустил неточность: 154-я стрелковая дивизия до начала июня была подчинена 43-й армии, затем — 6-й гвардейской, но находилась в составе 22-го гвардейского стрелкового корпуса.

² ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 813.

³ ЦАМО. Ф. 500. 12455. Д. 1702.

Ил. 4. Фрагмент карты войск 3-го Белорусского фронта по состоянию на утро 23.06.1944 г.

после чего перешёл на правый фланг фронта. Вероятно, за 5-й танковый корпус, передислокация которого во 2-й Прибалтийский фронт осталась противником незамеченной, был принят только что прибывший из резерва Ставки Верховного Главнокомандования 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова.

Менее эффективно от врага удалось скрыть 11-ю гвардейскую армию 3-го Белорусского фронта. На карте ОКХ¹ мы видим, что противник обнаружил присутствие некоего объединения, идентифицировав его как гвардейское. Более того — эта неизвестная армия обозначена уже 17 июня². Командовавший 11-й гвардейской армией генерал К.Н. Галицкий в своих военных мемуарах даёт развёрнутое описание комплекса мероприятий по скрытной переброске войск на расстояние 250–300 км. Однако в непосредственной близости от линии соприкосновения с противником местность «почти полностью была лишена лесов». «Это значило, что войскам предстояло двигаться чуть ли не на виду у противника. Ведь отсюда было не более 30–40 км до линии фронта, и вражеская авиаразведка легко могла обнаружить нас», — разъясняет К.Н. Галицкий [2].

Как видно на картах генерального штаба Сухопутных войск вермахта, «вражеская авиаразведка» всё же зафиксировала скопления советских войск. Если же обратиться к карте группы армий «Центр» за 21 июня³ (ил. 3), здесь перед нами предстанет любопытное обстоятельство: все общевойсковые армии генерал-полковника И.Д. Черняховского идентифицированы и расположены в чётком соответствии с действительностью. Практически идентично представлено оперативное положение войск фронта на соответствующей советской карте⁴ (ил. 4), отражающей обстановку на утро 23 июня. В связи с этим напрашивается предположение, что в оперативном отделе группы армий «Центр» более актуальная информация нанесена позже, хотя и в тот же день. Однако изучение карт генерального штаба Сухопутных войск вермахта за последующие периоды делает это предположение несостоятельным, что будет рассмотрено ниже.

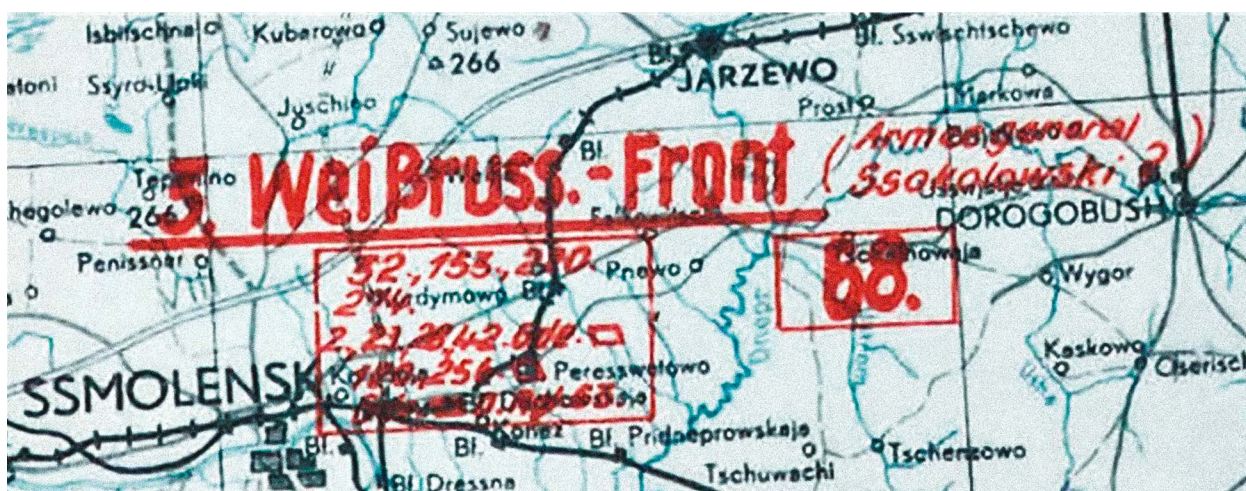
Ход событий Витебско-Оршанской операции показал, что обнаружение армии К.Н. Галицкого не имело отрицательных последствий, так как умело были зама-

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1092.

² Там же. Оп. 12455. Д. 1701

³ Там же. Д. 1702.

⁴ ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 323.

Ил. 5. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» от 21.06.1944 г.
Обозначена несуществующая с осени 1943 г. 68-я армия, а командующим
3-м Белорусским фронтом вместо И.Д. Черняховского указан В.Д. Соколовский

скированы танковые и механизированные силы, а также кавалерийские соединения. Как известно, оперативно-стратегическое объединение генерала И.Д. Черняховского имело мощнейшие среди всех задействованных на первом этапе операции «Багратион» фронтов подвижные силы. Скрыть 5-ю гвардейскую танковую армию советскому командованию было несложно: на карте, отражающей боевые действия конно-механизированной группы (генерала Н.С. Осликовского) за период с 23 июня по 10 июля 1944 г. мы видим, что исходные позиции двух корпусов маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова располагались в Смоленской области в районе Катыни. Однако у переднего края дислоцировались 2-й гвардейский танковый и 3-й гвардейский механизированный корпуса, которые враг также не заметил. На картах ОКХ и группы армий «Центр» в расположении 3-го Белорусского фронта не обозначено ни одного крупного подвижного соединения.

При изучении советской карты¹ можно заметить небрежность исполнителя: 3-й гвардейский механизированный корпус обозначен как «3 мк» без «гвардейского».

В действительности 3-й механизированный корпус ещё осенью 1943 г. за заслуги в боях получил наименование «8-й гвардейский механизированный». На картах наносилось обозначение несуществующего соединения, но командование фронта, по всей видимости, не придавало значения таким нюансам.

В районе Смоленска на карте группы армий «Центр»² отображена 68-я армия (ил. 5). Данное объединение принимало участие в освобождении Смоленской области осенью 1943 г. и в ноябре было расформировано. Это, как видно, осталось незамеченным немецкой разведкой. Между тем все соединения упразднённой армии были задействованы в операции «Багратион». Управления стрелковых корпусов к 23 июня 1944 г. находились в 49-й (69-й и 81-й ск) и 5-й армиях 2-го и 3-го Белорусских фронтов соответственно. Стрелковые дивизии — в 31-й, 39-й, 49-й и 5-й армиях. Три дивизии оказались в составе 31-й армии генерала В.В. Глаголева, наступавшей на левом фланге И.Д. Черняховского.

Важно отметить, что прибытие в командование фронтом этого военачальника немцы не заметили, поскольку на карте

¹ ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 116.

² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

значится «генерал армии Соколовский»¹. Характерно, что упразднение Западного фронта (24 апреля 1944 г.), которым до 14 апреля 1944 г. командовал Василий Данилович Соколовский, и появление 3-го Белорусского фронта на немецких картах отобразились только 30 мая².

2-й Белорусский фронт, сформированный 24 апреля 1944 г. из трёх левофланговых армий упразднённого Западного фронта одновременно с 3-м Белорусским фронтом, в отличие от последнего, отмечался на немецких картах уже с 10 мая³. Как видно, до 10 мая противник обозначал 33-ю армию в центре фронта, а 49-ю — на его правом фланге. Командующим вплоть до окончания первого этапа Белорусской стратегической операции указывался «генерал-oberст Курочкин»⁴. Этот военачальник действительно командовал 2-м Белорусским фронтом, но — первого формирования. Под руководством генерал-полковника Павла Алексеевича Курочкина была проведена неудачная Полесская операция, во время которой противнику удалось деблокировать Ковель — один из крупнейших железнодорожных узлов Европы. Фронт был расформирован и воссоздан далеко на востоке, а командующий заменён. Но прежде, чем данное оперативно-стратегическое объединение возглавил генерал Г.Ф. Захаров, командовал фронтом И.Е. Петров (которого в начале марта 1944 г. понизили до звания генерал-полковника).

Интерес представляет оценка противником состава армий 2-го Белорусского фронта. Фланговые объединения — 33-я и 50-я армии, которыми командовали генерал-лейтенанты В.Д. Крюченкин и И.В. Болдин соответственно, на карте группы армий

«Центр» имели по семь стрелковых дивизий⁵, а центральная 49-я армия генерал-лейтенанта И.Т. Гришина — всего пять. Командующий фронтом, состоящим из трёх армий, не мог усиливать фланги, оставляя слабым центр. Как известно, во время крупных операций Ставка в любой момент могла перенести линию разграничения между фронтами, и фланговая армия в полном составе вместе со всеми средствами усиления оказывалась в составе соседнего оперативно-стратегического объединения.

Обратимся к карте оперативного положения войск 2-го Белорусского фронта на 22 июня 1944 г.⁶ (ил. 6). Генерал-полковник Г.Ф. Захаров закономерно собрал мощнейшую ударную группировку в центральной 49-й армии, насытив её едва ли не всеми артиллерийскими, бронетанковыми и механизированными частями фронтового усиления. В 33-й армии таких не имелось, а 50-й армии достались всего два самоходно-артиллерийских полка, одна истребительно-противотанковая бригада и один корпусной пушечный артиллерийский полк. Напомним, что 33-я армия уже 5 июля была передана в состав соседнего 3-го Белорусского фронта.

Немецкая разведка не обнаружила в составе 2-го Белорусского фронта воздушной армии. В расположении остальных фронтов мы видим чётко идентифицированные 3-ю, 1-ю, 16-ю и 6-ю воздушные армии⁷. Последние две были подчинены 1-му Белорусскому фронту, но 2-й Белорусский, согласно немецким картам, на момент начала операции «Багратион» сколь-нибудь крупных воздушных сил не имел. Между тем незамеченной осталась 4-я воздушная армия К.А. Вершинина, героя крупнейших воздушных сражений над Кубанью.

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

² Там же. Оп. 12457(1). Д. 1069., Д. 1070.

³ Там же. Д. 1049., Д. 1050.

⁴ Там же. Оп. 12455. Д. 1702.

⁵ Там же.

⁶ ЦАМО. Ф. 46. Оп. 2394. Д. 869.

⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

В составе правого крыла 1-го Белорусского фронта германская разведка не обнаружила войска 28-й армии. На отчётной карте, отражающей положение правого крыла 1-го Белорусского фронта, видно, что штаб армии генерал-лейтенанта А.А. Лучинского находился в непосредственной близости от штаба 65-й армии генерал-лейтенанта П.А. Батова¹ (ил. 7). На соответствующей карте группы армий «Центр» на месте дислокации штаба объединения генерала А.А. Лучинского отмечены только дивизии 65-й и 61-й армий. Скрыть от врага армию, действовавшую до конца марта 1944 г. в составе 3-го Украинского фронта, удалось благодаря комплексу маскировочных мероприятий по её передислокации в юго-восточную Белоруссию. Генерал С.И. Руденко, командовавший 16-й воздушной армией, вспоминал: «...с большой высоты практически исключалась возможность обнаружения войск, тщательно укрытых в лесах. Опытные экипажи систематически облётывали районы расположения своих частей, визуально просматривали и фотографировали коммуникации, пункты выгрузки. Если обнаруживались демаскирующие признаки, штаб фронта добивался немедленного их устранения» [3]. Немецкие карты свидетельствуют, что операция по скрытной передислокации 28-й армии на юго-восток Белоруссии в мае–июне 1944 г. была проведена успешно.

Нанесение генералом К.К. Рокоссовским (получившим после успешно проведённой Бобруйской операции звание Маршала Советского Союза) «двух главных ударов» предусматривало ввод в бой крупных танковых соединений и конно-механизированной группы. Мощные подвижные силы, наличие которых свидетельствовало о готовящейся наступательной операции на большую глубину, немецкая

разведка не отметила (ил. 8). Командованию фронта удалось скрыть 1-й гвардейский и 9-й танковые корпуса, а также 1-й механизированный корпус. Более того, местность, где в бой вводился 1-й гвардейский танковый корпус, на германских картах была помечена условным знаком «непроходимые болота».

Карты оперативного управления генерального штаба Сухопутных войск и оперативного отдела штаба группы армий «Центр» за период проведения Витебско-Оршанской, Могилёвской и Бобруйской операций свидетельствуют, что противник сравнительно долго оставался в неведении относительно состава советских фронтов, подвижных сил и, следовательно, о масштабе начавшейся операции (ил. 9).

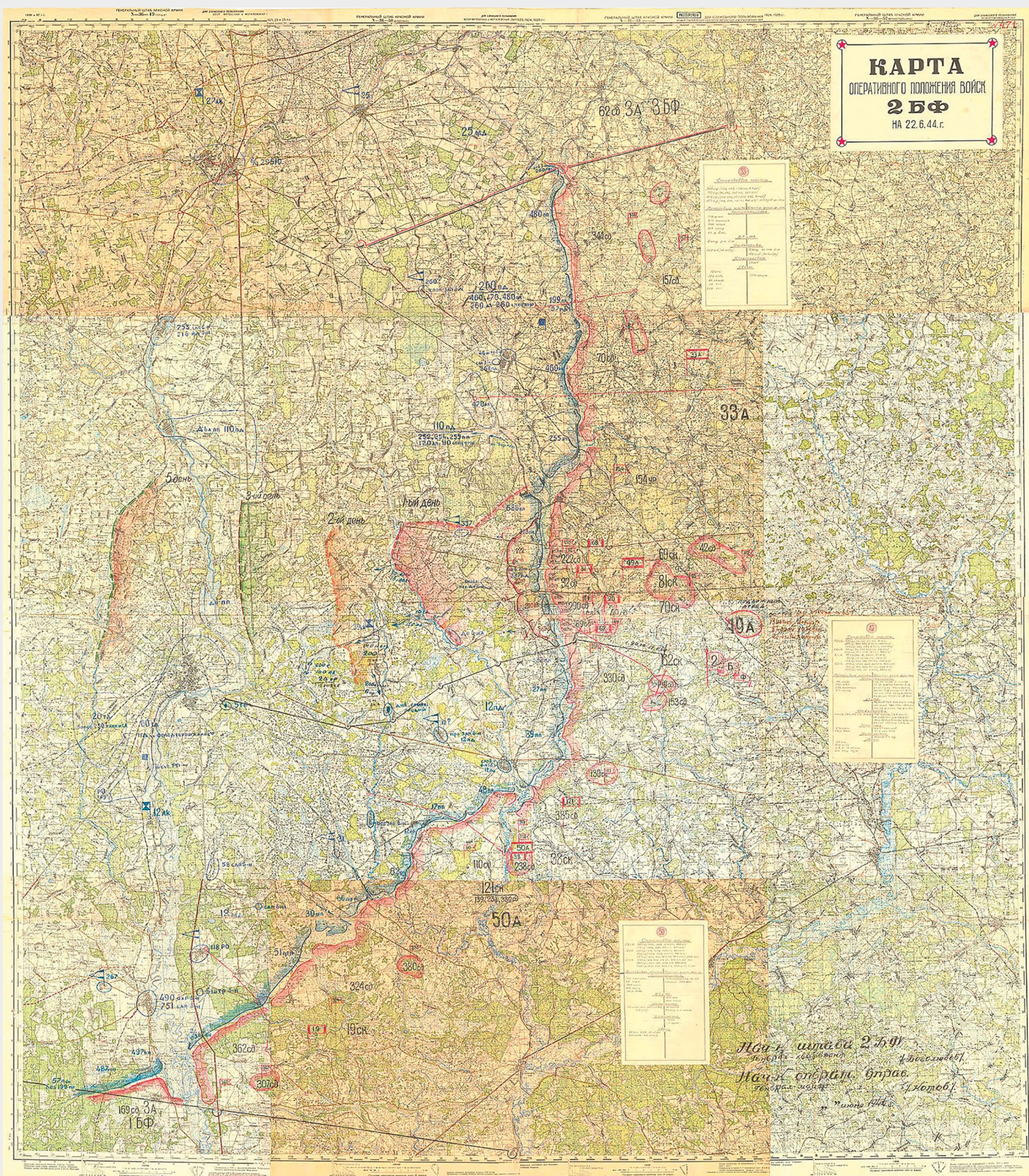
Только на второй день боёв в полосе наступления 1-го Прибалтийского фронта противник идентифицировал 6-ю гвардейскую армию². 25 июня был обнаружен 1-й танковый корпус В.В. Буткова³. В составе 3-го Белорусского фронта 24 июня немцы обозначили «8-й танковый корпус», который был расформирован ещё осенью 1942 г., а его последним командиром являлся именно Василий Васильевич Бутков. На карте генерального штаба ОКХ от 27 июня обозначены четыре танковых корпуса (далее — тк), из которых два — 2-й гвардейский и 3-й гвардейский (входивший в 5-ю гвардейскую танковую армию) действительно оперировали в данном районе. Остальные подвижные соединения были идентифицированы неверно: здесь отмечены несуществующий 8-й тк и располагавшийся в 500 км севернее 5-й тк⁴. Изучение отчётной карты 3-го Белорусского фронта приводит к выводу, что за 8-й танковый корпус был принят 29-й тк, однако сложнее определить, какое соединение действовало значительно западнее — там, где противник отметил 5-й

¹ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 268.

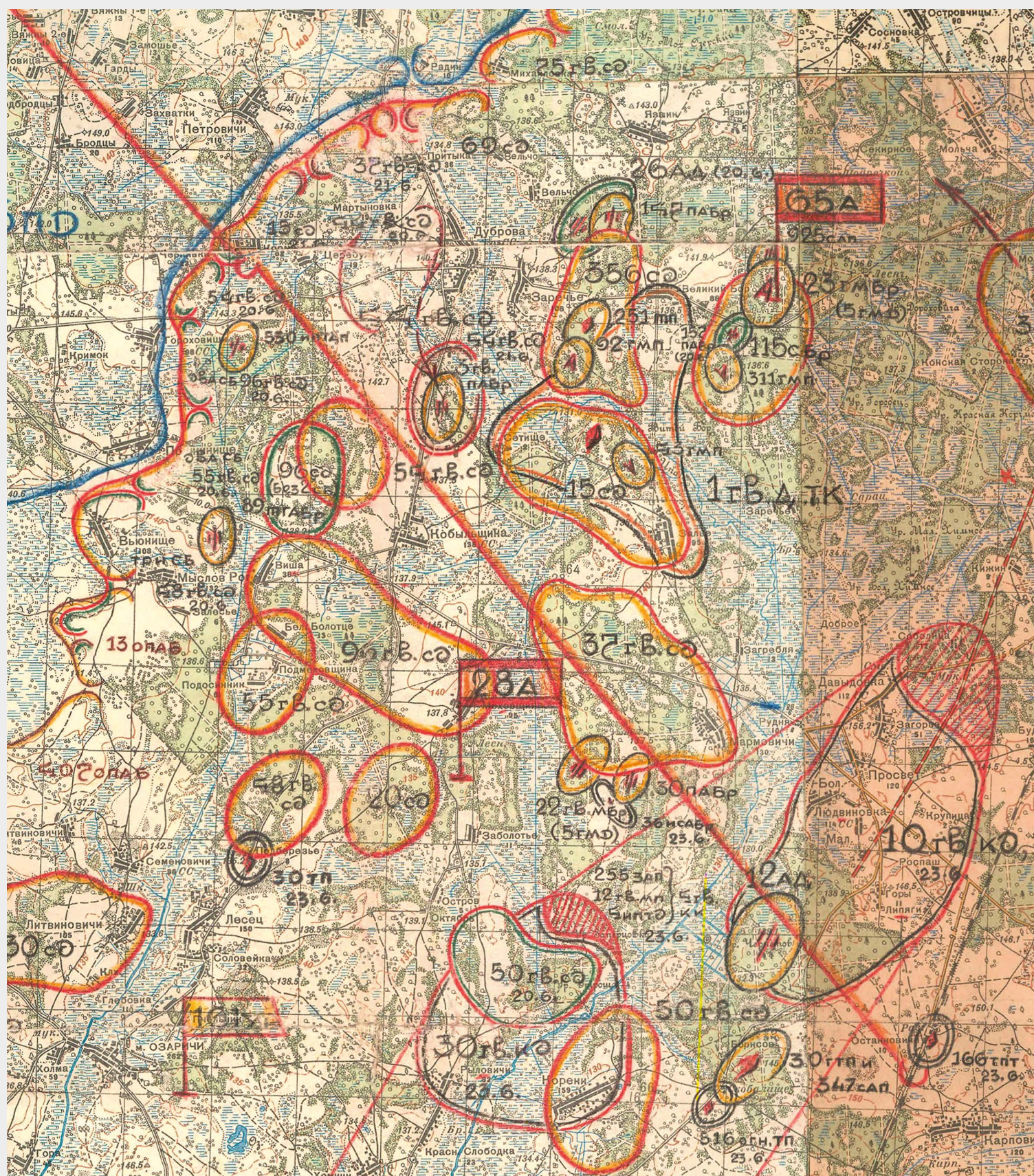
² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1095.

³ Там же. Д. 1096.

⁴ Там же. Д. 1098.

Ил. 6. Карта оперативного положения войск 2-го Белорусского фронта на 22.06.1944 г.

Ил. 7. Фрагмент отчётной карты правого крыла 1-го Белорусского фронта за 19–23.06.1944 г.

Ил. 8. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» за 21.06.1944 г.
1-й гвардейский, 9-й танковый и 1-й механизированный корпус не обозначены

танковый корпус. Напрашивается предположение, что этим формированием мог быть 3-й гвардейский механизированный корпус, который насчитывал 170 танков. Соединение генерала В.Т. Обухова, идентифицированное только 28 июня, состояло из так называемых ленд-лизовских танков. 5-й танковый корпус также имел на вооружении американскую технику, хотя в основном танковый парк был представлен отечественными Т-34.

Обращает на себя внимание и появление на карте генерального штаба ОКХ от 27 июня 1944 некой «танковой группы» «Родин». Интересно, что знак «песочные часы» обозначает штаб корпуса, однако обрамление свидетельствует именно о «группе». В штабе группы армий «Центр» данное формирование было названо «танковая армия Родин» (карта от 25 июня 1944 г.)¹ (ил. 10). Генерал Алексей Григорьевич Родин командовал

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1703.

	24.06	25.06	26.06	27.06	28.06	29.06
1 Прибалтийский фронт	Обнаружение 6-й гв. А	Обнаружение 1 тк				
3 Белорусский фронт	Обозначение 8 тк		31 А на фланге; обозначение 2 гв. тк	Обнаружение 3 гв. тк; Обозначение Т. гр. "Родин"	Обнаружение 3 гв. мк	
2 Белорусский фронт		Обнаружение ударной группировки 49 А		Обнаружение неизвестного танкового корпуса		Исчезновение неизвестного танкового корпуса
1 Белорусский фронт			Обнаружение 1 гв. и 9 тк	Обнаружение 1 мк		Обнаружение 28 А; Обозначение Т. гр. "Волков"

Ил. 9. Изменения состава 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов на картах оперативного управления генерального штаба сухопутных войск вермахта и оперативного отдела группы армий «Центр» за 23–29.06.1944 г.

Ил. 10. Обозначения танковых сил 3-го Белорусского фронта на картах оперативного управления генерального штаба сухопутных войск вермахта и оперативного отдела группы армий «Центр» за 27.06.1944 г.

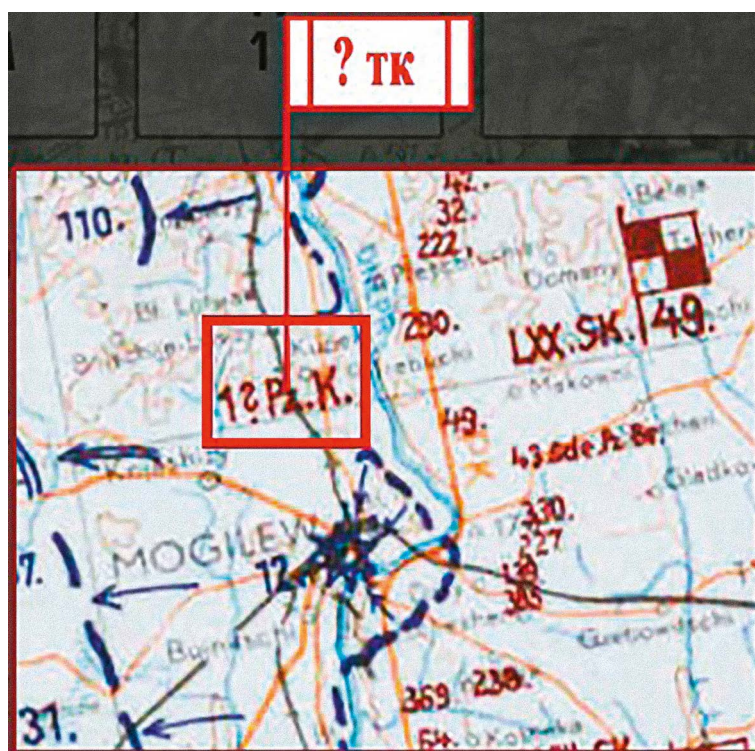
танковой армией в 1943 г., в том числе в Курской битве, но с сентября находился на должности командующего бронетанковыми и механизированными войсками Западного фронта, переформированного большей частью в 3-й Белорусский фронт.

Таким образом, определённая логика в наименовании танковой армады оперативно-стратегического объединения И.Д. Черняховского имелась.

Завершая обзор изменений на немецких картах в полосе наступления 3-го Бе-

лорусского фронта, отметим следующий любопытный факт. На карте генерального штаба ОКХ от 21 июня 1944 г.¹, т.е. накануне осуществлённой тремя фронтами разведки боем, как было указано выше, 11-я гвардейская армия оказалась не идентифицированной и располагалась вдали от переднего края. При этом карта штаба ГА «Центр» за тот же день отражала расположение 5-й, 11-й гвардейской и 31-й армий в соответствии с действительностью² (см. ил. 4). Логично было предположить, что на карте ОКХ за следующий день армии 3-го Белорусского фронта должны располагаться в соответствии с актуализированными данными штаба ГА «Центр», однако за исключением идентификации 11-й гвардейской армии изменений в оперативном построении объединений фронта не произошло: армия генерала К.Н. Галицкого располагалась на фланге, а армия генерала В.В. Глаголева – где-то в тылу, едва ли не на тактической глубине. Актуальные сведения о построении войск общевойсковых армий 3-го Белорусского фронта в генеральном штабе ОКХ оказались только 26 июня³, о чём свидетельствует карта от 25 июня⁴.

Ударную группировку 2-го Белорусского фронта (далее – 2 БФ) немцы отобразили на карте ГА «Центр» от 25 июня⁵. При этом точно была отмечена 43-я гвардейская танковая бригада, подчинённая на непродолжительный срок 70-му стрелковому корпусу, который обозначен юж-

Ил. 11. Обозначение неизвестного танкового корпуса в полосе наступления 2-го Белорусского фронта на карте оперативного отдела группы армий «Центр» за 27.06.1944 г.

нее. Через два дня к северу от Могилёва противник отметил присутствие «одного» танкового корпуса⁶ (ил. 11). Как известно, у генерала Г.Ф. Захарова крупных танковых соединений не имелось. На отчётной карте 2 БФ, охватывающей период проведения Могилёвской операции, к северу от областного центра обозначена, как и следовало предполагать, подвижная группа⁷ (ил. 12). Фронты и армии, не располагавшие крупными танковыми соединениями, собирали из большей части подвижных формирований данный элемент оперативного построения. В 49-й армии 2 БФ имелись две танковые бригады, танковый полк и семь самоходных артилле-

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1092.

² Там же. Оп. 12455. Д. 1702.

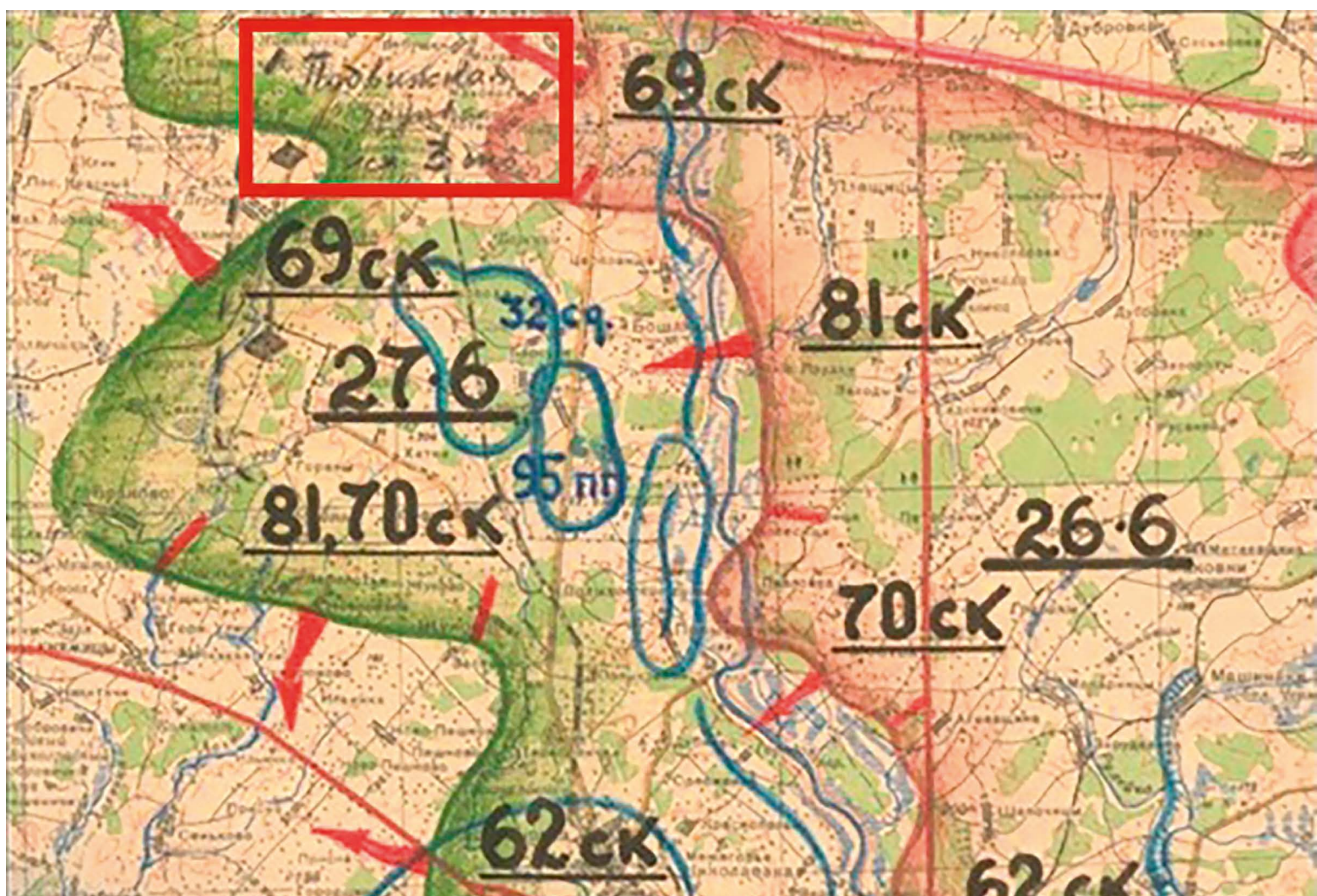
³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1097.

⁴ Там же. Д. 1096.

⁵ Там же. Оп. 12455. Д. 1703.

⁶ Там же. Оп. 12457(1). Д. 1098.

⁷ ЦАМО. Ф. 46. Оп. 2394. Д. 869.

Ил. 12. Фрагмент карты боевых действий 2-го Белорусского фронта за период с 23 по 28 июня 1944 г. с обозначением подвижной группы

рийских полков. Эти силы, действовавшие в одном районе, и были приняты за танковый корпус. Его обозначение пропало на немецкой карте от 29 июня, т.е. на следующий день после завершения первой операции 2 БФ¹.

Крупные танковые соединения правого крыла 1-го Белорусского фронта на немецких картах впервые были обозначены лишь на третий день операции, в то время, когда передовые части 1-го гвардейского и 9-го танковых корпусов находились

в непосредственной близости от Бобруйска, двигаясь с юга и востока соответственно и охватывая вражескую бобруйскую группировку². На следующий день на карту ОКХ впервые было нанесено обозначение 1-го механизированного корпуса, входившего в конно-механизированную группу генерал-лейтенанта И.А. Плиева³. Отметим, что 4-й гвардейский кавалерийский корпус на первом этапе операции «Багратион» так и не был опознан противником: в районах действий советских конников немецкие

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1100.

² Там же. Д. 1097.

³ Там же. Д. 1098.

штабные офицеры на картах ставили вопросительные знаки.

В день завершения Бобруйской операции 29 июня немцы впервые обозначили 28-ю армию¹. Мы видим условный знак штаба армии, но при этом на карте отсутствуют управления стрелковых корпусов. Одновременно появилось обозначение неизвестной «танковой группы» «Волков», условный знак которой будет наноситься в течение всех оставшихся дней первого периода операции «Багратион». В отличие от «танковой группы» «Родин» происхождение этого наименования остаётся загадкой, но можно сделать два предположения.

Единственным генералом танковых войск в тот период по фамилии «Волков» являлся Михаил Васильевич Волков — с 1942 г. бессменный командир 5-го механизированного корпуса (в сентябре 1944 г. преобразован в 9-й гвардейский), летом 1944 г. входившего в 6-ю танковую армию 2-го Украинского фронта. При этом следует отметить, что в 1943 г. данное соединение действовало в составе Западного фронта, приняв участие в Смоленско-Рославльской операции, следовательно, вступало в боестолкновения с формированиями группы армий «Центр». Среди командиров бронетанковых и механизированных частей — представителей старшего офицерского состава, действовавших в районе, где была обозначена группа «Волков», следует вы-

делить командира 354-го гвардейского тяжёлого самоходно-артиллерийского полка (подчинённого 65-й армии) подполковника Г.В. Волкова.

Подводя итог, отметим самый масштабный провал германской разведки за всю Вторую мировую войну. Карты свидетельствуют, что немцы не обнаружили или обнаружили слишком поздно три общевойсковые армии (включая две гвардейские), одну танковую армию, одну воздушную армию, три танковых, два механизированных и два кавалерийских корпуса, не говоря об артиллерийских средствах усиления. Германское командование не заметило прибытия новых фронтовых командующих, в том числе и такого молодого перспективного полководца, как И.Д. Черняховский. Карты, отражающие обстановку за первую неделю операции «Багратион», — беспристрастные свидетели паники, царившей и в штабе группы армий «Центр», и в генеральном штабе сухопутных войск вермахта. Многочисленные вопросительные знаки красного цвета, неверная идентификация соединений и даже объединений, обозначение несуществующих формирований, включая «танковые группы» с присвоением имён военачальников, — всё это наглядная констатация факта самого крупного достижения Красной армии в противостоянии сильнейшему врагу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистяков И.М. Служим Отчизне. М.: Воениздат, 1985. С. 199.
2. Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. 1941–1944: Записки командующего армией. М.: Наука, 1973.
3. Руденко С.И. Крылья Победы. М.: Международные отношения. 1985. С. 196.

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1100.

Bagration Operation: the Cartographic Mark

Artyom Igorevich Domnin — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: hartwood@yandex.ru

In the spring-summer of 1944, when the Belarusian strategic offensive operation was under preparation, the Soviet command implemented a range of camouflage and misinformation measures. The overall result was a complete misinformation of the enemy about a powerful attack being prepared on the central section of the Soviet-German front. This fact was covered in detail in the memoirs of military commanders and in respectable writings of historians. However, such an important source as cartographic materials, primarily headquarters maps produced during military operations, has been unjustly neglected. The key sources for this paper were German maps, which showed not only the position of the German troops, but also the formations and alliances of the Red Army as seen by the German headquarters. Soviet front maps were included in the paper as a comparison with the real situation. All of these evidence the effectiveness of the Soviet intelligence in misinforming the enemy and the front commanders in implementing the camouflage of the strike groups.

Keywords: military maps, German intelligence mistakes, field camouflage, assessment of forces, Operation Bagration

REFERENCES

1. Chistyakov I.M. Sluzhim Otchizne. M.: Voenizdat, 1985. S. 199 (in Russian).
2. Galitskii K.N. Gody surovyykh ispytaniy. 1941–1944: Zapiski komanduyushchego armiei. M.: Nauka, 1973 (in Russian).
3. Rudenko S.I. Kryl'ya Pobedy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1985. S. 196 (in Russian).

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИЕ СПОРТА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Индекс УДК 94(47).084.8

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-125-139

Е.Ю. ЗУБКОВА*

Война и судьба памятников культуры: на пути к возрождению. «Новгородский феномен»

В статье на примере «Новгородского феномена» рассматриваются проблемы восстановления памятников культуры, утраченных и пострадавших в годы Великой Отечественной войны. Эта работа началась в Новгороде ещё до завершения войны — сразу после освобождения города — и представляла собой уникальный проект его возрождения из руин. Парадоксальным образом война дала шанс на реализацию перспективной идеи превращения Новгорода в город-заповедник, воплощённой в Генеральном плане, который был разработан под руководством А.В. Щусева (1945 г.). Новый поворот — смена концепции развития города — состоялся в конце 1940-х гг., когда на фоне общих перемен в стране новгородское руководство отказалось от идеи создания историко-культурного заповедника и вернулось к прагматичному проекту «социалистического города» — административно-промышленного центра.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, памятники культуры, восстановление, градостроительство, Новгород

С первых дней Великой Отечественной войны стало очевидно, что это будет война на уничтожение; однако вначале никто не мог предвидеть ни её масштаб, ни размер понесённых утрат, в том числе утрат культурных. Первые обобщённые данные об ущербе, на-

несённом памятникам культуры России, были обнародованы в 1944 г. от имени Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК). Эксперты ЧГК оценили размер ущерба, причинённого памятникам и учреждениям культуры на территории РСФСР, в сумму 1268,8 млн рублей, в том

* **Зубкова Елена Юрьевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра социальной истории России Института российской истории РАН.
E-mail: elena.zubkova@mail.ru

числе военные утраты и разрушения российских музеев (без художественных) составили 652 млн рублей [1].

Первые шаги по спасению памятников культуры

Как восстанавливать утраченное культурное наследие? Этот вопрос волновал людей, неравнодушных к судьбам отечественной культуры, задолго до окончания военных действий. 23 декабря 1941 г. Президиум Академии наук СССР создал специальный комитет, которому поручалось заняться выяснением размера ущерба, нанесённого памятникам культуры в освобождённых районах. Распоряжением СНК СССР 26 апреля 1942 г. была создана Комиссия по учёту и охране памятников искусства при Комитете по делам искусств, её возглавил И.Э. Грабарь, а в состав комиссии вошли известные архитекторы, скульпторы, искусствоведы, реставраторы.

Комиссия Грабаря призвана была решать широкий круг задач: обследование памятников культуры и фиксация нанесённых им повреждений, подготовка материалов к реставрации (разработка проектов, чертежей, моделей реставрируемых объектов), контроль за охраной и реставрацией памятников архитектуры, скульптуры и живописи на всей территории СССР независимо от того, в чьём ведении они находились. Комиссия получила право возбуждать уголовное преследование против лиц, нарушающих законоположение об охране памятников, в частности допускающих самовольные переделки, перестройки и слом охраняемых государством культурных объектов [2, с. 281–320]. Однако, несмотря на широкий круг официальных полномочий, возможности их реализации в условиях военного времени были весьма невелики и, как правило, ограничивались обследованием состояния и фиксацией разрушений выдающихся историко-культурных объектов. Эта деятельность была хотя и скромнее первоначальных замыслов, но исключительно важна для решения их послевоенной судьбы.

После создания в ноябре 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссии вся работа по учёту и оценке ущерба, нанесённого культурному достоянию страны, была сосредоточена в ней. С этого момента деятельность по фиксации военных потерь, определению их масштабов и возможностей послевоенных компенсаций становится частью государственной культурной политики. Члены Комиссии по учёту и охране памятников искусства, как и другие эксперты, принимали самое деятельное участие в работе ЧГК и её местных структур — региональных чрезвычайных комиссий.

Вместе с тем руководитель Комиссии по учёту и охране памятников искусства И.Э. Грабарь видел свою главную задачу в том, чтобы не только фиксировать утраты и повреждения, но и, во-первых, спасти сохранившиеся культурные объекты от прогрессирующего разрушения, а во-вторых, начать, по возможности, их восстановление.

Вернувшись из поездки по разорённым войной городам России и Украины, он под впечатлением увиденного обратился 11 марта 1944 г. с письмом к В.М. Молотову: «В Киеве, Чернигове, Смоленске, Новгороде частью полностью разрушено, частью полуразрушено свыше 20 памятников древнерусской архитектуры... В спасении их остатков заинтересован не только создавший их русский народ, но и всё человечество» [3].

Новгород после освобождения: культурные утраты

У каждого города была своя история возрождения. Среди них Новгород занимает особое место. Более двух лет древний русский город находился в непосредственной близости от линии фронта и под оккупацией: по городскому валу проходила линия немецкой обороны, купола храмов и колокольни служили наблюдательными пунктами и огневыми точками. Уникальные культурные ценности — храмовая архитектура, иконы, предметы прикладного искус-

Ил. 1. Новгород после освобождения. Торговая сторона. 1945 г.

ства, книги — гибли под перекрёстными обстрелами артиллерии, при бомбёжках и в результате пожаров (ил. 1, 2). В сложной ситуации 1941 г. удалось эвакуировать в тыл лишь часть музейных коллекций. Собрание древнерусских икон, оставшихся в городе, было вывезено оккупантами в Германию, другие ценности разошлись на «сувениры» немецким и испанским солдатам (в Новгороде стояла испанская «Голубая дивизия»). Город лежал в руинах, а масштабы культурных утрат оценила работавшая в Новгороде в феврале-апреле 1944 г. комиссия экспертов: по её данным из 66 обследованных культурных объектов 65-ти был нанесён «тот или иной значительный ущерб», а семь памятников были разрушены полностью [4, с. 266–279].

Красная армия освободила Новгород 20 января 1944 г. (ил. 3). В город стали возвращаться жители и советские учреждения. Людям нужно было жильё, учреждениям — помещения. Поскольку остро не хватало и того, и другого, уцелевшие стены храмов и исторических зданий,

в том числе на территории кремля, превращались во временные убежища для людей и различных контор. Дневниковые записи и воспоминания сохранили впечатления современников о состоянии города и повседневной жизни новгородцев того времени. В октябре 1944 г. в Новгород приехал М.Г. Рабинович, ЦК ВЛКСМ послал молодого историка читать лекции по истории Великого Новгорода для строителей, работающих на восстановлении города. Рабинович ещё в 1937 г. студентом Московского университета принимал участие в Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Теперь он увидел совершенно другой Новгород: «...При первой же возможности я пошёл в “город”? Но города не было ... Каменные здания в развалинах. Кремль, София, Никола на Дворище — все с зияющими пробоинами, обвалившимися углами, пробитыми крышами ... Город моей юности был растоптан сапогом врага» [5].

Здания кремля, пострадавшие меньше других, — Грановитая палата, Духовное училище, Иоанновский корпус — заняли

Ил. 2. Новгород. Звонница Софийского собора со снятыми колоколами. 1944 г. Автор — Г. Петрусов

Ил. 3. Бойцы Красной армии водружают знамя на кремлёвской стене в Новгороде. 20 января 1944 г.

Ил. 4. Новгород. Софийский собор. 1944 г.

партийные и советские структуры, Митрополичьи покои были отданы под Дом Советов. Использование исторических зданий под государственные учреждения практиковалось ещё до войны, теперь эта практика, спорная сама по себе, выстраивала определённую систему приоритетов при организации ремонтно-восстановительных работ и могла повлечь за собой отсрочку их проведения на наиболее значимых культурных объектах [6].

Целый ряд выдающихся памятников русского зодчества находился в аварийном состоянии и требовал срочных мер по их спасению от дальнейшего разрушения, в их числе знаменитый Софийский собор (ил. 4). В течение нескольких месяцев после освобождения города основные заботы о сохранении его культурных ценностей легли на Новгородский краеведческий музей и его нового директора Т.М. Константинову. Было совершенно

очевидно, что проведение таких масштабных и сложных работ не под силу местным учреждениям культуры, тем более одному музею. Он не имел ни ресурсов, ни кадров, ни полномочий для решения такого рода задач.

О ситуации, сложившейся вокруг памятников культуры Новгорода, Константинова в марте 1944 г. писала секретарю ЦК ВКП (б) А.С. Щербакову: «Разрушенные фашистскими вандалами исторические памятники продолжают разрушаться ... Получить стройматериалы и рабочую силу у городских организаций невозможно, так как у них этого мало, да и к тому же имеются неправильные взгляды, что необходимо в первую очередь восстанавливать город, а музеи, памятники могут ждать. Люди не понимают, что если мы сейчас не предпримем элементарных мер по поддержанию памятников, то они погибнут и восстановить их уже никто не сможет...»¹.

¹ Новгородский объединённый государственный музей-заповедник. Архив. Инв. № КП-33077. Л. 70–71.

Из аппарата ЦК ВКП(б) письмо Константиновой было перенаправлено в Наркомат просвещения РСФСР. Оттуда пришёл ответ: Управление музеев Наркомпроса просит Новгородский городской исполком «оказать содействие директору Новгородского музея в восстановлении краеведческого музея и сохранении памятников г. Новгорода... произвести хотя бы небольшие ремонтные работы», помочь музею в получении стройматериалов и рабочей силы. Если следовать позиции Наркомпроса, Новгородский музей объявлялся главной (если не единственной) структурой, ответственной за состояние исторических памятников, а забота о них становилась таким образом проблемой «местного» значения.

На самом деле речь шла о памятниках, находящихся под охраной государства, — культурных объектах, многие из которых имели не только общенациональное, но и мировое значение. Это хорошо понимали специалисты из Комиссии И.Э. Грабаря. В ответ на письмо Константиновой секретарь Комиссии сообщил, что Грабарь уже «предпринял некоторые шаги по спасению новгородских памятников».

Начало возрождения новгородского культурного наследия

В апреле 1944 г. состояние архитектурно-художественных объектов Новгорода обследовала Комиссия, состоящая из представителей Комитета по делам архитектуры, двух Государственных инспекций по охране памятников (Ленинграда и Ленинградской области, в состав которой до июля 1944 г. входил Новгород), городских властей и Новгородского музея. Комиссия составила акты, фиксирующие повреждения всех значимых исторических памятников и наметила первоочередные меры по их консервации: проведение полного разминирования зданий, очистка их от мусора, сооружение временной кровли и заделка проёмов, установка маяков на трещинах в стенах, организация охраны здания. Комиссия считала недопустимым использование

памятника архитектуры, находящегося под охраной государства, в «каких бы то ни было хозяйственно-бытовых целях» [7, с. 7–13].

В мае 1944 г. Комитет по делам архитектуры при СНК СССР и Ленинградский областной отдел архитектуры представили план проведения первоочередных мероприятий по сохранению культурного наследия Новгорода: были выделены 23 объекта, представляющих особую историко-культурную ценность. 10 мая 1944 г. план был одобрен Новгородским обкомом ВКП(б). Летом 1944 г. в Новгороде работали несколько бригад специалистов-реставраторов из Москвы и Ленинграда, которым активно помогали новгородцы. Комитет по делам архитектуры создал специальную Комиссию для научной экспертизы работ по укреплению и восстановлению фресковой живописи в Новгороде, в состав которой вошли академики А.В. Шусев и И.Э. Грабарь, профессора Д.П. Сухов и А.П. Удалёнков, начальник Отдела реставрации Главного управления охраны памятников архитектор П.Д. Барановский. Непосредственно с фресками работала бригада реставраторов под руководством А.В. Виннера.

При расчистке храмовых зданий от мусора тщательно отбирались фрагменты внутренней росписи. Так были обнаружены и собраны фрагменты фресковой живописи Софийского собора, церкви Спаса Преображения на Нередице, Георгиевского собора Юрьева монастыря, церкви Успения на Волотовом поле, церкви Спаса Преображения на Ковалёве. Церковь Спаса на Нередице была разрушена полностью, уцелели только 15% фресок. Группа реставраторов под руководством профессора М.К. Каргера летом 1944 г. провела частичные раскопки руин и укрепление фресок, а через год над руинами церкви был возведён деревянный защитный шатёр [3].

Символическим событием — знаком возрождения Новгорода — стало восстановление и новое открытие памятника «Ты-

Ил. 5. Разрушенный памятник «Тысячелетие России». Январь-февраль 1944 г. Автор — Г. Петрусов

сячелетие России». Перед отступлением частей вермахта он был демонтирован, но вывезти и отправить на переплавку 65,5 тонн бронзы немцы не успели. На месте монумента возвышался гранитный постамент, а вокруг по снегу были разбросаны бронзовые фигуры (ил. 5). В апреле 1944 г. исполком Ленинградского областного совета принял решение о восстановлении памятника, особо подчёркивая «его исключительное значение». Открытие восстановленного монумента состоялось 2 ноября 1944 г. (ил. 6).

1 сентября 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению г. Новгорода». Комитету по делам архитектуры было поручено подготовить свои предложения по вопросам восстановления исторических памятников города. Эксперты Комитета, уже знакомые с состоянием культурных объектов в Новгороде и принимавшие участие в первых работах по их спасению, в ноябре 1944 г.

представили развёрнутый план аварийно-восстановительных мероприятий. Эти материалы потом легли в основу первых правительственных решений «по Новгороду». В постановлении СНК СССР от 13 декабря 1944 г. речь шла о восстановлении новгородского кремля (Детинца). Постановление правительства от 18 июля 1945 г. «О неотложных мероприятиях по сохранению и восстановлению памятников архитектуры и искусства г. Новгорода и его пригородов» носило комплексный характер и касалось всех значимых исторических объектов города. Решением СНК СССР от 1 ноября 1945 г. Новгород был включён в перечень 15 городов России, которые планировалось восстанавливать в первую очередь.

С.Н. Давыдов и Новгородская проектно- реставрационная мастерская

Первый, самый важный этап спасения памятников древнего русского города и на-

Ил. 6. Открытие восстановленного памятника «Тысячелетие России». 2 ноября 1944 г.

чало их послевоенной реставрации связаны с деятельностью Специальной проектно-реставрационной мастерской (создана в мае 1945 г.) и её руководителя С.Н. Давыдова (ил. 7).

Архитектор по образованию, знаток древнерусского зодчества и живописи, Давыдов собрал в мастерской небольшую, но очень квалифицированную команду профессионалов-реставраторов, в основном из Ленинграда. Научно-методическое руководство мастерской на этапе её становления осуществлял профессор А.П. Удалёнков, который занимался реставрацией памятников Новгорода ещё в 1920–1930-е гг. При Главном управлении охраны памятников был создан своего рода координационный центр — Научно-экспертный совет по Новгороду, где рассматривались проекты и планы реставрации. По инициативе Давыдова начались поиск и изучение архивных материалов, необходимых для будущей реставрации. Одновременно шли работы по консервации памятников, укреплению фресок. Специалисты мастерской разработали новую методику укрепления памятников архитектуры, предложив оригинальные инженерные конструкции. Не хватало квалифицированных кадров и просто рабочих рук для разбора завалов и мусора — тогда на помощь приходили студенты и аспиранты Академии архитектуры СССР, а на неквалифицированных работах использовали военнопленных.

Достижения проектно-реставрационной мастерской по сохранению и частичному восстановлению исторических памятников Новгорода уже за несколько месяцев её существования были очевидны. Тем не менее С.Н. Давыдов, подводя первые итоги её работы, с сожалением признавал, что большинство проектов мастерской «остались лишь на бумаге» [4, с. 266–279].

В условиях послевоенной разрухи, режима экономии и системы приоритетов восстановления проекты комплексной реставрации исторических памятников не могли быть реализованы в принци-

Ил. 7. Сергей Николаевич Давыдов. Первый руководитель Новгородской проектно-реставрационной мастерской

Ил. 8. Руины церкви Спаса Преображения на Нередице. 1944 г.

Ил. 9. Проект реставрации церкви Спаса Преображения
на Нередице С.Н. Давыдова

пе. Тем более поражают масштабы работ в Новгороде, осуществлённые Новгородской реставрационной мастерской за первые пять лет её существования. За это время большинство памятников были законсервированы и тем самым спасены от дальнейшего разрушения, на некоторых наиболее ценных проведена фрагментарная реставрация. В 1948 г. было закончено восстановление Софийского собора (без внутренней отделки), в 1949 г. приступили к реставрации церкви Спаса на Нередице (ил. 8, 9).

В 1950 г. Давыдов был снят со своей должности под формальным предлогом «нарушения финансовой дисциплины». На самом деле речь шла о давнем конфликте реставратора с городскими властями, суть которого заключалась в разных представлениях о концепции развития Новгорода: будет он культурным заповедником или административно-промышленным центром. В конце концов верх одержала вторая точка зрения. Этот поворот отразился не только на судьбе Новгородской проектно-реставрационной мастерской и её руководителя. В жертву новой градостроительной политике был принесён и Генеральный план развития Новгорода, разработанный в 1945 г. под руководством А.В. Щусева.

Культурный заповедник или «социалистический город»: перспективы послевоенного развития Новгорода

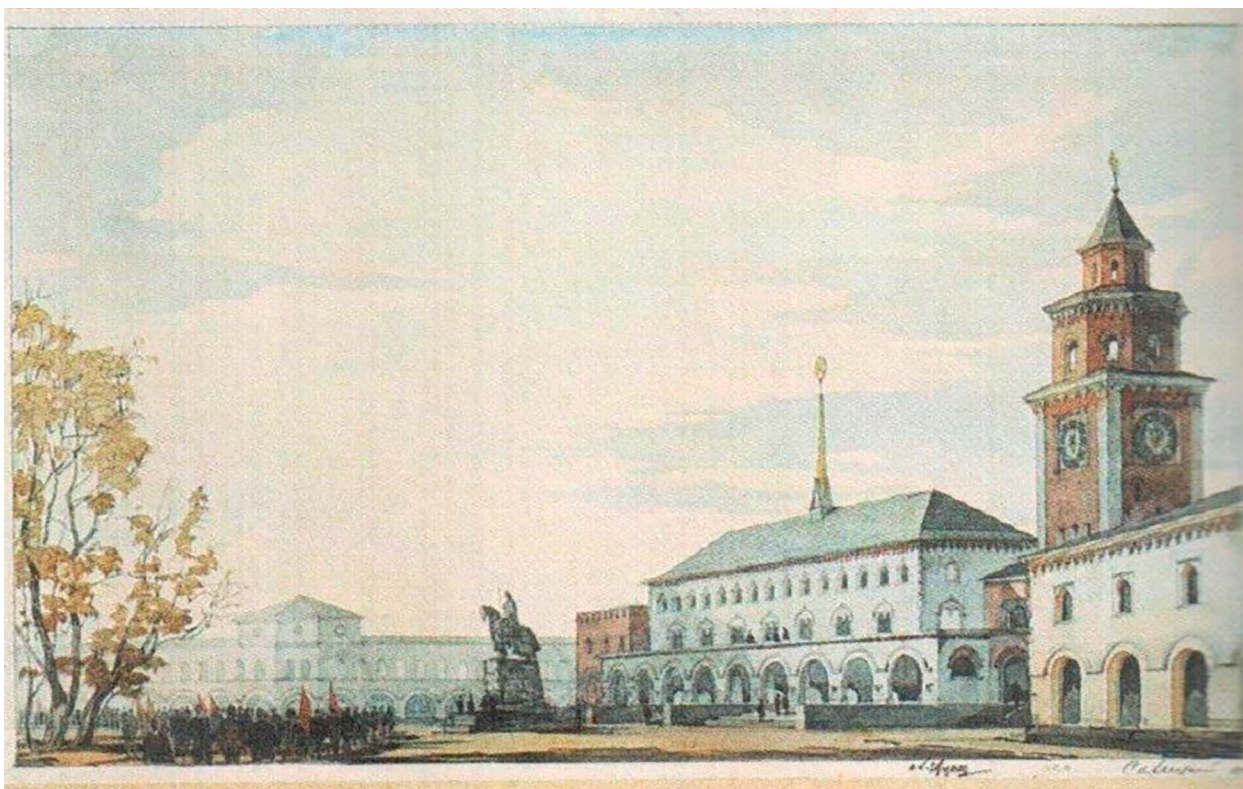
Послевоенное восстановление древних русских городов могло пойти по разным сценариям. Проекты комплексной музеефикации Новгорода — превращения его центральной части в историко-культурный заповедник — существовали ещё до войны, но этим планам тогда не суждено было воплотиться в жизнь. Война, ставшая причиной огромных разрушений и культурных утрат, парадоксальным образом придала идее города-заповедника второе дыхание.

Работа над Генеральным планом Новгорода началась в апреле 1944 г.: Коми-

тет по делам архитектуры поручил двум группам — московской и ленинградской — на конкурсной основе представить свои проекты плана восстановления и развития города [8, с. 350–361]. Московскую группу возглавил академик архитектуры А.В. Щусев, ленинградскую — архитектор Я.Д. Гликин. Главное отличие подготовленных проектов Генерального плана Новгорода заключалось в концепции восстановления кремля. В проекте Щусева Детинец должен был стать историческим заповедником с отселением из него всех городских организаций: новые административные здания вместе с площадью для торжественных мероприятий планировали построить рядом с кремлём. По проекту Гликина за Кремлём сохранялась роль административного центра с размещением в нём основных органов управления городом: ленинградские архитекторы полагали, что это ускорит восстановление, тогда как создание нового городского центра повлечёт за собой неоправданные расходы [9]. В конкурсном соревновании победил проект, представленный мастерской Щусева. Он был утверждён постановлением Совнаркома РСФСР 22 декабря 1945 г. (ил. 10, 11).

Авторитет Щусева безусловно оказал влияние на решение конкурсной комиссии, но главная причина успеха его проекта заключалась в другом: генплан Новгорода, предложенной группой Щусева, в наибольшей степени отвечал идее гармоничного развития города на основе принципов сочетания старого и нового. «Гармония» — ключевое понятие проекта Щусева. Знаменитый архитектор полагал, что в самой исторической планировке Новгорода, особенностях его архитектуры идея гармонии была заложена изначально: «В Новгороде очень ценна и поучительна для архитекторов гармония, которая существует между церквями XIV–XVI вв. и жилыми домами начала XIX. К такой закономерной гармонии мы и стремились, создавая новые ансамбли» [10].

Главное, считал Щусев, при планировании нового строительства в Новгороде

Ил. 10. А.В. Шусев. Генеральный план восстановления и развития Новгорода.
Проект площади Победы с видом на Дом Советов. 1944–1948 гг.

Ил. 11. А.В. Шусев. Генеральный план восстановления и развития Новгорода.
Проект застройки Советской улицы. 1943–1947 гг.

сохранить его «историческое обаяние». Он отмечал изысканную простоту новгородской архитектуры — принцип, которому он стремился следовать, формируя концепцию Генерального плана. По замыслу Щусева в городе создавались два архитектурно-исторических заповедника на разных сторонах реки Волхов: Детинец и Ярославово дворище с Торгом. Новая застройка в центре Новгорода планировалась малоэтажной и стилистически соответствующей историческому облику города. Промышленные предприятия — старые и новые — предполагалось вынести за черту города и расположить в специальном «промышленном» районе за городской автострадой.

Реализация Генерального плана, одобренного Комитетом по делам архитектуры и утверждённого решением правительства РСФСР, с самого начала столкнулась с рядом трудностей. Городские власти упрекали разработчиков в преувеличении роли «древней архаической архитектуры» и рассматривали идею создания города-музея как угрозу принижения его нового статуса: в июле 1944 г. Новгород стал областным центром [9, с. 350–361]. В этих опасениях был свой резон: по канонам советского градостроительства областной центр мыслился как центр промышленный, и только промышленные центры могли рассчитывать на серьёзные инвестиции в развитие городской инфраструктуры и жилищное строительство.

В 1947 г. из Берлина в Советский Союз была возвращена похищенная оккупантами уникальная коллекция новгородских икон [11]. Шли работы по реставрации новгородских храмов, фресковой живо-

писи. Но в 1949 г. в реставрационные планы были внесены коррективы, связанные со сменой общей концепции развития города. По инициативе Новгородского областного комитета ВКП(б) и его нового секретаря М.Н. Тупицына городские власти решили отказаться от идеи превращения Новгорода в исторический заповедник и начать восстанавливать его «по-социалистически» [8, с. 350–361].

В 1950 г. Генеральный план, разработанный мастерской Щусева, был подвергнут публичной критике. Не помогли ни авторитет создателя Мавзолея, ни даже то обстоятельство, что сам Алексей Викторович ответить на критику уже не мог: он умер в мае 1949 г. Разгромная статья появилась в газете «Правда» 5 января 1950 г. Расставленные в ней акценты не оставляли пространства для дискуссии: «При планировке и застройке Новгорода авторы проектов встали на неправильный, формалистический путь, предложив строить город в стиле простейших мотивов древнейшей архитектуры и искусства без учёта новых требований социалистического градостроительства» [12].

К идее создания города-заповедника вернулись только в конце 1950-х гг. — на волне оттепели, когда предложения защитников культурного наследия Новгорода получили статус государственной программы. По решению Совета министров РСФСР от 28 августа 1958 г. был создан Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник [13]. С 1992 г. старый город, а также церкви и монастыри Новгорода и его окрестностей являются объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максакова Л.В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1990.
2. Зубкова Е.Ю. «Вместо насущного возвращать Красоту»: приоритеты и проблемы послевоенного восстановления памятников культуры (пригородные дворцы Ленинграда в 1944–1950-е годы) // Труды Института российской истории. Вып. 18. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2024. С. 281–320.

3. Кур-Королев К., Шмигельт-Ритиг У., Зубкова Е. Грабёж и спасение: российские музеи в годы Второй мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
4. Ядрышников В.А. «Великий разбег»: Сергей Николаевич Давыдов и новгородская реставрация // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: Материалы международной научной конференции (4–5 декабря 2014). СПб: ИПК «Береста», 2014.
5. Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
6. Трифонова А.Н. Великий Новгород в XX веке: к 1150-летию города. М.: Северный паломник, 2009.
7. Ядрышников В. Прошлое и настоящее Нередицы // Чело. 2000. № 1 (17). С. 7–13.
8. Трифонова А.Н. Генеральный план Новгорода 1945 г. // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: Материалы Международной научно-практической конференции. Новгород, 21–23 сентября 2008 г. Ч. 1. Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета, 2008.
9. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
10. Афанасьев К.Н. А.В. Щусев. М.: Стройиздат, 1978.
11. Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2005.
12. Константинов В. Под стиль памятников старины // Правда. 1950. 5 января.
13. Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. М.: Советская Россия, 1973.

War and Cultural Heritage: on the Way to Restoration. “The Novgorod Phenomenon”

Elena Yurievna Zubkova — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Center for Social History of Russia at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: elena.zubkova@mail.ru

Exemplified by the ‘Novgorod phenomenon’, the paper studies the problem of restoration of cultural monuments lost and damaged during the Great Patriotic War. The restoration began in Novgorod before the war ended, namely, as soon as the city was cleared; it was a unique project to rebuild it from its ruins. Paradoxically, the war provided a chance to implement a promising idea of turning Novgorod into a reserve city; embodied in the General Layout developed under the leadership of Alexey Shchusev (1945). The pivotal change of the city development concept took place in the late 1940s, when, amidst general changes in the state, the Novgorod administration abandoned the idea of a historical and cultural reserve and returned to the pragmatic project of a socialist city as an administrative and industrial center.

Keywords: the Great Patriotic War, cultural heritage, restoration, urban planning, Novgorod

REFERENCES

1. Maksakova L.V. Spasenie kul'turnykh tsennostei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M.: Nauka, 1990 (in Russian).
2. Zubkova E.Yu. «Vmesto nasushchnogo vozvrashchat' Krasotu»: priority i problemy poslevoennoego vosstanovleniya pamyatnikov kul'tury (prigorodnye dvortsy Leningrada v 1944–

- 1950-e gody) // Trudy Instituta rossiiskoi istorii. Vyp. 18. M.: In-t ros. istorii RAN, 2024. S. 281–320 (in Russian).
3. Kur-Korolev K., Shmigel't-Ritig U., Zubkova E. Grabyozh i spasenie: rossiiskie muzei v gody Vtoroi mirovoi voyny. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024 (in Russian).
 4. Yadryshnikov V.A. «Velikii razbeg»: Sergei Nikolaevich Davydov i novgorodskaya restavratsiya // Poslevoennoe vosstanovlenie pamyatnikov. Teoriya i praktika XX veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (4–5 dekabrya 2014). SPb: IPK «Beresta», 2014 (in Russian).
 5. Rabinovich M.G. Zapiski sovetskogo intellektuala. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005 (in Russian).
 6. Trifonova A.N. Velikii Novgorod v XX veke: k 1150-letiyu goroda. M.: Severnyi palomnik, 2009 (in Russian).
 7. Yadryshnikov V. Proshloe i nastoyashchee Nereditsy // Chelo. 2000. № 1 (17). S. 7–13 (in Russian).
 8. Trifonova A.N. General'nyi plan Novgoroda 1945 g. // Novgorodika-2008. Vechevaya respublika v istorii Rossii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Novgorod, 21–23 sentyabrya 2008 g. Ch. 1. Velikii Novgorod: Izd-vo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008 (in Russian).
 9. Kosenkova Yu.L. Sovetskii gorod 1940-kh – pervoi poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009 (in Russian).
 10. Afanas'ev K.N. A.V. Shchusev. M.: Stroiizdat, 1978 (in Russian).
 11. Zinich M.S. Pokhishchennye sokrovishcha: vyvoz natsistami rossiiskikh kul'turnykh tsennostei. M., 2005.
 12. Konstantinov V. Pod stil' pamyatnikov stariny // Pravda. 1950. 5 yanvarya (in Russian).
 13. Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury. Sbornik dokumentov. M.: Sovetskaya Rossiya, 1973 (in Russian).

Индекс УДК 94(47). 084.8

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-140-152

А.И. КУПРИЯНОВ*

Спорт в годы Великой Отечественной войны

В статье на новых архивных источниках анализируются ключевые аспекты истории спорта военных лет: перестройка физкультурно-спортивной жизни летом-осенью 1941 г.; спортивные практики в тыловых районах в условиях войны; стратегии выживания и практики поддержания физической формы спортсменами; процессы восстановления спорта высших достижений в командных и индивидуальных видах спорта в 1943–1945 гг. Возобновление всесоюзных соревнований имело важное пропагандистское значение, оно символизировало мужество советских людей, их веру в победу и её близость. Спортивные соревнования были праздником в тяжёлые военные будни и одновременно репрезентацией мирной жизни. В центре исследования спортивной жизни военных лет находится наиболее популярный в Советском Союзе и зрелищный вид спорта — футбол, который и в годы войны оставался важной частью жизни общества. Футбол, являясь предметом народной любви, был сферой особого внимания центральной и местной власти, объектом государственного регулирования.

Ключевые слова: спорт, футбол, культура, повседневная жизнь, Великая Отечественная война

История спорта в годы Великой Отечественной войны остаётся малоисследованной страницей прошлого. Физкультурно-спортивная жизнь военных лет долгое время изучалась лишь через вклад спортсменов на фронте и в тылу в общую победу над врагом: «Всё для фронта — всё для Победы!». Спортивно-соревновательные практики закономерно были отодвинуты на второй план. Внимание исследователей было приковано к трём собы-

тиям — футбольным матчам, имевшим важное символическое значение как для современников, так и для политики памяти о войне. Матчи, ставшие легендами: «матч жизни» в блокадном Ленинграде в мае 1942 г., «матч смерти» в Киеве 9 августа 1942 г. и «матч возрождения» («на руинах Сталинграда») 2 мая 1943 г. В последние годы в изучении истории спорта, в первую очередь футбола, в период Второй мировой и Великой Отечественной войн произошли заметные

* **Куприянов Александр Иванович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, исполнитель проекта РНФ «Спорт в СССР: институты, практики, репрезентации. 1930–1950-е гг.» (24-2801390).
E-mail: akoupriyanov@rambler.ru

перемены. В ряде работ авторы рассматривают футбол как явление культуры, социально-политической жизни и военной повседневности [1–4]. Вместе с тем социальные и организационные проблемы советского футбола в годы войны ещё не привлекли к себе необходимого внимания исследователей.

Перестройка физкультурно-спортивной жизни в условиях войны

Война, начавшаяся 22 июня 1941 г., прервала чемпионат страны по футболу, который, как и другие всесоюзные, республиканские, краевые и областные соревнования, был «отложен»¹, а футбольные команды мастеров были расформированы². В первые дни войны тысячи спортсменов добровольцами ушли в действующую армию. Среди них был почти полный состав футболистов ленинградского «Спартака» во главе с тренером П.В. Батырёвым. Массовый характер приобрёл патриотический порыв студентов и преподавателей двух крупнейших физкультурных вузов страны. 422 преподавателя и студента московского Государственного центрального института физической культуры ушли на фронт. Восемь выпускников и преподавателей были удостоены звания Героя Советского Союза [5]. Более 700 преподавателей и студентов ленинградского Института физической культуры им. Лесгафта вместе с директором И.И. Никифоровым ушли добровольцами в Красную армию, в партизанские отряды, в народное ополчение [6].

Сотни мастеров спорта стали инструкторами, обучавшими военному делу (рукопашному бою, гранатометанию, плаванию, лыжному бегу (ил. 1) и другим прикладным видам спорта) будущих бойцов. Многие из-

Ил. 1. Плакат 1942 г. Худ. И.Т. Колочков

вестные спортсмены несли службу в тыловых частях армии и в войсках НКВД, работали на заводах и фабриках. Все они своим повседневным трудом приближали победу.

Комитет по физической культуре и спорту при СНК СССР (далее — Спорткомитет), перенес акцент в своей работе на подготовку допризывной молодёжи и молодых бойцов к выполнению боевых задач, занимался, хотя и в меньших размерах, проведением спортивных соревнований, главным образом, на городском и районном уровнях. Даже когда фашистские войска рвались к Москве, 12 октяб-

¹ Красный спорт. 1941. 1 июля.

² ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 415. Л. 144.

Ил. 2. Афиша XIII Велогонки по Садовому кольцу

ря 1941 г. в столице состоялось закрытие легкоатлетического сезона и прошли матчи седьмого — предпоследнего — тура чемпионата Москвы по футболу¹.

В тех экстремальных условиях спортивные соревнования были не столько зрелищем и состязанием, сколько служили средством пропаганды, убеждая москвичей, что, если на поле выходят футбольные «звёзды», значит, враг будет остановлен и отброшен от стен столицы. И всё же первенство города из-за приближения линии фронта к Москве не было завершено. Однако успешное контрнаступление Красной армии позволило в феврале 1942 г. провести кубок столицы по русскому хоккею. Особенно состью освещения кубковых матчей в газетах («Красный спорт», «Вечерняя Москва») было

стремление «показать спортивное состязание в таком виде, что в Москве не было ни осадного положения, ни войны, что москвичи живут своей «обычной» жизнью, и в этой жизни есть спортивные состязания ведущих хоккейных команд страны» [7] (ил. 2–3).

Спортивные практики и стратегии выживания

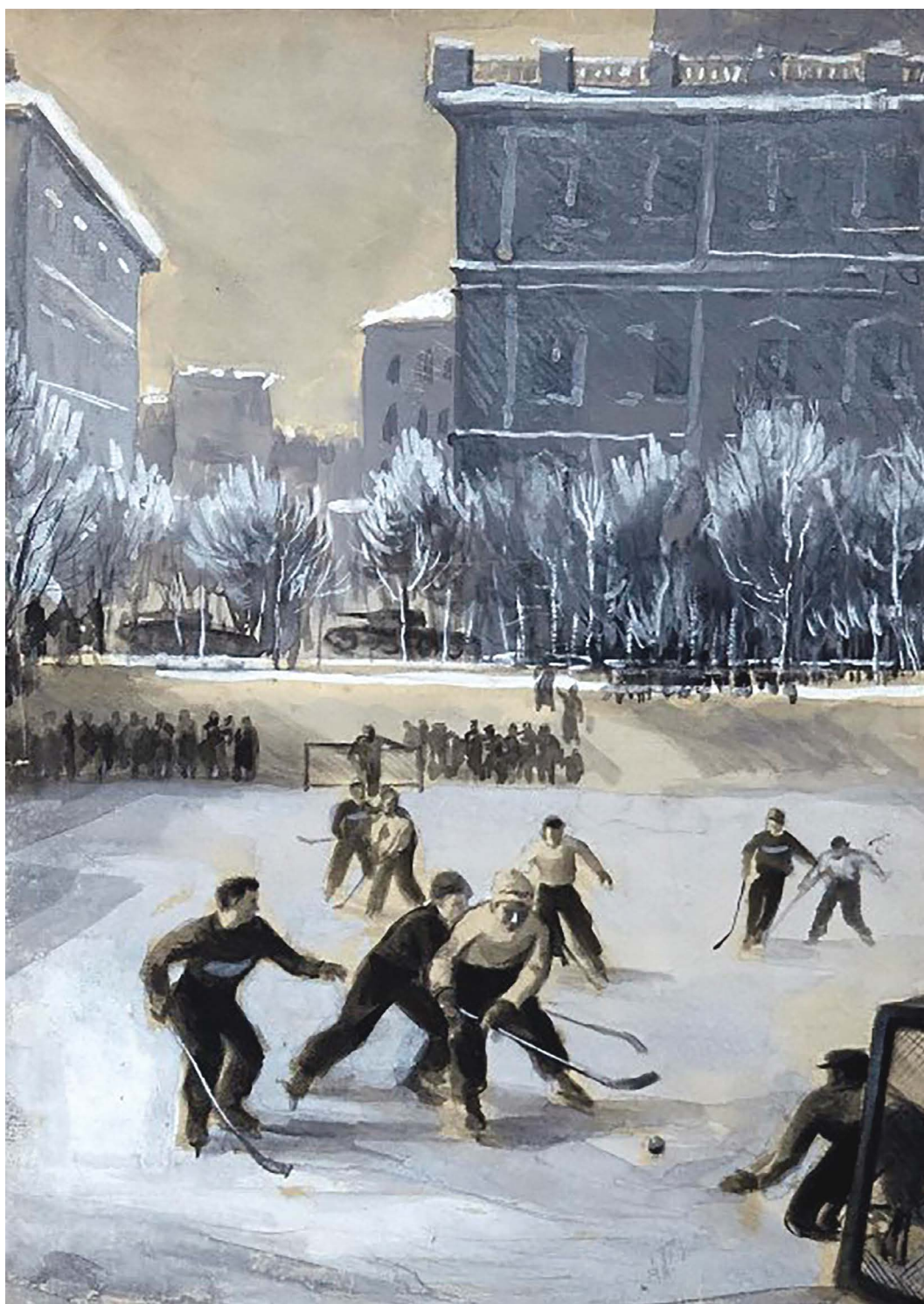
Успехи Красной армии в битве под Москвой позволили Спорткомитету ходатайствовать о проведении чемпионата и кубка СССР по футболу. В записке председателя Спорткомитета В.В. Снегова от 31 марта 1942 г. потребность проведения чемпионата обосновывалась следующим образом: «Спортивные соревнования мастеров спорта, представляя неотъемлемое звено культурной жизни нашей советской страны, должны проводиться в дни войны». В обосновании необходимости проведения первенства страны присутствовал также аргумент международного

характера: «Учитывая огромный вес и популярность Советского Союза за рубежом, а также возможные спортивные встречи в странах Англии, Америки, необходимо спортивные кадры готовить к этому сейчас»².

Ранней весной 1942 г. ведущие клубы приступили к тренировкам. Хотя в стране работали театры и концертные залы, снимались кинофильмы и выпускались театральные премьеры, возобновление регулярных тренировок с освобождением футболистов на их время от работы и службы с осуждением было встречено во властных структурах. Футболистами заинтересовались и в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), и в наркомате госконтроля. Председатель Спорткоми-

¹ Вечерняя Москва. 1941. 13 октября.

² ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 436. Л. 2.

Ил. 3. Хоккей на Патриарших прудах. Декабрь 1941 г. Худ. Я.В. Титов

тета В.В. Снегов отправил списки состава футбольных команд мастеров в эти два адреса для проверки фактической работы спортсменов-футболистов на предприя-

тиях, в органах НКВД и в Красной армии¹. О результатах проведённой Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) проверки Г.Ф. Александров и его заместитель

¹ ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 436. Л. 6, 11.

П.Н. Федосеев 21 июля 1942 г. докладывали секретарям ЦК Андрееву, Маленкову и Щербакову. Они сообщали, что в начале войны мастерам футбола было рекомендовано поступить для работы на предприятия, но на деле это зачисление оказалось фиктивным¹.

Насколько точна данная ими оценка? В феврале 1944 г., когда состояние футбола в стране в годы войны обсуждалось на совещании мастеров футбола с редакцией «Комсомольской правды», видный спортивный специалист М.Д. Товаровский охарактеризовал 1941–1942 гг. как «разброд, перегруппировку, отсев». По его наблюдениям, часть команд прекратила существование, но были организованы новые армейские и заводские команды. «Появились “полуосвобождённые” команды по примеру команд мастеров (с середины 1930-х гг. так официально именовали коллектив профессиональных спортсменов в игровых видах спорта. — А.К.), где футболисты меньше работали и больше играли в футбол»².

К весне 1942 г. команды — участницы футбольного первенства страны 1941 г. подошли в разном состоянии. Самыми укомплектованными были ЦДКА и московское «Динамо». Спортсмены ЦДКА несли службу в тылу. Кроме того, по сведениям Спорткомитета, 11 футболистов ЦДКА были зачислены слушателями на военный факультет ГЦИФК им. Сталина, обучение в котором велось по ускоренной программе. В. Николаев в мемуарах говорил о 16 зачисленных футболистах ЦДКА [8]. Все футболисты динамовских команд были призваны на службу в НКВД. Только в Москве в частях НКВД служили 112 футболистов, которых, как установила проверка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) летом 1942 г., командование регулярно для тренировок по 2–3 раза в неделю освобождало от «повседневных обязанностей бойцов»³. Среди

них были и футболисты минского «Динамо», выступавшие в весеннем чемпионате Москвы 1942 г. как команда одной из воинских частей (в дальнейшем «Динамо-П»). Сохранило основу и тбилисское «Динамо».

Сильнейшая команда ленинградского довоенного футбола — «Динамо» — действительно была расформирована в соответствии с приказом всесоюзного Спорткомитета от 2 июля 1941 г. Половина команды в рядах армии защищала Ленинград или поддерживала в городе правопорядок, неся службу в НКВД, а часть «динамовцев» была эвакуирована в тыл. Весной 1942 г. из оставшихся в городе и в войсках, оборонявших Ленинград, футболистов команда была спешно собрана и уже в мае провела первый товарищеский матч, ставший легендой блокадного Ленинграда и всего советского футбола [9]. В Казани из эвакуированных футболистов динамовских команд Ленинграда и Киева был образован новый коллектив — «Динамо» (Казань). Футболисты ленинградского «Зенита» также оказались в столице Татарии, а в 1943 г. их прикрепили к артиллерийскому заводу № 88, расположенному в подмосковном посёлке Болшево. Под флагом московского «Зенита» они (вместе с несколькими игроками «Спартак», работавшими на заводе) участвовали в чемпионате столицы [10].

После начала войны на «ЗИСе» (автомобильном заводе им. Сталина) работали не только московские «торпедовцы», но и некоторые футболисты из других профсоюзных команд. Эвакуация разделила команду на две неравные группы, но весной 1942 г. коллектив воссоединился в Москве. «Торпедовцы» 2–3 дня в неделю освобождались от работы для тренировок и игр на первенство и кубок города⁴.

В сложной ситуации оказался весной 1942 г. московский «Спартак». И.о. предсе-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 6. Д. 110. Л. 57.

² ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 472. Л. 2.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 110. Л. 57–58.

⁴ Там же. Л. 57.

дателя президиума Московского горсовета «Спартак» Сидоров 10 апреля 1942 г. жаловался Снегову: футбольные мастера общества не прикреплены ни «к специальной закрытой столовой, ни к распределителю», что ведёт к потере веса и не позволяет им эффективно тренироваться¹. Не менее острой была и проблема «бронирования». Решением Комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации лишь 11 футболистов «Спартака» имели отсрочки от призыва в армию².

Слухи о предстоящем чемпионате разрушили недолгий мир между футбольными коллективами. Начались «меценатские войны», но в этот раз есть основания полагать, что как никогда прежде был использован административный ресурс. Едва ли случайно арест Николая, Андрея и Петра (Александр, находившийся на фронте, был арестован позже) Старостиных произошёл 21 марта 1942 г., когда все заинтересованные спортивные общества, ВЦСПС и Управление горной, лыжной и физической подготовки Красной армии уже подтвердили готовность своих команд участвовать в чемпионате и кубке страны. Против версии о совпадении этих двух событий есть немало фактов, приведу три из них. Первый — арест был произведён по решению Сталина на основании доклада ведомственного шефа «динамовских» команд, страстного любителя футбола Л.П. Берия. Следует отметить, что в 1938 г. он представил Молотову и Сталину оригинальный проект реформирования чемпионата страны по футболу. Второй — большинство обвинений (в том числе подготовка покушения на Сталина) против Старостиных рассыпалось в ходе следствия и на суде, что подтверждает заказной характер этого дела. Третий факт — весной и летом 1942 г.,

когда наркомат государственного контроля, Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Спорткомитет при проверке занятости футболистов на производстве и службе очень тщательно выискивали нарушения со стороны футболистов профсоюзных команд («Зенит», «Крылья Советов», «Локомотив»), но особенно — главных потенциальных конкурентов «Динамо» — укомплектованного квалифицированными футболистами московского «Торпедо» и, конечно, московского «Спартака». При этом ни одна из трёх проверяющих инстанций не заинтересовалась фактической службой и работой «динамовцев» Тбилиси.

Поворот к спорту высших достижений

По оценке Спорткомитета³, 1943 г. характеризуется восстановлением спортивной работы. В полной мере это относится к футболу. Команды мастеров возобновляли свою работу «под всяческими предлогами». В тыловых районах состоялись розыгрыши первенств городов, в том числе Москвы (с апреля 1942 г.), а с июля 1943 г. — и Ленинграда⁴.

Не футболом единым был жив спорт в годы войны. Наряду с соревнованиями физкультурников — массовыми лыжными и легкоатлетическими кроссами, велопробегами, военизированными эстафетами — начиная с 1942 г. проводятся соревнования на побитие всесоюзных и мировых рекордов. Газета «Красный спорт» за 29 сентября 1942 г. на первой странице поместила информацию о результатах кросса им. Л. Берия, проведённого среди «динамовцев» Москвы и Красноярского края, и сообщение о триумфе Феодосия Ванина, обновившего в ходе одного забега три рекорда страны: на 15 км, в часовом беге и на 20 км (ил. 4). Результат

¹ ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 436. Л. 3.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Д. 477. Л. 7.

⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-293. Оп. 2-1. Д. 922. Л. 97; Д. 926. Л. 114; Ленинградская правда. 1943. 7 сентября.

Ил. 4. Первая полоса газеты «Красный спорт». 29 сентября 1942 г.

на последней дистанции — 1 час 3 минуты 51 секунда — превосходил мировой рекорд на 9,2 сек.¹

Всесоюзные турниры по лыжам и конькобежному спорту, лёгкой и тяжёлой атлетике, плаванию, велоспорту, боксу возобновились уже в 1943 г. Как справедливо отмечает А.В. Сперанский, «восстановленные чемпионаты нуждались в исполнителях высокого класса, поэтому политика возвращения атлетов в спортивные коллективы и команды мастеров стала государственным делом» [11].

В ряде видов легкоатлетической программы были показаны высокие результаты. Особенно радовала зрителей своими достижениями метательница Нина Думбадзе (ил. 5). На первенствах СССР 1943 и 1944 гг. по лёгкой атлетике диск, посланный Думбадзе, улетал за границу мирового рекорда, всё ближе приближаясь к пятидесятиметровой рубежу. Она же отличилась и в новой дисциплине — метании связки гранат [12, 13].

Соревнования военных лет проходили с не меньшим накалом, чем до войны. Са-

¹ Красный спорт. 1942. 29 сентября.

Ил. 5. Рекордсменка мира Н. Думбадзе

мозабвенно и азартно играли не только мужчины, но и женщины. Так, во время финала кубка Москвы по хоккею с мячом (1944 г.) «динамовки» и «спартаковки» бились за победу, не жалея себя и не щадя соперниц. В результате Московский городской совет «Спартак» отпустил хоккеистке Тышовой для лечения поврежденных в «ледовом побоище» зубов 2 тыс. рублей. Восстановление здоровья другой спортсменки — Старостиной, получившей

в той же игре травму глаза, повреждения ушного и глазного нервов, потребовало дотаций (500 руб.) на медицинские процедуры у частного врача¹.

По мере успехов Красной армии возрастал интерес к футболу как зрелищу. Со скучившиеся по футболу и мирной жизни горожане заполняли трибуны стадионов. Об этом же свидетельствуют более 80 заявок от различных городов с просьбой прислать для выступлений московские ко-

¹ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 27. Л. 58–60.

Ил. 6. Афиша футбольного матча

Ил. 7. Физкультурный парад на Красной площади 12 августа 1945 г. М. Трахман

манды мастеров¹. В конце 1943 г. Спорткомитет, заручившись поддержкой ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, вновь обращается к высшему руководству страны с просьбой разрешить провести в 1944 г. розыгрыш первенства

СССР и «Кубка СССР» по футболу (ил. 6). Первоначально это предложение даже как будто бы получило одобрение. Об этом свидетельствует, в частности, распоряжение СНК СССР № 7355-р от 3 апреля 1944 г.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 472. Л. 2.

Ил. 8. Физкультурный парад в Сталинграде. Лето 1945 г. М. Редькин

«Об обязании Наркомторга СССР (т. Любимова) отпускать обеды для мастеров и судей футбольных команд первенства СССР по футболу»¹, подписанное заместителем председателя СНК СССР А.И. Микояном. Однако, взяв небольшую паузу, власть отказала. В июне Снегов уже без поддержки профсоюзов и комсомола обращается к К.Е. Ворошилову с просьбой о разрешении провести розыгрыш кубка СССР. И распоряжением СНК СССР № 14948-р от 20 июля 1944 г. такое разрешение было дано².

В военное время люди привыкают к опасности, чувство страха отступает, по крайней мере на время, освобождая место жажде зрелищ и развлечений, которые дают необходимую эмоциональную разрядку (ил. 7–8). В освобождённых районах футбол возвращается как часть повседневной городской жизни. Приве-

ду характерное описание Харькова конца октября 1943 г. из дневника офицера Г.В. Славгородского: «Город оживает. Читаем объявления, афиши — футбол, уроки музыки, театр, учреждения, дворники — всё, как положено!» [14].

Интерес москвичей к играм чемпионата и кубка столицы, проходившим на небольших стадионах, побудил спортивных функционеров ходатайствовать о проведении футбольных матчей и других спортивных соревнований на «Динамо» — главном стадионе страны. Совнарком СССР в этом вопросе действительно пошёл навстречу пожеланиям трудящихся и четыре раза в мае-августе 1944 г. своими распоряжениями разрешал постепенно увеличивать численность зрителей на стадионе с 15 до 60 тыс. человек³. И всякий раз в дни проведения физкультурных праздников,

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 94. Л. 427.

² Там же. Д. 104. Л. 198.

³ Там же. Д. 100. Л. 31, 424; Д. 103, Л. 227; Д. 107. Л. 231.

которые венчались играми ведущих футбольных команд страны, трибуны «Динамо» были переполнены. В преддверии финала «Кубка СССР» 1944 г. — первого за годы войны — в столице случился невиданный ажиотаж. Председатель Спорткомитета Снегов, лично распределявший билеты, впервые в жизни почувствовал себя очень важной персоной — уже не он, а к нему обращались с просьбами из ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Среди просителей были генералы и народные артисты, директора крупнейших заводов и лауреаты сталинских премий. Простые москвичи с боями прорывались к кассам стадиона, безбилетники просачивались на трибуны всеми мыслимыми и немыслимыми путями.

В результате были заняты не только все места, но забиты зрительями и проходы между трибунами. В отчёте о финальном поединке Михаила Якушина — автора уникального чемпионского хет-трика (футбол, хоккей с мячом и хоккей с шайбой) — численность зрителей была определена в 70 тыс.¹. С ним был согласен и писатель Лев Кассиль, написавший в «Вечёрке»: «70, а может быть и все 80 тысяч зрителей»².

В годы войны спорт был не просто состязанием и зрелищем, не только символом мужества и нестигаемости советских людей, но и репрезентацией нормальной мирной жизни, укрепляющей уверенность в скором победоносном исходе войны и приближающей Победу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмальдинова А.А., Лекманов О.А., Свердлов М.И. «Ликует форвард на бегу...». Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950 годов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
2. Брагинский Д. Шостакович и футбол: Территория свободы. М.: Изд-во «Дмитрий Шостакович», 2018.
3. Дунаевский А., Румянцев С. Футбол в годы блокады / 2-е изд., испр. и доп. СПб; М.: «RUGRAM_Пальмира», 2022.
4. Футбол. Война. Холокост: документы, свидетельства, фотографии / Под ред. И.А. Альтмана, А.Е. Гербер. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
5. https://gtsolifk.ru/ob_universitete/muzey/v_binokl_vremeni/put_dlinoyu_v_vek/godi_opalenie_voynoy/gtsolifk_v_godi_velikoy_otchestvennoy_voyni311 (дата обращения: 18.12. 2024).
6. <http://lesgaft.spb.ru/istoriya-ngu/istoriya-ngu-im-pf-lesgafta> (дата обращения: 18.12. 2024).
7. Красильников Т.С. Советское физкультурное движение в первой половине XX века (на примере развития хоккея с мячом): Дисс... канд. ист. наук. Мытищи, 2024. С. 188.
8. Николаев В.А. Я — из ЦДКА! М., 1995.
9. Дунаевский А., Румянцев С. Футбол в годы блокады / 2-е изд., перераб. и доп. СПб.; М.: RUGRAM_Пальмира, 2022.
10. <https://zenit-history.ru/istoriya/466-zenit-v-gody-voyny/4875-zenit-v-gody-voyny-chast-2-god-1942-j>; <https://zenit-history.ru/istoriya/466-zenit-v-gody-voyny/4876-zenit-v-gody-voyny-chast-3-god-1943-j> (дата обращения: 5.12.2024).
11. Сперанский А.В. Советский спорт в годы Великой Отечественной войны: политика, идеология, достижения // Уральский исторический вестник. 2020. № 2. С. 130.
12. Хинчук-Михайлова Г. В год сталинградской битвы. Лёгкая атлетика в 1943 г. // Лёгкая атлетика. 1995. № 3. С. 11.

¹ Красный спорт. 1944. 29 августа.

² Вечерняя Москва. 1944. 28 августа.

13. Хинчук-Михайлова Г. Ещё шла война. Лёгкая атлетика в 1944 г. // Лёгкая атлетика. 1995. № 4. С. 27.
14. Славгородский Г.В. Фронтовой дневник 1941–1945. М., 2017. С. 187.

Sport during the Great Patriotic War

Aleksandr Ivanovich Kupriyanov – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, executor of the project “Sport in the USSR: Institutions, Practices, Representations. 1930’s–1950’s” (24-2801390) of the Russian Science Foundation.

E-mail: akoupriyanov@rambler.ru

Based on the new archival sources, the paper analyses key aspects of sports history during the war: the reshaping of physical culture and athletic activities in the summer and autumn of 1941; sport practices in the rear areas amidst the war; survival strategies and fitness maintenance of athletes; the processes of restoration of high-performance team and individual sports in 1943–1945. The resumption of the nationwide sports competitions had an important propaganda value. It symbolized the courage of the Soviet people, their faith in the imminent victory. Competitions were a feast amidst the hardships of war and, at the same time, a symbol of peaceful life. The study of sports life during the war years is centered on the most popular and spectacular sport in the Soviet Union, football, which remained an important part of society even during the war period. Football, as an object of people's love, was a sphere of special attention of central and local authorities, an object of state regulation.

Keywords: sport, football, culture, daily life, the Great Patriotic War

REFERENCES

1. Akmal'dinova A.A., Lekmanov O.A., Sverdlov M.I. «Likuet forward na begu...». Futbol v russkoi i sovetskoi poezii 1910–1950 godov. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016 (in Russian).
2. Braginskii D. Shostakovich i futbol: Territoriya svobody. M.: Izd-vo «Dmitrii Shostakovich», 2018 (in Russian).
3. Dunaevskii A., Rumyantsev S. Futbol v gody blokady / 2-e izd., ispr. i dop. SPb; M.: «RUGRAM_Pal'mira», 2022 (in Russian).
4. Futbol. Voina. Kholokost: dokumenty, svidetel'stva, fotografii / Pod red. I.A. Al'tmana, A.E. Gerber. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024 (in Russian).
5. https://gtsolifk.ru/ob_universitete/muzey/v_binokl_vremeni/put_dlinoyu_v_vek/godi_opalenie_voynoy/gtsolifk_v_godi_velikoy_otechestvennoy_voyni311 (data obrashcheniya: 18.12. 2024) (in Russian).
6. <http://lesgaft.spb.ru/istoriya-ngu/istoriya-ngu-im-pf-lesgafta> (data obrashcheniya: 18.12. 2024) (in Russian).
7. Krasil'nikov T.S. Sovetskoe fizkul'turnoe dvizhenie v pervoi polovine XX veka (na primere razvitiya khokkeya s myachom): Diss... kand. ist. nauk. Mytishchi, 2024. S. 188 (in Russian).
8. Nikolaev V.A. Ya – iz TSDKA! M., 1995 (in Russian).
9. Dunaevskii A., Rumyantsev S. Futbol v gody blokady / 2-e izd., pererab. i dop. SPb.; M.: RUGRAM_Pal'mira, 2022 (in Russian).

10. <https://zenit-history.ru/istoriya/466-zenit-v-gody-vojny/4875-zenit-v-gody-vojny-chast-2-god-1942-j>; <https://zenit-history.ru/istoriya/466-zenit-v-gody-vojny/4876-zenit-v-gody-vojny-chast-3-god-1943-j> (data obrashcheniya: 5.12.2024) (in Russian).
11. Speranskii A.V. Sovetskii sport v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: politika, ideologiya, dostizheniya // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2020. № 2. S. 130 (in Russian).
12. Khinchuk-Mikhailova G. V god stalingradskoi bitvy. Lyogkaya atletika v 1943 g. // Lyogkaya atletika. 1995. № 3. S. 11 (in Russian).
13. Khinchuk-Mikhailova G. Eshcho shla voina. Lyogkaya atletika v 1944 g. // Lyogkaya atletika. 1995. № 4. S. 27 (in Russian).
14. Slavgorodskii G.V. Frontovoi dnevnik 1941–1945. M., 2017. S. 187 (in Russian).

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ РФФИ (РГНФ) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН

Артамонова Ж.В. Московские открытые процессы 1936–1938 гг.: новые источники, новые проблемы, новое осмысление.

Проект № 16-01-00243-ОГН

Гребёнкин И.Н. Воспоминания Б.А. Энгельгардта (1877–1945 гг.).

Проект № 19-09-00117

Захаровский Л.В. Адаптация региональной системы подготовки рабочих кадров к миграционным процессам (Свердловская область, 1920–1950-е гг.).

Проект № 19-09-00396

Кабакова Н.В. Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.).

Проект № 17-11-55006-ОГН

Кабанова И.Э. Константин Федин. Дневники. Т. 1: 1920–1945.

Проект № 19-012-00023

Каменских М.С. Национальная политика РСФСР в 1923–1939 годах: региональный аспект.

Проект № 17-11-59003-ОГН

Макарова Н.Н. Повседневная жизнь и эмоциональный режим промышленного города (по материалам Магнитогорска 1930–1950-х гг.).

Проект № 21-09-43032

Матлин М.Г. Голод 20–40-х годов XX в. и связанные с ним традиционные повседневные практики в устных рассказах русского сельского населения Поволжья.

Проект № 17-14-73003-ОГН

Михеев М.В. Индустриальный плацдарм или сырьевая база? Урал в системе национальной экономики середины XX в.

Проект № 18-39-00135

Мухин М.Ю. Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки.

Проект № 21-09-43004

Панова О.Ю. Американские травелоги между двумя мировыми войнами: взгляд на «старую» Европу и «новую» Россию.

Проект № 19-312-90043

Руцинская И.И. Иконография Сталина: репрезентации власти в советском искусстве 1930–1950-х годов.

Проект № 18-012-00540

Смирнов Ю.Ф. Социальная история тульской промышленности между мировыми войнами: от Первой мировой до Великой Отечественной (1918–1941).

Проект № 15-11-71001a(p)

Сперанский А.В. Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала).

Проект № 18-09-00614

Сухова О.А. Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.

Проект № 18-09-00125

Такташева Ф.А. Сталинградская область в 1939–1959 гг.: демографический срез.

Проект № 18-49-343006

Ульянова С.Б. Массовый спорт в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: рекрутирование, повседневные практики, механизмы социального контроля.

Проект № 18-09-00728

Ульянова С.Б. Национальные авиационные проекты в России и Франции в первой половине XX в.: предпосылки, акторы, контексты.

Проект № 21-59-22004

Уткин В.А. Персонал пенитенциарных учреждений Сибири 1879–1941 гг.: история и современность.

Проект № 17-13-70003-ОГН

Фельдман М.А. Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат.

Проект № 21-09-43024

Чугунова А.Ю. Б.М. Эйхенбаум. Дневниковые записи 1910–1959 гг.: текстологическое исследование, подготовка к публикации.

Проект № 13-04-00288a

Шаманаев А.В. Сохранение культурного наследия России в условиях военных конфликтов первой половины XX в.

Проект № 20-09-00106

Шерстюков С.А. Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьему рейху (1914–1945).

Проект № 18-39-00052

СТРАНА В ОГНЕ

Аристов С.В. Соппротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память.

Проект № 21-09-43046

Ащеулов О.Е. Реактивная установка «катюша» – символ Победы отечественного оружия. История формирования, развития и участия в боевых действиях частей полевой реактивной артиллерии в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.).

Проект № 16-01-50148a(ф)

Баранов А.Г. Город Севастополь в годы Великой Отечественной войны: историко-экономический анализ.

Проект № 20-49-920006

Болдовский К.А. Оборона и блокада Ленинграда (1941–1944 гг.): историография и новые источники.

Проект № 20-19-50303

Вахонеев В.В. Крейсер «Червона Украина»: историко-архивные и подводно-археологические исследования корабля – участника обороны Севастополя периода Великой Отечественной войны.

Проект № 20-49-920007

Давыдов А.Ю. Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны.

Проект № 19-09-00244

Журавлёв С.В. Освобождение Крыма от нацистской оккупации в 1944 г.: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны).

Проект № 17-01-00221

Коровин В.В. Исследование опыта тылового обеспечения войск Центрального фронта в период подготовки и в ходе Курской битвы.

Проект № 20-39-90001

Красноженова Е.Е. Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.

Проект № 20-59-00004

Кринко Е.Ф. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование.

Проект № 21-09-43112

Курас Л.В. Монголия во Второй мировой войне. ИМБТ СО РАН.

Проект № 15-21-03005а(м)

Лебединский В.В. Черноморский флот в период обороны г. Севастополя (1941–1942 гг.): комплексные исследования исторических источников.

Проект № 20-49-920008

Новожеев Р.В. Лагеря для немецких военнопленных на территории Брянской области в 1944–1948 гг.

Проект № 15-11-32001а(р)

Постникова Е.Г. Челябинская область в Великой Отечественной войне на Севере (по дневникам 1943–1946 гг., документальным повестям матроса-подводника Северного флота Г.И. Сенникова и архивным документам).

Проект № 20-49-74008

Пянкевич В.Л. Визуальное и звуковое пространство войны: блокадный Ленинград и его восприятие горожанами.

Проект № 20-09-00170

Семёнов М.А. Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны.

Проект № 20-49-540007

Соболев Г.Л. Деятельность высших партийных органов Ленинграда по обеспечению действий авиации в обороне города 1941–1944 гг.

Проект № 19-39-90021

Суржик Д.В. 1944–1945. Страна в огне. Освобождение. ИВИ РАН.

Проект № 15-21-01009а(м)

Твердюкова Е.Д. Исследование взаимодействия структур власти и управления и механизмов принятия управленческих решений в Ленинграде в период блокады и обороны города, 1941–1944.

Проект № 19-09-00369

Терентьева Е.А. Великая Отечественная война в освещении французской прессы 1941–1945 гг.

Проект № 19-19-50126

Чапенко А.А. Проблемные и неизученные вопросы начального периода Великой Отечественной войны в Заполярье 1941–1942 гг. (по материалам неопубликованных источников Центрального архива Министерства обороны РФ).

Проект № 17-11-51005-ОГН

ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА

Беделъ А.Э. Индустриальный Урал и советский атомный проект: экономические и экологические последствия функционирования ядерно-промышленного комплекса в регионе (1945–1991 гг.).

Проект № 20-09-00103

Буранок С.О. Куйбышев 1941–1943 гг. как центр советско-американских отношений.

Проект № 17-11-63001-ОГН

Костина О.В. Архитектура московского метро. 1935–1980-е гг.

Проект № 15-04-00353a

Кузьмина О.М. Музыкально-художественная жизнь в эпоху Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Калининский фронт.

Проект № 16-14-69005a(p)

Мельников Н.Н. Производственные ресурсы советской танковой промышленности в условиях Великой Отечественной войны.

Проект № 19-09-00050

Мудрова Н.А. Книжное дело в Уральском филиале Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны.

Проект № 15-11-66008a(p)

Одинцов М.И. Религиозные организации в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: патриотическое служение, правовое положение, взаимоотношения с государством (к 75-летию Великой Победы).

Проект № 19-09-00049

Пасс А.А. Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала).

Проект № 19-09-00185

Перевощиков Д.В. Иностранные военнопленные в Удмуртии (1941–1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание.

Проект № 16-11-18002a(p)

Романенко С.А. Общеславянская и коммунистическая идеология в политике ВКП(б)/КПСС и советского государства по отношению к зарубежным славянам (1941–1956 гг.).

Проект № 19-39-90036

Семёнов М.А. Гражданское здравоохранение тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны.

Проект № 20-09-00397

Серазетдинов Б.У. Сибирская деревня в годы военного лихолетья. 1941–1945 гг. (на материалах Алтайского края).

Проект № 19-09-00300

Султангужина Г.Ю. Дети войны. Детский вопрос в политике СССР в годы Великой Отечественной войны. На примере Башкирской АССР.

Проект № 15-11-02010а(р)

Сысоева А.В. Канон советской оборонной литературы: состав, определяющие черты, локальные вариации (Ленинград и Москва).

Проект № 20-012-00549

Чернышёва Н.В. Население Волго-Вятского региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Проект № 19-09-00251

СССР В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ

Апанасёнок А.В. Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.

Проект № 21-09-43066

Асташкин Д.Ю. Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации.

Проект № 16-21-08001-ОГН

Бойцова Е.Е. Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя.

Проект № 20-49-920005

Дементьев И.О. «Советский народ» на крайнем западе России: теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области (1945–1991).

Проект № 21-09-43039

Захарченко А.В. Госплан и межведомственные отношения в контексте экономической политики СССР в послевоенный период (1945–1953).

Проект № 16-01-50017а(ф)

Калинин А.А. Балканский рубеж холодной войны: Греция в политике СССР в 1945–1967 гг.

Проект № 16-01-50066а(ф)

Коновалов А.Б. Социальные трансформации сибирской номенклатурной элиты ВКП(б)–КПСС: факторы, динамика, последствия (1945–1991).

Проект № 16-01-00240а

Леонтьева Т.Г. Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950-е гг.: религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях «детей войны».

Проект № 21-09-43126

Марченко А.Н. Епископское служение в Русской Православной Церкви в контексте государственно-церковных отношений в СССР в 1941–1964 гг.

Проект № 21-011-44202

Надькин Т.Д. Сельская повседневность в условиях перехода от войны к миру (1945–1953 гг.): региональный аспект.

Проект № 19-39-90020

Разгон В.Н. Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг.

Проект № 17-11-22001-ОГН

Сакаев В.Т. Население Республики Татарстан в 1945–1991 гг.: историко-демографический анализ.

Проект № 17-11-16005-ОГН

Тимошенко А.И. Экономическое и социально-демографическое развитие Арктических территорий СССР (1920–1980-е годы).

Проект № 19-09-00041

Хасянов О.Р. Социальный жизненный мир и повседневные практики советского крестьянства в послевоенное двадцатилетие (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей).

Проект № 17-11-73001-ОГН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Алёшина Е.Ю. Глобальный конфликт прошлого в современном медиапространстве: историческая память в дискурсивном ракурсе.

Проект № 20-112-50378

Аникин Д.А. Война как предмет политики памяти: основные теоретико-методологические аспекты.

Проект № 20-311-90047

Аникин Д.А. Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве.

Проект № 20-011-31600

Аникин Д.А. Образы Великой Отечественной войны в региональной памяти: анализ молодёжного восприятия методами BigData.

Проект № 21-011-31153

Аполлонов И.А. Исторический опыт в контексте самопонимания российской идентичности (на примере исследования представителей молодёжи Кубани о Великой Отечественной войне).

Проект № 14-13-23009а(р)

Архипова А.С. Конструирование образа Сталина в советском и постсоветском фольклорно-мифологическом дискурсе.

Проект № 15-54-00025а(ф)

Болтунова Е.М. Проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо»: историческое наследие и позднесоветские формы позиционирования территории.

Проект № 21-09-43050

Буркова Т.В. Мемориальные доски как знаки исторической памяти в России (XX – начало XXI в.).

Проект № 16-01-00391а

Дроздов К.С. Героика Великой Отечественной войны: свидетельства участников, пропагандистские образы и историческая память.

Проект № 17-01-00230

Душакова И.С. Фреймирование личности и эпохи И. Сталина в современных российских СМИ.

Проект № 20-011-32239

Жданова С.Ю. Образ войны в различных семиотических системах у представителей разных культур: на материале исследования русских и американцев (к семидесятилетию Победы во Второй мировой войне).

Проект № 15-16-59006a(p)

Зайцев А.А. Научная подготовка к изданию сборника документов «Великая Отечественная война в письменных и визуальных эго-документах» (в серии «Библиотека Кубанского края»).

Проект № 14-11-23005a(p)

Земцов В.Н. Образ войны в коллективной памяти молодёжи России и Европы: коммеморативные практики и механизмы формирования гражданской идентичности.

Проект № 20-011-31560

Кондратьева Н.В. Рецепция войны в удмуртской литературе: история и современность.

Проект № 16-14-18005a(p)

Костяшов Ю.В. Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.).

Проект № 15-21-06002a(м)

Моисеева С.А. Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) в источниках личного происхождения. МГТУ.

Проект № 15-04-00177a

Попов А.Д. Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945–1991 гг.

Проект № 18-09-00576

Сперанский А.В. Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность.

Проект № 20-09-20017

Танина М.А. Социосемиотические модели, дискурсивные практики формирования исторической памяти студенческой молодёжи российских мегаполисов и провинции как элемент технологий политической радикализации и воспитания государственно-образующей личности: языковые модели и инструменты.

Проект № 21-011-31099

Трофимов А.В. Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ.

Проект № 20-09-00216

Учаев А.Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как политический ресурс.

Проект № 21-011-31594

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2025, № 1 (120)

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru
<https://rcsi.science>

Подписано в печать 07.04.2025. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 361029

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3